

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!

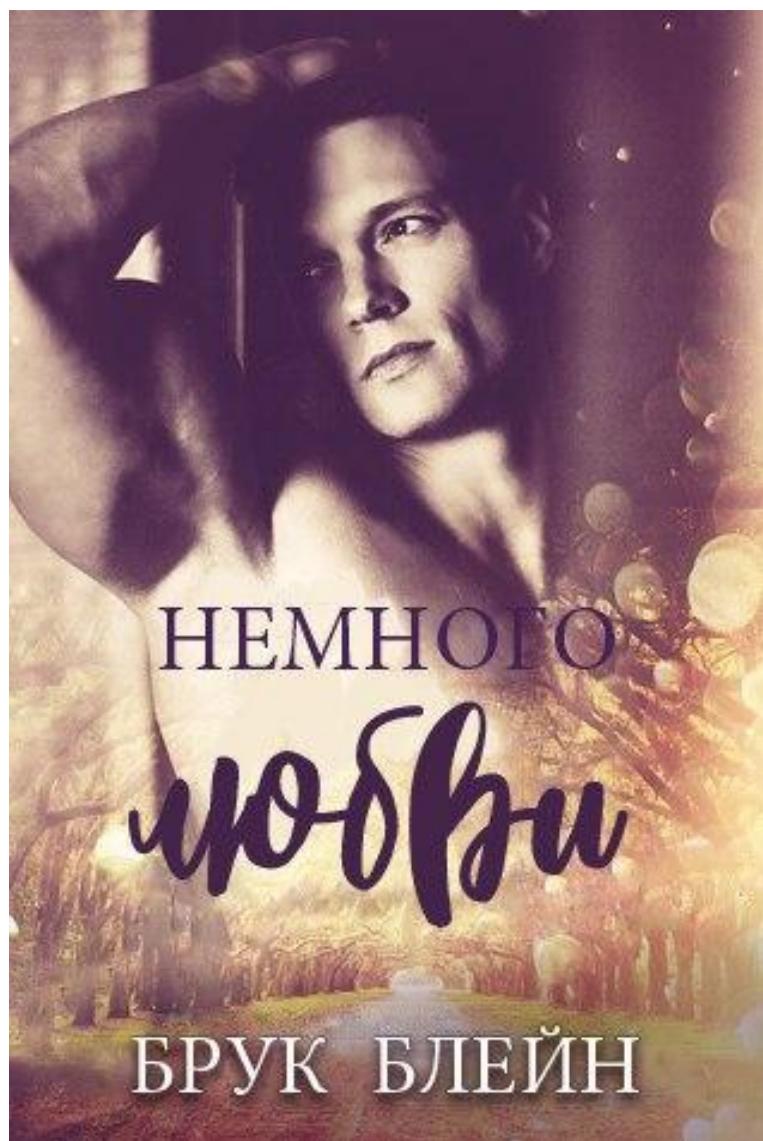
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.

Спасибо.

Брук Блейн

"Немного любви"

Серия: Южная гавань (книга 1)

Автор: Брук Блейн

Название на русском: Немного любви

Серия: Южная гавань_1

Перевод: levengo

Редактор: Eva_Ber

Обложка: Таня Медведева

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Что, если у тебя есть всё, чего только можно хотеть в этой жизни... кроме мужчины, которого ты оставил позади?

Джексон Дэвенпорт, харизматичный, до невозможности серьёзный наследник состояния Дэвенпортов, хранит секрет. Секрет, который он тщательно скрывал после выпуска из Академии для мальчиков в Южном Хэйвене. И имя этого секрета — Лукас.

Когда рабочая поездка приводит Джексона обратно в любимые места из прошлого, воспоминая о где, который он провел с Лукасом, вырываются на поверхность. С увеличивающимся давлением со стороны его отца насчёт того, чтобы он наконец остыпенился и взял в свои руки руководство над семейным бизнесом, Джексон понимает, что время на исходе, и собирается вновь найти того беззаботного дерзкого парня, которого когда-то знал.

Но Лукас уже далеко не тот парень, которым был восемь лет назад.

Одна ночь. Вдребезги разбитое сердце. И бесконечная вереница случайных лиц. Лукас Салливан абсолютный плейбой Южного Хэйвена, эту репутацию он заработал с того момента, как единственный парень, которого он любил, исчез, не оставив и следа. Для окружающих он дерзкий и уверенный, востребованный художник, который днями напролёт рисует свои уникальные шедевры, а ночи проводит как король в баре в центре города.

Многие пытались преодолеть стены, что он так тщательно возвел, но их попытки были безрезультатны, потому как в его сердце ещё живёт образ застенчивого, прилежного парня, которого он однажды вытащил из скорлупы и который до сих пор преследует его в мыслях.

Возможно, это было ошибкой. Возможно, это было лишь наваждением. Или, может быть... в этом было немного любви.

ПРОЛОГ

Джексон

Восемь лет назад...

Сжал в руке записку директора Стюарта, я вышел из его кабинета, подальше от слов, которые, как я знал, будут преследовать меня вечно.

«Мне жаль, Джексон. Твой отец довольно сильно... настаивает на твоём немедленном возвращении в Коннектикут».

Немедленном... Немедленном... С каждым отзвуком этого слова в мыслях моё сердце колотилось в груди, до боли желая вырваться на свободу из тела, но эту просьбу я был не в силах выполнить.

Была только одна причина, по которой он потребовал бы, чтобы я уехал из Южного Хэйвена до конца уроков на следующей неделе. Мой отец настаивал на том, чтобы я получил лучшее образование, которое позволяли его деньги, выбрав отправить меня в

Южную Джорджию для посещения самой престижной в стране Академии для мальчиков. Я заставил его гордиться, поднявшись на вершину класса, и днями репетировал свою выпускную речь. Пропустить выпускной, официальную церемонию и награждение при этом? Исключено. Что могло означать только одно.

Он узнал. Каким-то образом он узнал.

Это было единственное объяснение письму в моей руке, резкому уходу так поздно вечером, и это незадолго до окончания учебного года. Мой отец добился того, что у него было, не потому, что был глуп или слеп, и я серьёзно недооценивал то, как много глаз и ушей наблюдало за мной в течение этих четырёх лет. Хоть его интерес мог привлечь только шёпот за последние несколько месяцев, только последние восемь дали бы ему причину передумать насчёт меня.

И эта причина была не в чём-то, а в *ком-то*.

В коридорах общежития Сент-Джона было тихо, когда я вошёл, все студенты собрались в общем холле на ужин, после которого будет последний костёр года. Так что никого не будет рядом, чтобы увидеть, как я крадусь в конец коридора, куда не должен был ходить, но не мог сдержаться. Мои ноги, казалось, двигались по собственной воле, отсчёт времени до моего полного опустошения заставлял меня ускорить шаг. Частный самолёт прибудет через несколько часов, давая мне как раз достаточно времени, чтобы собрать вещи, но я никак не мог уйти не попрощавшись. Этого не будет.

Я не был готов. У меня должно было быть больше времени. Когда меня охватил холодный пот паники, я скомкал письмо в кулаке сильнее и выбросил его в одну из урн по дороге.

К чёрту моего отца. К чёрту жизнь, которую он распланировал для меня, которой мне суждено было жить и которую я ненавижу всеми фибрами своей души. Мне хотелось собрать в бутылку все его ожидания и выбросить её в злобное море, чтобы оно поглотило их и разорвало на части.

Мне хотелось бы, чтобы всё было так просто. Я смог выдумать себе чувство свободы, но дверь клетки скоро должна была захлопнуться, отрывая меня от каждой мечты, которую я посмел приобрести за последние несколько месяцев.

Его личная комната была в конце длинного коридора, последняя справа, и я дважды быстро постучал, мгновение подождал, а затем повторил код, который мы использовали друг для друга. Через несколько секунд дверь распахнулась, и, увидев единственный объект моих дневных иочных мыслей, который стоял передо мной со смесью удивления и удовольствия в глазах, я подумал, что прийти сюда было ошибкой. Это только глубже всадит нож.

— Привет... Я думал, мы встретимся по... — слова Лукаса оборвались, и улыбка сползла с его губ, когда он увидел выражение моего лица. — В чём дело?

Ты должен сказать ему. Скажи ему, что происходит и что ты не виноват. Смотри ему в глаза, когда скажешь, что больше никогда не сможешь с ним видеться.

Мою грудь пронзила резкая боль, когда я понял, что на самом деле означает это прощание. Я говорил не то, что не увижу с ним следующие пару дней или недель. Когда я уеду из кампуса Южного Хэйвена ранним утром, я больше не увижу его... никогда.

Боже, я смогу это сделать? Разбить его сердце вместе со своим?

Нет... нет, я не мог сказать ему. Он будет искать меня, найдёт, и невозможно сказать, что мой отец сделает, если это произойдёт. Письмо было предупреждением моего

старика. Нарушение его приказов будет означать последствия, к которым не был готов ни один из нас.

— Джексон? — голос Лукаса стал тише, а затем он выглянул за меня в пустынный коридор. Не увидев никого, кого можно обвинить в моём нынешнем состоянии, он нахмурился и стал ждать ответа.

Но слов не было, так что я стоял и смотрел на него, делая мысленный снимок, который сохраню там, где никто не сможет найти его и уничтожить. Его чёрные волосы были небрежно взъерошены, и я знал его достаточно хорошо, чтобы понимать, что он запускал в них волосы, может, задумываясь, не пропущу ли я наши сегодняшние планы. На его высокой и стройной фигуре была простая серая футболка и джинсы с заниженной талией, а на правом бицепсе можно было разглядеть завитки чёрных татуировок, которые он недавно набил на своей смуглой коже, прежде чем они исчезали из вида под тонкой тканью майки. Он был поразителен, и внешне, и по характеру, и сказать, что я не ожидал силы, которой обладал Лукас Салливан, когда он перевёлся в Академию восемь месяцев назад, было преуменьшением.

Довольно просто, я потерял голову, когда впервые увидел его.

Заставив себя откинуть страх, я сказал:

— Я в порядке.

И попытался поверить, что это ради его блага.

— Ну, ты выглядишь чертовски плохо, — он прислонился к дверному косяку, одна из этих очаровательных лёгких улыбок приподняла одну сторону его губ. — Как сущий дьявол, в любом случае. Что ты делал, бежал сюда всю дорогу?

Не так уж далеко. Я даже не помнил, как пересёк кампус, чтобы добраться до его общежития, пока не оказался перед зданием.

Когда я не рассмеялся над его подколом, выражение лица Лукаса снова помрачнело, а брови опустились, образовав морщинку между ними, пока его глаза цвета грозового неба окинули меня взглядом, ища источник моей боли. Долгое мгновение он молчал, но, должно быть, увидел что-то, что ему не понравилось, потому что замер и сжал челюсть. Затем он сделал глубокий вдох и поспешно выдохнул.

— Скажи мне.

— Что тебе сказать? — спросил я.

Лукас покачал головой, его руки скрестились на груди.

— Здесь я тебе не помощник. Если ты пришёл сюда по какой-то причине, назови её.

Он знал? Он не мог. Я сам только что узнал и... Нет. Этого не могло быть.

— Всё... сложно.

— Сложно?

— Да.

Лукас невесело усмехнулся.

— Джексон Дэвенпорт, я знал, что ты напуган, но никогда не считал тебя трусом. Если ты не хочешь этого, то можешь взять себя в руки и сказать всё мне в лицо.

— Что ты... Я не... — я провел рукой по лицу, пытаясь понять, к кому он пришёл выводу насчёт того, почему я стою перед его дверью. Недостаточность моей невозмутимости заставила его защищаться. Он думал, что я пришёл отвергнуть его. Для меня эта идея была такой неразумной, что у меня внутри всё переворачивалось при мысли об этом. — Лукас... ты всё не так понял.

— Разве?

— Да. Я пришёл не... — я чуть не сказал «бросать тебя», но не хотел врать ему. Никогда не врал и никогда не буду. Вместо этого я сказал: — ругаться с тобой. Я не хочу ругаться.

— Тогда почему ты здесь, Джексон? — спросил он, и мой взгляд опустился на его губы. Я пробовал эти губы всего несколько раз, и близко не хватило, чтобы утолить мужской голод. Все эти месяцы, которые я упустил, борясь с самим собой в голове, никогда не позволяя себе получить то, чего хотел больше всего. И теперь мне оставалось всего несколько часов. Этого было недостаточно, и близко недостаточно. Но это всё, что у меня было, я и не собирался тратить больше ни секунды.

Если я не мог сказать Лукасу, что чувствую к нему, то покажу ему это.

Наконец-то.

Бесповоротно.

И начиная прямо сейчас.

Глава 1

Джексон

Наши дни

— Любимый омлет старого Луи, с картофельными оладьями и ломтиком бекона, крайне хрустящим, для моего нового друга Джексона, — официантка в кафе на Второй улице дружелюбно улыбнулась, поднимая со своего подноса переполненную тарелку и ставя её передо мной. Все, с кем я столкнулся за двадцать четыре часа пребывания в Саванне, улыбались мне точно так же, и эта улыбка, казалось, была у всех южан врождённой. Это и слова «добро утро», пока я шёл от своего отеля до кафе на углу за завтраком, были не единственными отличительными чертами этого города, но они значительно отличались от равнодушия в Коннектикуте, и мне пришлось заставить себя отвечать добром.

— Спасибо, — сказал я, возвращая ей улыбку, отчего её улыбка только стала шире.

— Я могу принести тебе что-нибудь ещё? Ещё кофе?

— Кофе было бы отлично, наливай, — я протянул ей свою полупустую чашку, и она долила её доверху, затем достала из кармана фартука пригоршню пакетиков со сливками и положила их на стол рядом с другими, которые я оставил нетронутыми. На землях, где чай подавался с квартой сахара, наверное, было неслыханно оставлять какой-либо напиток без подсластителя, сливок или дольки лимона, и её жест казался машинальным рефлексом.

— Держи, милый. Наслаждайся и крикни, если что-нибудь понадобится.

— Большое спасибо.

Она поправила свои слишком большие розовые очки и подмигнула, уходя прочь. Я сделал большой глоток чистого кофе и поднял телефон обратно к уху.

— Ты ещё там? — спросил я.

— Я здесь, — ответила Сидни. — Так ты думаешь, что поглощение займёт больше нескольких дней? В чём задержка?

Я принялся за свой бекон, идеально хрустящий и приправленный клиновым сиропом, и подумал о встрече, которая была вчера.

— Думаю, они меньше согласны отдавать «АнаВог», чем мы предполагали. Если я смогу ненадолго остаться наедине с генеральным директором, то, думаю, смогу решить дело за неделю, но до сих пор они заговаривают мне зубы.

— Ты уже сказал это своему отцу?

— Только то, что они не подписали бумаги, не значит, что и не подпишут.

— Значит, это «нет», — рассмеялась она лёгким, звенящим звуком, который всегда напоминал мне музыку ветра. — Что ж, если кто и может убедить их продать компанию, это ты.

Именно поэтому мой отец отправил сюда меня, а не одного из других своих компаний. Я работал в «Дэвенпорт Ворлдвайд» всего с тех пор, как выпустился из Йеля четыре года назад, но уже заработал репутацию человека, способного заключить сделку без твёрдого доминирования, которым был известен мой отец. И где страх поднимал моего отца на вершину технической стратосферы, моё желание слушать и договариваться открывало больше дверей в постоянно меняющемся рынке.

— Не нужно озвучивать информацию, пока у меня на руках не будет контракта.

А он будет. Я не умалял свои успехи, но знал, когда у меня есть преимущество, и знал, что моей силой было узнавать слабость клиента.

— Мне бы хоть половину твоей уверенности, — вздохнула Сидни. — Может, когда ты вернёшься, то сможешь показать мне, как делаешь это.

— Как я делаю что?

— Выставляешь это так, будто всё легко. Завоёвываешь всех этих директоров своим очарованием, — её голос опустился едва ли не до шёпота. — Как ты заставляешь всех влюбляться в тебя.

Моя рука замерла над омлетом, который я резал. *Чёрт*. Я знал, к чему это идёт, и от этого у меня тянуло в груди.

— Джекс? — произнесла она, когда я не ответил.

Я прочистил горло.

— Прости. Я здесь. Связь плохая.

— Оу, ладно, — Сидни колебалась. — Я скучаю по тебе.

Я закрыл глаза и заставил себя втянуть в лёгкие воздух. Я ненавидел, что от этих слов с её языка я поморщился. Я ненавидел, что она говорила мне их, когда я их не заслуживал и не хотел. И больше всего я ненавидел, что моей реакцией на них была ненависть.

— Я тоже, — наконец произнёс я, ложь слетела с моего языка так же легко, как и всегда. Может, я был ужасным человеком, раз говорил ей слова, которые не имел в виду, но я давно был загнан в угол без альтернативы.

Я практически видел полную надежды улыбку на её лице, когда она сказала:

— Наверное, увидимся, когда ты вернёшься?

— Да. Да, увидимся, Сид.

— Хорошо. Удачи насчёт «АнаВог». Оу, и Джекс? Не забудь подумать о... ты знаешь. О том, что мы обсуждали перед твоим отъездом.

Моя челюсть сжалась сама собой, и я крепче обхватил вилку. Именно поэтому мне нужно было уехать оттуда первоначально. Сбежать от ответственности и решений,

которые нависли надо мной как мрачная туча. Но даже сейчас, за миллион миль, меня по-прежнему душили ожидания, от которых я не мог сбежать. Не важно, как далеко я бежал, время по-прежнему сыпалось как в песочных часах, напоминая мне, что я просто откладываю неизбежное. Приклеиваю пластырь на зияющую рану.

Чёрт. Я бросил вилку и провёл рукой по волосам, аппетит пропал. Но каким-то образом мне удалось сказать:

— Подумаю.

— Хорошо. До скорого, Джекс. Я лю...

Я отключился раньше, чем она произнесла это. Те же самые три слова, которые она сказала мне перед тем, как я уехал сюда, уже зациклились в моих мыслях, и я не мог слышать их снова. Я чувствовал себя придурком за то, что бросил трубку, но что я мог сказать? «Спасибо»? «Я тоже»?

— Как у нас здесь дела? — официантка вернулась долить мне кофе и нахмурилась, посмотрев на мою практически нетронутую тарелку. — У тебя нормальный омлет? Бекон достаточно хрустящий?

Я махнул ей рукой.

— Всё в порядке. Просто принесите счёт, пожалуйста.

Светлые брови женщины практически взлетели до линии волос, но она не сказала ни слова, когда уходила. Через несколько минут она вернулась с чеком и коробкой для еды, а я протянул ей свою карту, не глядя на счёт.

— О боже! Ты не мог, — раздался громкий мужской вскрик из-за стола позади меня.

— Ты грязная шлюха. Это *та же самая* рубашка Монико, которая была на тебе прошлым вечером.

Другой мужской голос, слегка ниже тоном, но такой же громкий:

— Это не та.

— *Ta*. Кроме того, я где угодно узнаю это твоё виноватое выражение лица, — парень начал хлопать и напевать. — У Трипа был трах, у Трипа был трах, — в то время как я мысленно простонал. Его голос, такой оживлённый даже ранним утром, эхом раздавался в зале, но больше никто не обращал на них никакого внимания. Единственный шум жалобы, казалось, исходил из моей головы, которая начала пульсировать ещё до того, как я повесил трубку. Я потёр виски, очень надеясь, что официантка скоро вернётся, чтобы я мог пойти выпить несколько таблеток «Адвилла» перед следующей встречей.

— Ты и сам можешь найти, где переночевать, — ответил парень, как я полагаю, по имени Трип.

— Оу, я это и планирую. У меня распланирована вся ночь: новый наряд для «Аргоса» в Южном Хэйвене и коктейль с тем красавчиком, Лукасом.

Ответом на это был хохот, после чего кто-то несколько раз шлёпнул рукой по столу, когда тот, кто планировал жаркую ночь, крикнул:

— Что в этом такого смешного?

Моя голова не могла вынести больше, и я повернулся лицом к ним, готовый сказать парням быть потише, но тот, кто смеялся, смог восстановить дыхание и сказать:

— Если ты думаешь, что Лукас Салливан сегодня уделит твоей тощей заднице хоть какое-то внимание, должно быть, ты накурился чего-то покрепче, чем Мэри Джейн.

Моё чёртово сердце остановилось. Он только что сказал Лукас... Салливан?

— Я тебе скажу, что у нас был *момент*, — сказал парень-твинк (*прим. твинк - симпатичный молодой парень нетрадиционной ориентации*), смахивая воображаемую ворсинку со своей рубашки, пока я смотрел на него.

Трип фыркнул.

— Чушь. Его горячая задница сегодня пройдёт прямо мимо тебя, как и в любую другую ночь. Лукас Салливан — бог. Богекса.

Господи Иисусе...

Я не слышал ничего, что они ещё говорили, из-за того, что кровь прилила к лицу, и её гудение заглушало всё вокруг меня, за исключением тяжёлого *бах, бах, бах* моего сердца, пока оно заводилось заново. Моё тело горело, кожу покалывало от осознания, чего я не чувствовал годами... восемь лет, если точно.

Нет... Я ослышался. Они никак не могли говорить о том самом Лукасе, которого я знал. Это было совпадение, вот и всё. В Южном Хэйвене могло быть любое число людей с таким же именем. Верно? Верно.

Тогда почему моя интуиция говорила мне, что они обсуждают того самого мужчину, которого я так упорно пытался забыть? Лукаса. *Моего* Лукаса.

Он никогда не был твоим Лукасом...

У меня внутри всё болезненно забурлило, и я потёр лицо, пытаясь стереть воспоминания, прежде чем они поднимутся полностью. Только подняв взгляд, я понял, что двое парней перестали разговаривать и смотрели на меня.

Тот, на котором была неоново-синяя майка и велосипедные шорты, заговорил первым.

— Тебе что-нибудь нужно, красавчик?

У меня пересохло в горле, настолько, будто я провёл несколько дней в пустыне, вдыхая одну пыль. Мои мысли летали, но слова, которые я до смерти хотел спросить, не выходили.

— Может, он никогда не видел, чтобы кто-то надевал спандекс на завтрак, — Трип потянул за узкие шорты своего друга и отпустил их с громким шлепком. — Это просто ужасно.

У парня в спандексе отвисла челюсть.

— Я проехал десять миль, прежде чем встретиться с тобой здесь — какого чёрта ты сегодня делал? Сучонок, — он закатил глаза и повернулся обратно ко мне. — Прости, тебе что-нибудь нужно?

— Я, эм... — мне хотелось спросить, говорили ли они о том, о ком я думал. Мне хотелось спросить, знают ли они его, как он, любой кусочек информации, который они могли мне дать, чтобы подпитать моё любопытство. Но трезвый расчёт меня остановил. Это меня больше не касалось, и ничего хорошего не выйдет от ответов, которых я жаждал.
— Вы можете... передать мне соль... пожалуйста?

— Соль? — парень в спандексе даже не потрудился скрыть своего разочарования от моей просьбы — и от отсутствия у меня заинтересованности — но всё равно передал мне солонку.

— Спасибо, — сказал я и быстро развернулся обратно, прежде чем он смог расспросить меня дальше. Мой аппетит по-прежнему не вернулся, так что я посыпал солью нетронутые картофельные оладьи и подождал, чтобы увидеть, обронят ли парни

ещё какие-то крохи информации. Конечно же, они вернулись к своему разговору, и я задержал дыхание.

— В любом случае, ты сегодня идёшь в «Аргос» или нет?

— Нет.

— Пропускаешь сбор денег на благотворительность. Ты сучонок с ледяным сердцем.

— Сучонок, если ещё раз назовёшь меня сучонком...

Пока они продолжали спорить за едой, мои мысли превысили скорость. Я мало что услышал, но я знал место, дату и, что более важно, что там будет Лукас.

Эмоции, которые я давно спрятал, вырвались на поверхность, угрожая нарушить спокойствие, которое позволили мне последние несколько лет. Желание послать всё к чёрту и всё бросить, просто чтобы взглянуть на мужчину, которого я бросил, было таким сильным, что мне пришлось физически отрывать пальцы от края стола, когда официантка вернулась с моей картой.

У меня впереди был полный рабочий день, с возможностями, если всё пройдёт хорошо, ужина и выпивки после этого, но это даст мне достаточно времени позже, если я захочу перейти мост. В конце концов, это был сбор на благотворительность, так что всё не могло быть так...

Подождите, о чём я думал? Что я пойду в какой-то клуб, выслежу мужчину, которого больше не знал, и... что именно сделаю?

Чёрт побери, возьми себя в руки, Джексон. Такие мысли были слишком опасными, чтобы принимать их в расчёт. Я приехал сюда по работе, на этом всё. Не будет никаких поздних экскурсий на остров Южного Хэйвена, никаких мыслей о ком-либо или о чём-либо другом, кроме компании, которую я приехал выкупить.

Лукас Салливан останется в моём прошлом — прямо там, где ему было место.

Глава 2

Лукас

Очередная ночь, очередное грандиозное событие в «Аргос». Пробираясь через доверху заполненный людьми склад, я чувствовал на себе их взгляды, но не мог заставить себя обратить на них внимание.

Они пялились — они всегда пялились. И за годы это изменилось от похотливых, жаждущих взглядов мужчин в поисках молодой горячей игрушки до расширенных взглядов надежды, что они будут единственными, кто окажется сегодня в моей постели. Или лучше я в их постели. К себе я никогда никого не водил.

— Йоу, Лукас, — позвал диджей и подмигнул мне, включая мою любимую песню, и пока свет пульсировал по затемнённому клубу, я пробрался к центру танцпола и закрыл глаза, теряясь в ритме. Здесь мне не нужно было думать ни о чём, ни о чём-либо мнении обо мне, ни о куче работы, которая у меня скопилась, ни о том факте, что я был в мире совершенно один.

Не хватало чёртовых сентиментальных скрипок.

Я не всегда был в таком настроении, но в это конкретное время года прошлое ударило меня раз или два, и хоть я старался, я не мог избавиться от чувства, что другой плохой сюрприз ждёт за углом. В конце концов, всё всегда приходило тройками, так что, почему месяц «К чёрту Лукаса» должен быть другим?

Потерявшись в мыслях, я не возразил, когда веснушчатые руки обвились вокруг моей талии, притягивая меня спиной к спортивному телу.

— Ммм, я всю неделю думал о том, чтобы ты был в моей кровати, — раздался сзади голос.

Но как только слова дошли до моих ушей, мои глаза распахнулись. Это был не тот, кто ищет партнёра на одну ночь. Это был «бывали, трахали». И это шло против всех правил, которые я создал сам.

— Это мило, но нет, спасибо, — сказал я, не труясь оборачиваться. Рука парня опустилась ниже, и я схватил его за запястье, чтобы откинуть руку, позволяя ей повиснуть в воздухе — и подальше от моего члена.

— Оу, не будь таким, — ворковал он мне на ухо, приближаясь. — Недавно ночью мы хорошо провели время.

Пока я не видел, кто стоит за мной — и это тоже вряд ли помогло бы — все мужчины просто смешивались в размытое пятно конечностей, членов и спермы.

— Правда? Кажется, я не помню.

Он потёрся носом за моим ухом.

— Конечно не помнишь. Ты поимел меня у моей входной двери. И на обеденном столе. И ещё раз в душе.

— Именно. *Поимел* тебя, — сказал я, разворачиваясь так быстро, что он споткнулся, и я выставил руку, чтобы он снова не прилип ко мне. Совмещение лица с голосом не особо помогло всколыхнуть память, хотя если я имел его во всех местах, которые он упомянул, наверное, член у него был больше среднего. *Это* я мог вспомнить. — И это значит, что я не заинтересован в том, чтобы иметь тебя снова. Так что теперь можешь идти дальше.

Он моргнул.

— Прости?

— Ты меня слышал. Меня не интересуют повторения.

Шок на лице рыжего парня быстро превратился в стыд, когда его кожа разгорячилась настолько, что подходила к цвету его огненных волос.

— Имел я тебя.

— Нет, я имел *тебя*. И пожалуйста.

Бросив взгляд в угол, где стояла двухметровая, стокилограммовая стена мышц, наблюдающая за толпой, я приподнял бровь, и он кивнул и начал пробираться к нам.

— Ты серьёзно собираешься притворяться, что не помнишь? — рыжий недоверчиво покачал головой. — Невероятно, чёрт возьми. У тебя чертовски много нервов, ты знаешь?

Когда голова охранника бросила на нас тень, я кивнул на более худого парня перед собой. Какой-то Гейб? Гэри? Да кому какое дело. Парень был в двух секундах от того, чтобы устроить скандал, а сегодня у меня не было на это настроения.

— Пол, ты не мог бы?

Пол схватил рыжего за руку и начал тащить его с танцпола так, будто тот был не более чем тряпичной куклой, и, ожидаемо, парень метался, пытаясь вырваться.

— Что делает тебя таким чертовски надменным, Лукас? — кричал рыжий, и даже через гремящий бас его голос можно было услышать, он заставил дюжины людей, танцующих между нами, перестать танцевать и повернуться в мою сторону с расширенными глазами.

— Похоже, попперсы сегодня работают хорошо (*прим. сленговое название группы химических веществ — алкилнитритов в случае употребления их ингаляционным путём (во время вдыхания)*), — сказал я, лениво пожав плечами.

Его лицо исказил злобный оскал.

— Однажды какой-нибудь парень превзойдёт тебя, придурок, и когда это произойдёт, ты захочешь смерти.

— Этого, — произнёс я, подходя ближе к мужчине, который по-прежнему пытался вырваться из хватки Пола, — никогда не произойдёт, — затем я бросил взгляд на наблюдателей вокруг себя, встречаясь с каждым из них взглядом. — Продолжайте. Шоу окончено.

— Чертовски верно, — крикнул рыжий, но Пол протащил его через толпу к выходу раньше, чем тот смог возразить что-то ещё. Но даже после того, как он ушёл, все взгляды остались на мне, что только заставило меня нахмуриться.

— Я сказал, шоу окончено.

Господи, ещё было слишком рано для этого. Мне нужно было ещё выпить и прямо сейчас.

Люди у бара стояли в два ряда, когда я подошёл, но это никогда не имело значения. Я поймал взгляд Шоу, стоящего за барной стойкой, и когда он кивнул, пара завсегдатаев посмотрели на меня через плечо и быстро ушли с дороги.

— И текилу тоже, — сказал я, когда он толкнул в мою сторону мой обычный бокал пива.

Шоу приподнял бровь, но быстро налил парочку «Патрон Сильвер».

— Кое-кто сегодня в настроении.

Я не ответил, с быстрым успехом опрокидывая рюмки, прежде чем запить их пивом. Я проглотил ледяной напиток за несколько больших глотков и затем протянул Шоу пустой стакан.

— Чувствуешь себя виноватым? Я видел, как ты попросил утащить отсюда Гэвина, — сказал он, смешивая яблочное мартини для пары рядом со мной.

А-а, Гэвин. Достаточно близко. Чувствовал ли я себя виноватым? Нет, чёрт возьми. Если парень до сих пор не знал значения слов «небрежный трах», то это его грёбаная вина.

Южный Хэйвен был туристическим островом, а конкретно у клуба «Роу» была репутация места для одиночек — и не таких уж одиночек — в поисках удовольствия, многие останавливались на одном из курортов вдоль пляжей или съезжались с большой земли Саванны. И это значило, что здесь всегда было место новым лицам и телам для моих потребностей, так что мысль о двойном погружении была не только без надобности, но также жестоким и необычным наказанием.

— Нет, не чувствую, — сказал я. — И от тебя мне обвинения тоже не нужны, Шоу, так что отвали.

— Может, в следующий раз попробуешь трахаться *до того*, как выходить в свет. Выпустишь немного этой агрессии.

Когда Шоу подмигнул мне, я закатил глаза.

— Спасибо за совет, но что ты делаешь за барной стойкой? Влип на работе?

— Я не трахаюсь со своим персоналом, Салли, — он положил льда в новый стакан, нажал кнопку на автомате с содовой и заполнил его до краёв, прежде чем протянуть мне.

— У Кева грипп, так что я сказал, что сегодня со всем разберусь. Людей должно было быть больше, чем обычно.

— Ты просто святой, — я понюхал напиток, который выглядел слишком чистым на мой вкус. — Что это такое, чёрт побери? Вода?

— Подумал, что твоей печёнке не помешала бы передышка.

Бросив на него мрачный взгляд, я сказал:

— Я пас. И скажи своему брату, что ты дермовая замена. Оставайся с тату-машинками.

Одна сторона губ Шоу приподнялась в полуулыбке.

— Останусь. А теперь, почему бы тебе не сказать мне, что у тебя на уме, или я должен угадать?

— Ну, посмотрите, кто говорит как бармен, — сказал я, прежде чем меня толкнули сзади. Когда я повернулся посмотреть на неуклюжего обидчика, меня поприветствовал горячий взгляд, давая мне знать, что его небрежный толчок вовсе не был случайным. Когда мимо прошёл мускулистый блондин, окинув взглядом моё тело, в ответ на что мой член едва ли шевельнулся от неприкрытой похвалы, я повернулся обратно к Шоу. — Всё то же самое, что в любую другую ночь.

Он фыркнул.

— Уже заканчиваются варианты? Пора переезжать?

— Едва ли.

Что-то в моём тоне, должно быть, подало сигнал тревоги, потому что Шоу перестал делать то, что делал, и слегка сузил глаза. С татуировками на каждом дюйме кожи, от запястий до шеи, и с неровным шрамом на левой брови, Шоу был устрашающей фигурой, даже когда не смотрел на тебя в упор, пытаясь выяснить твои секреты. А он всегда в итоге их узнавал, что было самым пугающим в этом сукином сыне. Но по этой причине он также был моим лучшим другом — парень замыкал эту хрень, поэтому я знал, что как только он увидит шрамы, которые искал, они останутся нетронутыми, спрятанными и оставленными там, где были, будто он их никогда и не видел.

— Оу, — было всё, что он сказал, как только закончил свой осмотр, а затем вернулся к работе, и это краткий кивок осознания моей боли облегчил её на краткие моменты, маленький огонёк осветил тьму. Затем он моргнул и исчез, пустота медленно вернулась, и необходимость в большем отвлечении усилилась.

— Пора на охоту, — сказал Шоу, замечая изменения, как только они произошли, и на его губах заиграла печальная улыбка. — Ты видел Баша?

— Ещё нет.

Шоу проверил свои часы и выругался.

— Отправь его ко мне, если увидишь. Он сегодня должен объявлять гостей.

— Будет сделано, — сказал я, вытягивая несколько купюр из своего бумажника и бросая их в банку для чаевых. Он был прав. *Пора* было идти на охоту, и у меня чесались пальцы от необходимости почувствовать твёрдое тело под ними, протолкнуть их в упругую, послушную задницу.

— Ты не допил свою воду, — крикнул мне вслед Шоу, его слова были пропитаны сарказмом, и в ответ я поднял средний палец и направился обратно на танцпол, на этот раз к дальнему углу рядом с подсобкой, где происходили боле... *грешные* дела. И там я зацепил взглядом мужчину, который, как я знал, займёт мои следующие несколько часов.

Высокий. Брюнет. Слегка мускулистый, какими были большинство парней, едва достигших совершеннолетия. Он напомнил мне кое-кого, кого я знал раньше.

И этого, на сегодня, мне было достаточно.

Глава 3

Джексон

— С тебя двадцать три пятьдесят.

Я выглядываю в заднее стекло такси на невзрачное чёрное здание, перед которым остановился водитель. Хоть оно было расположено посреди ряда клубов, оно было похоже скорее на заброшенный склад. Никаких знаков, никакого видимого входа. Никакой очереди людей, только толпа на тротуаре, проходящая прямо мимо этого места.

Чёрт. Я со вздохом откинулся на спинку сидения, потирая переносицу. Это была ошибка.

— Ты меня слышал, сынок? — произнёс водитель. — С тебя двадцать три пятьдесят.

Что ты делаешь, Джексон? Ещё не поздно развернуться...

— Слушайте, вы уверены, что приехали в правильное место? — спросил я.

Водитель встретился со мной взглядом в зеркале заднего вида.

— Я каждую ночь отвожу сюда парней. Да, это правильное место.

Снова взглянув на здание, которое должно было быть «Аргосом», самым популярным ночным клубом Южного Хэйвена, по крайней мере, по словам портье в отеле, с которым я говорил раньше, и я ждал, пока кто-нибудь проскользнёт внутрь через какую-то скрытую дверь или что-то ещё, но, казалось, входа даже не было.

— Вход сзади, — сказал мужчина, указывая на пару парней, которые выскользнули из толпы и свернули в узкий переулок. Чем больше я смотрел, тем больше замечал, что другие делают то же самое.

Комок нервов в моём желудке сжался сильнее, но решительность — и любопытство — были сильнее. Я проделал весь этот путь не для того, чтобы струсить в последнюю минуту, и всё равно нельзя было точно сказать, будет ли он здесь. Я просто зайду, хорошенько осмотрюсь, достаточно, чтобы удовлетворить своё любопытство, а затем уйду.

Всё решив, я вытянул из бумажника пару хрустящих двадцаток и протянул их водителю.

— Спасибо за помощь, — сказал я, открывая дверь, но его рука на моём плече остановила меня.

— Эй, подожди, парень. У меня нет сдачи.

— Оставьте себе.

Сбросив его руку, я вышел из такси на оживлённый тротуар, свернул на переулок и остановился. Там на самом деле был вход, из приоткрытой двери, которую охранял крепкий мужчина с серёзным выражением лица, доносился бит гремящего техно. Над охранником, неосвещённым серым шрифтом, который практически сливался с краской, было слово «Argos», и перед дверью стояла очередь, которая тянулась как минимум на длину половины футбольного поля.

Пока я разглядывал лица, отчасти надеясь, что увижу то, ради которого пришёл, до меня дошло две вещи. Первая — казалось, очередь не двигалась. И вторая — были только мужчины.

Что это было за место, чёрт возьми? Вопрос лишний, конечно, потому что я знал ответ. Я должен был понять, куда в итоге приведут мои поиски.

Да, это была ошибка, хорошо, — подумал я, когда несколько мужчин в очереди толкнули своих друзей, чтобы те посмотрели в мою сторону, каждый из них оценивал меня, и судя по усмешкам на их лицах, им понравилось то, что они видели.

Чёрт.

Я никогда не получал такого откровенного внимания от других мужчин — ну, в любом случае не после Лукаса — и желание убраться оттуда было таким сильным, что я чуть не споткнулся, пятясь назад — и врезался в твёрдое тело.

— Ну привет, секси, — усмехнулся мужчина, помогая мне выпрямиться. Что ж, я был довольно уверен, что он был мужчиной. В сапогах на высоких каблуках и с лицом, полным макияжа, он возвышался передо мной, соответствуя моему росту в сто восемьдесят восемь сантиметров, хотя он был худее. В кожаных штанах в обливку, в чёрной майке, спущенной с одного плеча, и с чёрными как смоль волосами, убранными с лица, он был поразительной фигурой — такой, какую я никогда не увидел бы дома, в Хоторне, штат Коннектикут. Его красные губы были приподняты, пока он позволял мне молча разглядывать его, и, казалось, его совсем не беспокоило, когда я выдернулся из его хватки. — Куда это ты так быстро бежал?

— Я не... Это не... — я покачал головой. — Это не в моём стиле.

— Чепуха, — сказал он, с южным акцентом в голосе. — Танцы в стиле всех.

У меня не было времени возразить, потому что он обвил одной тонкой рукой мои плечи и с силой, которая противоречила его виду, потянул меня к входу, полностью обходя очередь. Остановившись на достаточно долго, чтобы поцеловать кончики своих пальцев, прежде чем прижать их к щеке охранника, он улыбнулся и сказал:

— Он со мной.

Нет. Нет, я не с ним, — хотелось мне закричать, но затем мы оказались внутри, обходя ещё одну очередь людей, ожидающих того, чтобы расплатиться, но мужчина, который по-прежнему держался за меня, просто махнул пальцами, когда мы проходили мимо. Он был владельцем этого места или что? Он здесь работал или просто был ВИП-гостем? Но в моих мыслях возник очередной вопрос, когда я прошёл в большой зал, заполненный людьми — чего он будет ждать в ответ на то, что провёл меня внутрь?

— Кстати, я Себастиан, но друзья зовут меня Баш, — сказал он, будто читая мои мысли. Когда его левая рука слетела с моего плеча, его ладонь сжала мой бицепс, а затем он широко улыбнулся мне, убирая руку. — Ммм, ты довольно мускулистый парень. Имя есть?

Отвечать или не отвечать. Мой план проскользнуть незаметно уже провалился, но Себастиан казался достаточно безвредным.

— Джексон.

Улыбка Себастиана выросла, белые зубы сияли под чёрным светом.

— Что ж, Джексон, надеюсь, тебе весело. Может, сначала выпьешь, чтобы расслабиться?

Когда он начал уходить, я вдруг произнёс:

— Подожди... и всё?

Не то, чтобы я жаловался насчёт того, что он уже меня бросает, но я ожидал, что придётся давать отпор или ещё что-то. Боже, от этого я был похож на приурока, но почему ещё он шёл через проблемы, помогая мне, если не хотел ничего в ответ?

Себастиан развернулся на каблуках лицом ко мне.

— Кажется, ты пришёл сюда по какой-то причине, — сказал он, играво подмигивая мне. — Но дай мне знать, если не найдёшь того, чего ищешь.

Да. Я был приуроком. Но к чёрту — он казался мужчиной со связями, так что, может, он знал, на кого я пришёл взглянуть. *Давай, просто скажи это.*

— На самом деле, может, ты можешь мне помочь. Ты знаешь, где я могу найти Лукаса Салливана?

Себастиан приподнял одну бровь.

— Чего ты хочешь от Лукаса?

О боже, он знает его. Я с трудом сглотнул, напряжение в моём теле вернулось. Я был близко, так близко, что я практически чувствовал его, но с трудом пытался вести себя непринуждённо.

— Так ты его знаешь?

— Может быть.

Окей. Я окинул взглядом широкий склад. Лукас мог быть где угодно, и было так темно, что он мог пройти мимо меня незаметно.

— Ты знаешь, где он обычно, э... тусуется? Когда он здесь?

— Ты не ответил на мой вопрос, — Себастиан сделал шаг ко мне, вторгаясь в моё личное пространство. — Что ты хочешь от Лукаса, красавчик?

— Он, э... — как объяснить, кто для меня Лукас, не рассказывая историю восьми лет? Но я не знал этого мужчину и не должен был ему ничего объяснять. — Мой друг, — сказал я, и судя по тому, как обведённые губы Себастиана сжались в тонкую линию, я мог сказать, что это неправильный ответ.

— О, сладкий, — вздохнул он, глядя на меня с сочувствием. — Такой милашка, как ты? Прости, но здесь я тебе не помощник.

Он похлопал меня по лицу, а затем попятился, позволяя толпе поглотить его на танцполе и скрыть из виду.

Отлично, какого чёрта это значило? И почему он был таким скрытным насчёт Лукаса? Было очевидно, что он его знает, и я пришёл в правильное место... нужно было просто побродить среди тусовщиков.

Да, для этого сначала нужно было выпить.

Бар был заполнен людьми к тому времени, как я добрался туда, но либо мне повезло, либо мои размеры заставили толпу разойтись, так что я занял одинокий пустой стул и терпеливо ждал, пока кто-нибудь из барменов посмотрит в мою сторону. Я никогда не размахивал деньгами, не кричал и не свистел, чтобы привлечь внимание — мне никогда не приходилось делать этого там, откуда я был родом, и хоть я никогда раньше не был в «Аргосе», понадобилось всего несколько секунд, чтобы один из парней за баром взглянул в мою сторону.

Он был устрашающей горой, высокий и мускулистый, с тёмными корнями волос, которые светлели к кончикам, с бриллиантовыми гвоздиками в ушах, и каждый видимый дюйм его тела покрывали татуировки. Даже на его шее, над аккуратно завязанным чёрным

галстуком, были татуировки, и когда он подошёл и встал передо мной, я понял, что он поймал мой взгляд, но я не мог ничего с собой поделать. Он был противоречивым: всё в нём кричало о том, что он плохой парень, но его облачение, вплоть до чёрной жилетки на рубашке и галстука, говорило что-то совершенно другое. Быстрый взгляд на бар сказал мне, что дресс-кода здесь не было, так как у каждого был свой стиль, и я задумался о мужчине за баром. О том, который смотрел на меня с приподнятой бровью, широко расставив руки на барной стойке. Он окинул меня долгим взглядом, не спеша, и когда его взгляд встретился с моим, он усмехнулся.

Меня не легко было смутить, но этот парень заставил краску прилипнуть к моему лицу, и если бы я не пришёл сюда по конкретной причине, наверное, я бы отсюда сбежал.

Как чёртов трус.

— Тебе что-то нужно, или ты просто пришёл посмотреть? — произнёс бармен, его голос был глубоким и грубым, как наждакой по ожогу.

— Нет, я не... В смысле, не... — *Чёрт, Джексон, возьми себя в руки. Ты ведь оценивал его не потому, что заинтересован.* — Я буду просто «Сэм Адамс».

— Верно, — мужчина, на бейдже которого было имя «Шоу», достал холодное пиво из холодильника и открыл его. — Открываем счёт?

— Пока только одно, — сказал я, кладя карту на стойку и делая глоток пива. Оно было ледяным, радуя моё пересохшее горло.

— Откуда ты?

Я поднял взгляд на бармена, который наблюдал за мной, закрывая крышкой шейкер и смешивая его содержимое.

— Как ты понял, что я не отсюда? — спросил я.

Он разлил содержимое шейкера в ряд шотов, наполняя их до верхушек, а затем многозначительно посмотрел на мои штаны-хаки и белую футболку.

— И это было до того, как ты открыл рот.

Я нахмурился и опустил взгляд на свою одежду.

— Что не так с тем, во что я одет?

— Осмотрись вокруг.

Быстрый взгляд на выстроившихся у бара раскрыл, как ужасно я выбивался отсюда. Я выглядел как консервативный мальчик из братства в море джинс и кожи.

— Ну, спасибо тебе за модный совет, — я снова посмотрел на бейдж бармена, — Шоу.

— О, не переживай, Янки. Уверен, это только поможет тебе с кем-нибудь трахнуться.

Да уж, если взгляды, которые я получал, были каким-либо показателем, там была куча парней, чтобы помочь мне разобраться с моей модной оплошностью. *Господи, что я здесь делаю?* Я потерял рассудок. Это было единственное объяснение.

Шоу кивнул на моё практически пустое пиво.

— Хочешь ещё, мальчик из Джерси?

— Мальчик из Джерси?

— Разве ты не оттуда?

— Из Коннектикута.

Он пожал плечами и открыл бутылку пива, прежде чем передать её парню рядом со мной.

— Достаточно близко.

Крутя бутылку в руках, я думал, взять ещё одну и остаться или уйти сейчас, пока не привлёк к себе ещё больше внимания. Прежде чем я смог решить, Шоу поставил передо мной ещё одну целую бутылку.

— Выглядишь так, будто тебе это нужно.

Вздохнув, я допил остатки первого пива, а затем в тосте поднял второе.

— Спасибо, но, думаю, это была плохая идея.

— Пиво или приход сюда?

Я открыл рот, но не знал, что сказать, чтобы не обидеть его. Если бы я знал, что это гей-клуб, то остался бы в отеле.

— Оу, — произнёс он, его проницательный взгляд уловил мою заминку. — Первый раз?

— Вроде того, — и тому, что сорвалось с моего языка дальше, у меня не было объяснения, кроме того, что пиво расслабило меня, и этот парень казался достаточно безвредным. Кроме того, я никого здесь не знал и никогда не увижу их снова, так что какое это имело значение? — Я в городе на несколько дней и думал, что... увижу кое-кого, кого знал раньше.

— И теперь ты думаешь, что это была ошибка.

Указав на него своим пивом, я ответил:

— Бинго.

— У этого парня есть имя?

Я кивнул.

Шоу ждал ответа, и когда стало очевидно, что я не скажу больше, он рассмеялся.

— Ну, если тебе понадобится, чтобы я указал в его сторону, дай мне знать. Или если ты просто захочешь снять груз с плеч... — он пожал плечами. — Я могила.

Могила, ха? Мысль была заманчивой. Я никогда раньше не мог поговорить с кем-либо о Лукасе. И может быть, если бы я мог просто увидеть его, то понял бы, что мысленно всё преувеличил, и то, что я чувствовал тогда, было не более чем влюблённостью. Простое увлечение, вызванное одиночеством и отсутствием вариантов.

Перегнувшись через стойку, Шоу встретил меня на полпути, и я прошептал имя человека, вкус которого до сих пор чувствовал на языке, когда закрывал глаза по ночам.

— Правда? — произнёс Шон, его глаза слегка расширились, когда он выпрямился.

— Ну, если ты запал на него, то тебе понадобится что-нибудь покрепче, чем это. Особенно сегодня, — сказал он, кивая на пиво в моей руке, а затем достал две рюмки из-под бара и наполнил их текилой.

— Почему все это говорят?

— Что? — спросил он.

— Ничего, — вместо карточки я достал из кармана наличку и протянул ему. — Спасибо.

— Это за счёт заведения.

— Тогда оставь себе, — сказал я, засовывая пятьдесят долларов в его банку с чаевыми, когда Шоу приподнял бровь. Затем я взял одну из рюмок и, прежде чем слишком сильно подумать об этом, проглотил текилу. От огня у меня заболело горло, но я всё равно взял вторую рюмку, выпивая одним глотком и позволяя дорожке огня по дороге расползтись по моей груди и по венам. Мне следовало сделать это раньше. Сначала

набраться жидкой смелости, затем выследить Лукаса. Я даже не продумал, что скажу ему при встрече. Слишком много лет прошло без слов. Он вообще вспомнит меня сейчас? Старшая школа была давным-давно, и может быть то, что произошло, не значило для него так много, как для меня.

Это было глупо. Глупая, спонтанная ошибка.

Мне следовало уйти. Убраться отсюда, пока не сделал чего-нибудь очень глупого, например, на самом деле не нашёл парни и... что именно я бы сделал? *Хороший способ всё продумать.*

Отодвинув пустую рюмку и встав, Шоу с интересом посмотрел на меня и, казалось, спорил сам с собой о чём-то. Затем его взгляд прошёлся по клубу, ища кого-то.

— Если ты хочешь Салли, он вон там, в углу.

Мне потребовалась минута, чтобы понять, что он говорит о Лукасе, и будто он ударил меня дефибриллятором, я дёрнулся, глядя туда, куда указывал Шоу. Поначалу я не видел его, только толпы тел, некоторые из которых уже были наполовину обнажены, тёрлись друг о друга или танцевали сами по себе. Но затем...

Но затем, на краткое, мимолётное мгновение, толпа разошлась, открывая мальчика, которого я когда-то знал, только это был больше не мальчик. Он был мужчиной — самым поразительным мужчиной, которого я когда-либо видел в своей жизни, и единственным, кто когда-либо влиял на меня. Моё тело гудело, вдруг ожив и всё осознав, когда моё внимание сосредоточилось на Лукасе, и мой член шевельнулся.

Он стал как минимум на несколько сантиметров выше, чем я помнил, может, уже дорос до ста восьмидесяти шести, но от него исходила аура намного большего мужчины, который обладал комнатой и всеми, кто находится в ней. С задиристой полуубыккой на лице, он трахал взглядом парня, с которым танцевал, пока люди вокруг него наблюдали за каждым его движением, будто ждали шанса стать тем, на кого он обратит внимание.

Боже, я не мог их винить. Он был как магнит, его стройное мускулистое тело двигалось под ритм, а голова была откинута назад, пока он терялся в музыке. Его волосы сейчас были короче, но такие же чернильно-чёрные, насколько я мог сказать под разноцветными огнями, освещавшими его тело, и я чувствовал нелепое желание провести по нему пальцами так, как делал тогда, когда видел его в последний раз.

Когда песня сменилась на медленно нарастающий трек, его партнёр достал из кармана крошечную бутылочку и открутил крышку. Затем он передал её Лукасу, который глубоко вдохнул каждой ноздрёй, прежде чем вернуть бутылочку парню, который сделал то же самое. Через несколько секунд, когда музыка начала пульсировать, Лукас подошёл ближе, слишком близко, и выгнулся навстречу парню, руки которого упали на грудь Лукаса. Затем он провёл пальцами по прессу Лукаса, минута пояс его джинсов — и у меня перед глазами встала красная пелена. Что было глупо, потому что он не принадлежал мне, и я даже больше не знал его.

Так какое мне дело?

Но когда Лукас схватил запястья парня и развернул его, прижав задом к себе спереди, я выпустил вздох, который сдерживал — хотя моё облегчение оказалось кратковременным. Потому что затем губы Лукаса переместились к уху мужчины, и он прошептал что-то, что заставило другого парня прикусить губу, и боже, мне хотелось, чтобы эти слова были произнесены мне, какими бы они ни были. От сцены передо мной

моё сердце билось быстрее, а член дёргался, когда Лукас провёл языком дорожку вверх по шее парня, пока его рука опустилась между его бёдер.

Чёёёрт. Я точно знал, к чему всё идёт и каково быть центром внимания этого мужчины, и я никогда раньше не чувствовал такого голода к чему-то, недостаток чего даже не осознавал.

Мне нужно было убраться отсюда. Но я не мог заставить себя перестать смотреть. Мне нужно было это увидеть. Нужно было увидеть, что он двинулся дальше. Что я больше не знал мужчину, который стоял всего в нескольких шагах от меня. Что он больше не был моим Лукасом.

И будто он услышал, что я произнёс его имя вслух, взгляд Лукаса поднялся и встретился с моим через зал, и я загорелся.

Моё сердце сжалось.

Время остановилось.

И улыбка Лукаса исчезла.

Глава 4

Лукас

ЧЁРТ ПОБЕРИ. Должно быть, у меня были галлюцинации. Потому что никак не могло быть, чтобы мужчина, на которого я смотрел, был Джексоном Дэвенпортом. Ни за что.

Этот парень был как минимум метр восемьдесят восемь ростом или больше, с лишними тринадцатью килограммами мускулов, судя по тому, как его белая футболка натягивалась на широкой груди и массивных руках. Но эта точёная челюсть, которая всегда напоминала мне о Супермэне, выделялась больше всего с моего обзора через зал, и она не изменилась за долгие годы с тех пор, как я видел его последний раз. Боже, мужчина, который смотрел на меня в ответ, был не просто горячим — нет, он просто утёр нос этому слову.

Мой пульс ускорился, когда тело приготовилось пойти за тем, кто теперь привлёк моё внимание, но затем тот парень, который держал ладонью мой член, появился в поле моего зрения.

— Не хочешь перенести всё подальше от танцпола? Или, может быть, в какое-нибудь более уединённое место? — произнёс он, в то время как его пальцы, массажирующие мой член, стали более настойчивыми. Но полуизбуждённый или нет, я потерял свой интерес к тому, что он мог предложить, как только в игру вмешалось мое прошлое.

— Не сейчас, — сказал я, убирая его руку, но парень, должно быть, подумал, что игра в недотрогу — это прелюдия, потому что его руки обвились вокруг моей талии, а затем ладони опустились, чтобы схватить меня за зад.

— Кажется, сейчас как никогда хорошее время, — прошептал он мне на ухо, когда я посмотрел через его плечо туда, где стоял Джексон...

Подождите, чёрт возьми. Куда он ушёл?

От него не осталось и следа, пока я осматривал толпу, в моей груди поднялось что-то похожее на панику, пока я пытался выяснить, было ли то, что я сейчас видел, реальностью или галлюцинацией. Потому что, что Джексон Дэвенпорт мог делать в гей-

клубе в Южном Хэйвене? Это не имело смысла. Совсем никакого. Это было последнее место, куда бы он пришёл, и я был последним человеком на земле, которого он хотел бы увидеть.

По крайней мере, так я говорил себе, когда снова проснулось желание, когда воспоминание о нём стало слишком сильным, и мне нужно было загнать кончик ножа в рану, чтобы сделать больнее, пока не забуду.

Но как раз когда меня посетила эта мысль, я увидел вспышку белого цвета, фигура перемещалась сквозь толпу и... чёрт. Может, все夜里, когда я дрожил, вспоминая его, наконец, въелись мне в голову, но я должен был точно знать, не обманывают ли меня мои глаза.

— Мне пора, — сказал я, отталкивая парня с достаточной силой, чтобы на этот раз он понял, и затем я стал передвигаться, снова сосредоточив взгляд на высоком мускулистом парне с каштановыми волосами, который уходил от бара. Пока он был спиной ко мне, я не мог сказать, тот ли это человек, о котором я думал, но так же быстро, как появился, он снова исчез в свете стробоскопа (*прим. прибор, позволяющий быстро воспроизводить повторяющиеся яркие световые импульсы*).

— Твою мать.

Я остановился, запуская руку в волосы, пока осматривал клуб.

— Ну, ну, ну, разве это не самый прекрасный одиночка Южного Хэйвена посреди танцпола? — Баш подошёл ко мне. — Я думал, что дрочка наверняка выведет Салливана из строя, но, полагаю, я ошибался. Это впервые.

— Не сейчас, Баш.

Он нахмурился и проследил за моим взглядом.

— Почему ты выглядишь так, будто увидел призрака?

— Потому что увидел, чёрт возьми, — мой взгляд двигался от выхода к бару и обратно. Он ушёл. Если вообще был здесь. — Дерьмо.

— Может, сегодня тебе стоит остаться с живыми? Тебя недавно даже искал один милашка, но...

Я моргнул, чтобы снова сфокусироваться на нём.

— Что ты только что сказал?

— Не переживай, я слегка охладил парню пыл. Он слишком чистый.

Взяв Баша за руку, я спросил:

— Кто это был, чёрт возьми?

Баш наклонил голову в сторону, его глаза сузились от моего срыва, но на его красных губах играла маленькая улыбка.

— Я не знаю. Я никогда раньше его не видел. Восхитительный образец, но как я сказал, слишком невинный на твой вкус.

— Его имя, Баш.

— Уверен, он сказал, что его зовут Джексон.

— Бл*дь.

Я бросил его руку, будто она горела, и протолкнулся мимо него и остальных танцоров, которые заграждали мне путь.

Он был здесь. И не только это, ещё он спрашивал обо мне. Конкретно *обо мне*. Спустя восемь, мать твою, лет.

Я даже не мог обдумать это, пока слепо пробирался к выходу на случай, если он решил сбежать.

Толкнув дверь, я вывалился на аллею мимо охранника, который обратил на меня внимание.

— Эй, Лукас, всё в порядке? — выкрикнул он, но я проигнорировал его, пока мои глаза несколько секунд привыкали к темноте.

Я прищурился, ища его, а затем... вот. В конце аллеи. *Чтоб меня*. Это был он, определённо он. Он поворачивался лицом к трём мужчинам, которые подходили к нему, пока он шёл к дороге, и... чёрт возьми. Восемь лет никак не изменили то, что у меня захватывало дух при виде него или что у меня подкашивались ноги, из-за чего мне пришлось потянуться к кирпичной стене, чтобы удержаться. Если тогда я считал его красивым, то мужчина, стоящий всего в нескольких шагах от меня, каким-то образом был ещё более невероятным, но у меня не было времени задерживаться на том факте, что он действительно здесь, потому что он начал качать головой мужчинам перед собой, и одного этого движения для меня было достаточно.

Я сразу же узнал их, конечно, — Джей Ти и его постоянные компаньоны загнали Джексона в угол, в котором он не хотел быть, это уж было очевидно. Этот придурок Джей Ти всегда приносил неприятности, и его последователи-наркоманы были не лучше. Без сомнений, они искали четвёртого, чтобы заполнить дыру в ночи.

Но это уж точно не будет Джексон.

Господи, моя нелюбовь к этим троим укуркам не была секретом, но тот факт, что Джексон вдруг появился здесь, а они уже нацелили на него свои взгляды? Мне хотелось оторвать их члены и скормить им же на ужин. Не то, чтобы ему нужна была моя помощь — Джексон выглядел так, будто мог поднять штангу с меня весом и не вспотеть — но когда я видел его с кем-то другим, моё давно забытое чувство собственничества проснулось во всей моци.

— Добрый вечер, господа. Не могу винить вас за попытку, но я предпочитаю, чтобы у моих соперников *не было* трипака до того, как у меня появится шанс поиграть. Так что теперь можете идти, — сказал я тоном, не терпящим споров, пока подходил к ним сзади. Краем глаза я видел, как Джексон заметно опешил, но я не смел смотреть прямо на него. Не мог.

Джей Ти повернулся и, когда увидел меня, окатил холодным взглядом голубых глаз.

— Прошу прощения?

— Ты меня слышал. Он со мной.

Раскатисто смеясь, Джей Ти выпрямился и развернулся ко мне лицом, скрестив руки на груди.

— Кто это говорит?

— Я говорю. Так что можешь отвалить.

— А что, если я не хочу? Мне кажется, он уходил — *без тебя*.

Подойдя нос к носу к этому ублюдку, я расправил плечи, и мне пришлось сдержаться и не сжать руки.

— Он как раз выходил за нашим такси. Так что я предлагаю вам, мальчики, найти кого-нибудь другого, чтобы потрахаться.

Пронизывающий взгляд Джей Ти удерживал мой долгую минуту, прежде чем он посмотрел через плечо на Джексона.

— Это правда?

Джексон по-прежнему смотрел на меня с каким-то удивлением на лице, но когда понял, что мы ждём ответа, кивнул.

— Да. Правда.

— Тогда, полагаю, очень жаль, что Лукас увидел тебя первым, — усмехнулся Джей Ти. — Но когда он завтра вышвырнет тебя вместе с мусором, можешь обдумать моё предложение.

— Единственный мусор, который я вышвырну, это ваши задницы, если вы не свалите отсюда подальше, — сказал я и наклонил голову в сторону внимательно наблюдающего охранника у двери. Но эти парни трусили и были под кайфом, они исчезнут через три... две...

— Расслабься, Салливан, — сказал Джей Ти. — Мы уходим.

Я ждал, скрепя зубами, пока они, не сильно шевеля задницами, пошли вниз по тротуару, и только когда они свернули за угол и скрылись из виду, я, наконец, позволил себе посмотреть на мужчину, за которым вышел на улицу. *Вышел*. Я никогда ни за кем не выходил, и уж точно не за кем-то, кто бросил меня так, будто я ничто и никто.

Но вот он, весь такой невинный даже в возрасте двадцати шести лет, смотрел на меня так, как и много лет назад.

И в этот момент я не хотел ничего больше, чем ненавидеть его.

Глава 5

Джексон

В глазах Лукаса горел огонь, всё его тело было напряжено как оголённый провод, пока он наблюдал как парни, которые пристали ко мне, скрылись в ночи. В такой близи я чувствовал сырую мощь, которая исходила от него волнами, и вздрогнул.

Эта ночь приняла неожиданный поворот. Я думал, что смогу прийти сюда, подсмотреть и больше ничего. Чего я не учёл, так это свою реакцию от того, что снова увижу Лукаса, и что в момент моей неуверенности он увидит меня.

И особенно я не учёл то, что он пойдёт за мной на улицу...

Потому что именно это и произошло. Он вышел сюда... за мной.

— Лукас, — я попробовал слово на языке, почувствовал вкус и захотел больше. — Лукас, посмотри на меня.

И тогда, наконец, его взгляд встретился с моим, огонь, который я видел в его глазах, ослаб до угольков, пока он натягивал на лицо мазку безразличия, которая уколола чуть больше, чем должна была. Сейчас он смотрел на меня без жара, который был несколько секунд назад. Это было как смотреть на незнакомца, и мне трудно было подобрать слова.

Скажи что-нибудь... что угодно.

— Привет, — это было всё, что мне удалось произнести, всё красноречивое очарование, за которое меня дразнили на деловых встречах, со свистом вылетело в окно. Я не мог найти язык, чтобы спасти себе жизнь, но казалось, что он тоже не может — или не хочет.

— Привет, — сказал он, прямо и по делу.

Привет. Одно простое слово от такого знакомого голоса, будто не было всего того времени между нами. И всё же, глядя на него, я знал, что это не правда.

— Очень приятно тебя видеть, — сказал я, прикусывая изнутри губу — нервная привычка — и нерешительно ему улыбаясь, но он этот жест не вернул. А чего я ожидал? Что он будет счастлив видеть меня после того, как всё закончилось?

Да. Да, полагаю, ожидал.

— Разве, — произнёс он. Это был не вопрос, скорее ему было скучно от разговора, и он смеялся надо мной.

— Ну... да. Давно не виделись.

— Так это дружеский визит?

Его внезапная резкость на секунду сбила меня с толку, и я нахмурился.

— Э... Я просто оказался в городе и...

— Подумал зайти поздороваться?

План был не таким, но...

— Да.

Лукас коротко кивнул.

— Ну, тогда, миссия выполнена, — сказал он, разворачиваясь на пятках.

Подождите... это всё, что он мне скажет? После стольких лет?

— Лукас, — произнёс я, прежде чем он смог куда-либо уйти, и он остановился и повернулся ко мне лицом. — Спасибо. Что отшил тех парней.

— Я не уверен, что ты увидел, но я не отшивал *тех* парней, — сказал он, так бесстрастно, что мне потребовалось мгновение, чтобы найти шутку, и затем я усмехнулся.

— Ну, хорошо это знать. Не хочу поймать трипак, как ты сказал.

Губы Лукаса приподнялись по краям, так коротко, что если бы я моргнул, то пропустил бы это. Затем он взял себя в руки, опустил взгляд и пожал плечами, будто ему не было дела.

— Я сделал бы это для любого. Джей Ти кусок деръма.

Aх, так Лукас вмешался не потому, что тот парень пристал ко мне. Я почувствовал вспышку разочарования, но быстро смахнул её, прежде чем он смог почувствовать.

— Верно, — сказал я. — Что ж, всё равно, спасибо тебе.

Он по-прежнему не встречался со мной взглядом, вместо этого с интересом глядя на маленькую шумную компанию парней, выходящих из клуба.

— Без проблем.

Мы стояли в неловкой тишине, я смотрел на него, он поймал внимание парней и склонил голову в их сторону, когда они прошли мимо и пригласили Лукаса присоединиться к ним. Тридцать секунд. Одна минута. С каждым проходящим мгновением я думал, скажет ли он вообще что-то ещё.

Его внимание было сосредоточено не на мне, но он не ушёл. Пока. Чёрт, теперь я не знал, что сказать или стоит ли мне вообще что-то говорить, и когда он снова взглянул в сторону парней, которые по-прежнему оживлённо болтали у двери, я неловко переступил с ноги на ногу.

— Тебе нужно куда-то идти?

— На самом деле, да, — сказал он, наконец, глядя на меня. Безразличие, которое я увидел в его взгляде, врезалось глубоко мне под кожу, и тогда я понял, что моё чутьё было правильным. Прийти сюда было ошибкой.

Только... Я не мог заставить себя пожалеть об этом. Будучи так близко, я видел все изменения, которые происходили вдали от меня — щетина, которая покрывала его щёки и

место над верхней губой, закругленные чёрные линии, которые тянулись по одному из его предплечий. Лукас больше не был мальчиком, которого я помнил, и, может быть, это мне и нужно было увидеть. Сейчас в выражении его лица было что-то тяжёлое, будто он кирпичик за кирпичиком построил трёхметровую стену. Всё изменилось, и фантазия ушла, исчезла, как клубок дыма на ветру.

Мне хотелось задать ему миллион вопросов, хотелось принести миллион извинений, но сейчас, когда он стоял передо мной, я не мог вымолвить ни слова. Вместо этого я смотрел на него, наблюдал, как он засовывает руки в карманы джинсов, как он сбивает камешек со своего пути, как он смотрит куда угодно, только не на меня.

И тогда слова вылетели, так быстро, что я не понял, что говорю, пока они не сорвались с языка.

— Я... — я провёл рукой по волосам. — Я здесь на несколько дней...

Следя взглядом за проезжающими машинами, Лукас слегка сузил глаза, будто его мысли крутились вокруг причин, по которым я сказал это. Боже, зачем я это сказал? Разве сегодняшний вечер не был достаточной ошибкой?

— Лукас, ты идёшь? — позвал блондин примерно нашего возраста, чтобы привлечь внимание Лукаса, с дьявольской улыбкой на лице, когда поднёс сигарету к губам и сделал глубокую затяжку, которая явно должна была быть неприличной, потому что мне пришлось отвести взгляд.

Вы, наверное, издеваетесь. Ты недостаточно хороши для него. Ты и близко не достаточно хороши...

— Наслаждайся своим возвращением, — спокойно сказал мне Лукас, будто я был каким-то случайным человеком, с которым он столкнулся на улице. И затем он начал отходить, но теперь удерживая внимание на мне, бросая мне вызов попытаться остановить его.

Сделай это, Джексон, — говорили его глаза. — Попробуй, чёрт возьми.

Но я не шёл в сравнение с тем, кто ждал позади него. Я не мог предложить ему то, что могли они, и хотел ли я? Чёрт, я не был геем, и Лукас был моим другом, кем-то, кому я доверял свои секреты и знал его секреты... и да, может, всё немного зашло за грань дружбы, но годами раньше я списал это на школьные эксперименты в Академии исключительно для мальчиков. Это ничего не значило, не особо...

Да уж, продолжай себе это говорить.

Когда рука блондина обвилась вокруг талии Лукаса, они снова исчезли в клубе, и, тяжело сглотнув, я вышел на дорогу, ловя первое такси, которое увидел.

Захлопнув дверь, я откинулся на спинку сидения и выпалил адрес отеля, и когда водитель помчался вперёд, я провёл рукой по лицу. Адреналин отступил, и казалось, будто я проснулся от плохого сна. Это действительно произошло? Я пошёл в клуб в поисках мужчины? Мужчины, которого, я был уверен, я больше не знал?

Идиот. Идиот, идиот, идиот.

Лукас прояснил, что не хочет иметь со мной никаких дел — это уж он показал. Но если это была правда, почему на нём была моя цепочка?

Глава 6

Лукас

— Мимозаааа, сучки! — пропел Баш, занимая место рядом со мной и ставя на столик две бутылки шампанского. Ванда, наша обычная официантка в «Оверлук», шла прямо за ним с парой упаковок апельсинового сока. Когда она собралась поставить их в центре, Баш забрал у неё одну.

— О нет, милая. Сегодня одна для Лукаса и Шоу, а она всяяя для меня, — он послал нам улыбку, полную дерзости, без единой капли извинений. — Простите, мальчики, меня мучает жажда.

Губы Шоу приподнялись с одной стороны, когда он откинулся на спинку стула, прутья застонали под его весом.

— Похоже, у кого-то была длинная ночь.

— Ты имеешь в виду выходные, — сказал Баш, когда Ванда открыла шампанское и принялась наливать наши напитки в бокалы.

— Я пропустил оргию?

Баш похлопал ресницами, глядя на Шоу, и сделал глоток своего коктейля, оттопырив мизинец, как всегда. Даже в дневном свете, без полного макияжа, в Себастиане было что-то изысканное, практически женственное. Дело было в высоких скулах и алебастровой коже, которая служила драматичным контрастом с угольно-чёрными волосами, которые он убирал с лица и зачёсывал назад. Когда мы куда-то выходили, его всегда останавливали женщины, задаваясь вопросами о его секретах, но не это было в нём самым раздражающим. В конце концов, тебя не могло не тянуть к этому парню. Нет, самой раздражающей вещью было то, что если ты редкий засранец, который не обратил на него внимания, он измотает тебя до тех пор, пока ты не примешь его в свой ближайший круг.

Не то чтобы я знал это по личному опыту или ещё как-то.

— Что? — спросил Баш. — Хочешь сказать, ты не получил приглашение? Жаль.

Шоу расстроенно вздохнул.

— Что же это за друзья.

Пока они продолжали подкалывать друг друга, я рассеянно поглаживал металл своей цепочки и смотрел в высокое окно, от пола до потолка, которое занимало всю южную стену с видом на Саванна-Саунд. Каждое воскресенье мы занимали этот самый столик на бранч, обычно с похмельем и вооружённые историями, пока наблюдали за людьми и готовились к долгой рабочей неделе. Снаружи был один из живописных пляжных дней, который собирал всех туристов города на выходные. Солнечно и тепло, но без лишней жары, которую принесут следующие пару месяцев. Чего они не замечали, так это нестабильность обычных вод, или что дикий ветер, исходящий от Атлантического океана, чтобы всё охладить, был не просто океанским бризом, а штормом на горизонте, предупреждением о приближении в нашу сторону тропического шторма Аделаида.

Кстати о штормах... Выходные принесли тот ещё удар в форме Джексона Дэвенпорта. Его имя крутилось в моей голове с тех пор, как я вернулся обратно в клуб в пятницу ночью. *Как идиот.*

Не было ничего, что могло шокировать меня больше, чем возвращение этого мужчины в мою жизнь. Но чего я не мог понять, так это почему. Что он здесь делал? *И почему сейчас?*

Чёрт, я не хотел думать об этом. Я давно забыл это, так же, как и он. Не было необходимости снова копаться в прошлом, и всё же... он покопался. Он влетел, поймал моё внимание, и теперь я не мог думать ни о чём другом — что разрушило мои пятничные планы на продолжение вечеринки, как и остаток моих выходных. И даже сидя сейчас здесь, с Башем и Шоу, я не мог сосредоточиться, потому что видел только искажённое болью лицо Джексона, когда оставлял его стоять на аллее одного.

Хорошо. Может, теперь он поймёт, каково это, чёрт возьми.

Так говорила большая часть моего мозга. Та же сторона, которая хотела знать, чего Джексон от меня ожидал — что я буду ноги ему целовать за то, что он вообще вернулся? Да, это было грубо. Я знал это, и именно это говорило мне, в каком паршивом я настроении, но тот факт, что он вообще спровоцировал у меня такую сильную реакцию, злил меня больше всего.

Проведя рукой по лицу, я тихо вздохнул. Мне следовало остаться дома и заняться делами вместо того, чтобы нарываться на допрос, если Шоу что-то заметит. Кстати, лёгок на помине...

Скомканная соломинка пролетела мимо моей руки со стороны Шоу, и я неохотно встретился с ним взглядом. Будь проклят этот излишне наблюдательный ублюдок.

— Ты там ужасно притих, — сказал Шоу. — Это имеет какое-то отношение к тому парню с пятницы?

Э, нет, я не собирался отвечать на эти провокационные вопросы правду. Как сказать друзьям, что я все выходные со злостью дрошил на неожиданного гостя, которого хотел забыть? Этого не будет.

— В ту ночь было много парней, — пожал я плечами.

Шоу усмехнулся.

— Я могу вспомнить только одного.

— Потому что кто может забыть? *Чтоб меня*, тот парень был красавчиком, — сказал Баш и затем повернулся ко мне. — Он был даже красивее тебя.

Я взял свою воду и поболтал в стакане, прежде чем затянуть в рот пару кусочков льда.

— Понятия не имею, о чём ты.

— Конечно, не имеешь, — сказал Шоу, почёсывая щетину на подбородке. — Знаешь, Баш, я не помню, чтобы видел малыша Салли остаток выходных, а ты?

Баш притворно ахнул.

— Ты абсолютно прав, Шоу. Я не помню, чтобы он соблазнял туристов в субботу, а в городе был *превосходный* мальчишник. Лукас, которого я знаю, никогда не отказался бы от гарантированного веселья.

— Хмм, так ты думаешь, тот янки зацепил его взгляд?

— Думаю, он зацепил не только его взгляд... его звали Джексон, да?

Моя голова резко поднялась, и у них обоих на лицах появились хитрые ухмылки.

— Дамы, думаю, у нас есть победитель, — сказал Шоу.

— Ты ни черта не знаешь, — ответил я.

— Ооо, посмотрите, кто защищается... — Баш наклонился вперёд, оперевшись на локти, и толкнул меня плечом. — Если ты не хочешь его, не против, если я им займусь?

Я развернулся так быстро, что Баш откинулся на спинку сидения, а затем, прежде чем я смог себя остановить, мой палец оказался перед его лицом.

— Ты его не тронешь.

Улыбка сошла с его губ, и глаза расширились, мой срыв удивил нас обоих.

— Я серьёзно, Баш, — сказал я. — Он под запретом, даже для тебя.

Баш моргнул, сразу же трезвея, а затем кивнул.

— Да. Да, ладно, я его не трону.

— Хорошо.

Игнорируя любопытный взгляд Шоу, направленный в мою сторону, я допил свою воду, стараясь успокоиться к чёртовой матери. Моё сердце стучало так быстро, что я слышал гул крови в ушах, и я вспотел.

Господи, я действительно только что накинулся на своих друзей за бранчем из-за парня?

— Чёрт, — произнёс Баш, а затем хохотнул. — Я не хотел задеть нерв.

— Ты не задел.

— Вот ешё. Ты был готов на меня напасть. Я видел, как у тебя растут когти.

— Отвянь, Баш, — сказал я, хрустя своим льдом.

— Я могу называть тебя Росомахой?

Когда я заворчал, губы Баша изогнулись в усмешке.

— Думаю, это имя тебе подходит, — сказал он, потянувшись, чтобы почесать мне под подбородком. — Посмотри, что происходит, когда ты не бреешься, волосатый ты зверь.

Шлётнув его по руке, я раздражённо вздохнул, но знал, что это раскрылся способ Баша снять внезапное напряжение. Упаси бог злиться на этого парня больше пяти секунд — у него разовьётся чёртова грыжа.

И всё же, раздражение нарастало, но проблема была не в этих парнях. Нет, проблема была в том, чтобы представлять Джексона с *кем-либо* другим и...

Боже. Нет. Я не собирался думать об этом. Это дермо становилось нелепостью.

Отодвинувшись от стола, я встал и вытащил из заднего кармана бумажник, в то время как Баш надул губы.

— Куда ты идёшь? — спросил он и поднял шампанское. — Мы ещё даже не допили бутылку.

— Нужно доделать работу, — сказал я, бросая пару купюр на стол. Затем я выглянул на собирающиеся тучи. — Не забудьте найти кого-нибудь, чтобы заколотить окна досками, если станет хуже. Или позвоните мне.

— Хуже не станет, — ответил Баш, а затем наклонил голову к Шоу. — Так сказал наш мистик.

— Не нужно быть *телепатом*, чтобы посмотреть канал погоды, — сказал Шоу.

Баш пожал плечами.

— Они всё время ошибаются. А ты нет.

Быстро помахав Ванде рукой на прощание, я развернулся, чтобы уйти, но Шоу позвал меня по имени, прежде чем я смог уйти слишком далеко.

— Ты уверен, что ты в порядке? — спросил он, когда я посмотрел через плечо, его тон был небрежным, но взгляд показывал беспокойство, которого я не получал уже давно.

Я не был лжецом. С собой, может быть, но не с друзьям. Так что когда я слегка кивнул ему, я попытался не испытывать никакой вины, потому что знал, что он, скорее всего, видит меня насквозь.

В порядке ли я?

Я даже не знал, чёрт возьми.

Глава 7

Джексон

Очередной день в Джорджии, очередная бодрая прогулка по холлу «АнаВог» и будущий очередной отказ. Я почувствовал это раньше, чем прошёл через стеклянные двойные двери в понедельник утром, и увидел это на лице секретарши, когда она подняла на меня взгляд и натянуто улыбнулась.

— Снова здравствуйте, мистер Дэвенпорт.

— Доброе утро, Астрид, — сказал я. — Я хотел бы увидеть мистера Вогеля.

Это было довольно жалко, что я на короткой ноге с секретаршей «АнаВог», но не получив ничего по голосовой почте компании всю неделю, я был готов встретиться лицом к лицу с загадочным гендиректором. Что угодно, чтобы забыть о событиях выходных и определённом мужчине, о котором мне не нужно было думать.

— Боюсь, мистер Вогель недоступен...

— Ну конечно.

— Но он хотел назначить вам встречу в четверг в два часа дня.

Я приподнял брови.

— Серьёзно? Через четыре дня?

— Да, сэр.

Этот парень строил из себя недотрогу, и у него хорошо получалось заставлять меня попотеть, так что я ему подыграю. Но его тактика оттягивания времени не отвернёт меня, так что если он хотел встретиться в четверг, то пусть будет четверг.

— Тогда, полагаю, два часа подойдёт, — сказал я.

— Я вас сейчас запишу.

Стучав пальцами по стойке, я бросил взгляд на часы на стене и невольно вздохнул. Было только девять утра понедельника, что означало, что мне нужно убить довольно много времени, и так как не было смысла лететь обратно в Коннектикут, только чтобы вернуться обратно, казалось, что я застрял здесь. Должно было быть что-то, что займет моё время, что-то кроме танцевальных клубов и мужчин с чёрными волосами, злыми глазами и дерзкими ухмылками.

Я оттолкнул эту мысль назад на задворки своего разума. Пока.

— Ещё один момент, — сказал я, и Астрид подняла взгляд. — Похоже, я пробуду здесь ещё чуть дольше, так что ты не могла бы порекомендовать мне что-нибудь интересное в городе?

— О, конечно, — сказала она, светлея, будто ожидала спора и была довольна, что я не завёлся. — Давайте посмотрим... всегда есть пляж. Не забудьте сходить на Долфин-Сэндс, потому что это лучший общественный пляж на острове, и на пирсе стоит отличный бар. Ещё вы можете найти несколько магазинов вдоль тротуара, но это скорее для туристов, всякие футболки, брелки, пляжные сувениры. Настоящий шоппинг на Оушен-

Авеню. Там много модных вещей, всякие галереи и книжные магазины. Несколько хороших кафе и ресторанов тоже там.

Я с улыбкой кивнул.

— Спасибо, я ценю это.

— Пожалуйста.

Когда я развернулся к выходу, мой взгляд поймала огромная металлическая скульптура справа от меня. Она была круглой, абстрактной картиной на металле с линиями серебряного, голубого и глубокого фиолетового. Только серьёзный художник мог так безупречно смешать металл и краску, и я стоял и восхищался работой долгую минуту. Что-то похожее на это идеально смотрелось бы в моём офисе.

— Прости, — сказал я, направляясь обратно к стойке. — Ты не могла бы сказать мне, где я могу найти что-нибудь похожее на тот шедевр?

— Да, это один из наших местных художников. Он продаёт свои работы в галерее в конце Оушен-Авеню.

Похоже, я сделаю там остановку.

— Отлично. Ещё раз спасибо, Астрид.

— Без проблем, мистер Дэвенпорт. Увидимся в четверг.

Первым делом после ухода из «АнаВог» я взял на прокат машину, а затем оставил сообщение секретарше отца, чтобы дать ему знать, что моя поездка продлится дольше. Он не будет счастлив от этих новостей, но это лучше, чем альтернатива — уйти с пустыми руками.

Захватив кофе, я поехал по Оушен-Авеню. На углу была галерея «Фреймонд», и я смог припарковаться на улице, что было удивительно, учитывая всё движение, которое я видел по пути. Пусть оно направлялось в противоположную сторону, но всё равно.

Прямо у магазина стоял пожилой джентльмен, собирающий раскладную табличку, которая говорила о распродаже в галерее. Я снова проверил свои часы. Наверняка они не могли закрываться в десять утра. *Может, он просто меняет знак*, — подумал я, когда вокруг нас поднялся внезапный порыв ветра, заставляя мужчину покачнуться назад. Я подбежал и поймал его под руку как раз вовремя, удерживая его на ногах, пока он цеплялся за табличку.

Кожа вокруг его глаз сморщилась, когда он выпрямился и устало хохотнул.

— Спасибо. Я не такой ловкий, как раньше.

— Без проблем. Я могу помочь вам занести это? — произнёс я, кивая на табличку.

— Буду благодарен.

Я пошёл следом, когда он направился к двери.

— Вы ещё открыты?

— Открыты, хотя сегодня закрываемся раньше из-за приближающегося шторма.

Мой лоб нахмурился, когда я поднял взгляд на темнеющее небо.

— Вы закрываетесь, когда идёт дождь?

— Дождь? — мужчина покачал головой. — Это тропический шторм Аделаида.

Немного рановато для сезона, но не неслыханно.

Проклятье. Вот, что я получал за то, что был так занят последние пару дней.

— Я не знал...

— Нет, не должно быть слишком плохо, но он набирает скорость, так что лучше не испытывать судьбу.

— Верно. Что ж, я вернусь...

— Нет, нет, не глупи, проходи.

Он придержал дверь открытой, чтобы я прошёл, и как только я переступил порог, меня поприветствовал огромный лев, полностью сделанный из...

— Это покрышки? — спросил я.

— Конечно. Есть ещё больше, но мы держим их сзади, потому что рептилии, кажется, пугают детишек.

Верно...

— Я ценю то, что ты помог мне это занести, — сказал мужчина, хлопая меня по плечу, когда я поставил табличку. — Мне нужно сделать несколько вещей перед уходом, так что осмотрись и не спеши. Меня зовут Майк. Дай мне знать, если будут какие-то вопросы, или если я могу помочь тебе что-то найти.

— Спасибо, Майк. Я не задержусь надолго.

Мне не пришлось брести далеко, чтобы найти то, что искал. Целая секция магазина рядом с входом была посвящена художнику, чью работу я видел в «АнаВог». От современных абстрактных настольных скульптур до многопанельной художественной стены, стиль был мгновенно узнаваем, раскрашенный металл с ноткой цвета. Работы были такими красивыми, что я не мог перестать смотреть.

— Тебе нравится? — спросил Майк, подходя ко мне сзади через пару минут. — У нас так много заказов на его работы, что мы практически не можем ничего держать в запасе.

— Я не удивлён. Я увидел одну работу в «АнаВог», и это привело меня сюда.

— А, абстракция. Я точно знаю, что ты имеешь в виду. Не хочу показывать пристрастий, но это тоже моя любимая работа.

Я провёл пальцами по прямоугольной работе на стене, и хоть она была ошеломляющей, она была не совсем тем, за чем я пришёл.

— У вас случайно нет никаких таких круглых абстракций?

— На самом деле, мы как раз недавно продали последнюю, но давай я ему позвоню, узнаю, есть ли у него что-то ещё в запасе, — сказал Майк, заходя за прилавок.

— В этом нет необходимости...

— О, это совсем не проблема.

— Правда, вы не должны... — начал я, но он уже набирал номер. Когда мужчина начал говорить с человеком на другом конце провода, я немного отошёл, чтобы дать ему пространство.

Магазин был полон искусства, не настолько, чтобы казаться захламлённым, но, может, это разнообразие дизайна делало всё таким необычным. Наряду с ошеломляющей металлической работой, на стенах ещё висели картины в рамках, некоторые с акварельными пейзажами, некоторые абстрактные, а другие с линиями человеческих карикатур. Было ещё больше животных из переработанных покрышек, похожие на ту, что я видел, когда вошёл, спрятанные в конце магазина, как он и сказал, и по поверхностям столов были разбросаны духи деревьев из папье-маше.

Я бы выбрал слово «многогранный», чтобы описать это место.

— Что ж, — сказал Майк, когда повесил трубку, и я пошёл обратно. — Похоже, сегодня тебе везёт. Он как раз закончил пару вариаций этих работ на выходных и сказал, что ты можешь заскочить и взять одну.

— Заскочить? В смысле... к нему домой?

Должно быть, я выглядел таким же ошеломлённым, каким себя чувствовал, потому что Майк рассмеялся.

— Так мы здесь делаем. Если хочешь забрать её отсюда, нет проблем. Просто может понадобиться несколько дней, прежде чем он сможет их привезти.

— Нет, всё в порядке. Я не против заехать её забрать.

Да, здесь определённо другой мир. Что-то, что я, оказывается, забыл с тех пор, как уехал.

— Отлично, — сказал он, отрывая немного чековой бумаги и записывая адрес небрежным почерком. — О, и не забудь взять наличку или чек, потому что у него нет терминала.

Я взял адрес и пожал ему руку.

— Не забуду.

— Молодец. Надеюсь, ты найдёшь именно то, что ищешь.

Небо было мрачно-серым и с каждой минутой становилось темнее. На лобовое стекло падали большие капли дождя, пока я ехал по дороге в два ряда, на которую мой навигатор предложил съехать пару минут назад. Это была часть острова, которую всегда называли «аристократией», и когда проезжал её, было очевидно, почему. Дома были больше, старее, но величественные в колониальном стиле, многие с колоннами или верандами по периметру, идеальными для ленивых дней или для того, чтобы выпить мятым джулем (*прим. коктейль, традиционно приготавливаемый на основе сахарного сиропа или воды с сахаром*). С зоной дубов, покрытых испанским мохом, впереди, обкрутившихся вокруг дороги так, будто держались за руку, было легко забыть, что песчаные пляжи всего в нескольких милях отсюда.

Проезжая под навесом, я вспомнил первый раз, когда так ехал. В конце ряда деревьев водитель моего отца сворачивал направо, что вело к длинной дороге к Академии Южного Хэйвена для мальчиков, престижной школе, в которую меня отправили в годы старшей школы.

Но, если ехать прямо, как говорил мне навигатор, дорога вела к месту, где я был всего пару раз.

Пожалуйста, не дай мне проехать мимо того места. Любой дорогой, но не той.

Да уж, но в том и проблема карт мобильников — они не слушают, чёрт возьми.

Чем дальше я ехал, тем большую тревогу начинал чувствовать. *Ни за что.* Остров был маленьким, но он не мог быть *таким* маленьким.

Но был.

Остановившись перед длинной подъездной дорожки 18-го дома по улице Брэйден, последнего в конце дороги, я не мог поверить в своё дерзкое везение. Из всех людей и всех мест, мне пришлось оказаться здесь. Возле дома, который принадлежал бабушке Лукаса.

Я сидел в машине, ладони вспотели, двигатель работал в холостую, когда нахлынула вспышка нервозности. Она по-прежнему жила там? Это было наиболее вероятно. Хотя была возможность, что она продала дом дизайнеру, который сейчас ждал меня...

С другой стороны, я сомневался, что дом уже не принадлежит семье, что означало, что она или Лукас, или они оба могут быть внутри. В таком случае, я сейчас мог вернуться обратно в город, и никто не будет мудрее.

Последнее также означало, что я упущу свой шанс произнести речь с извинениями, о которой думал все выходные после того, как не смог сказать ничего приближённого к

этому в пятницу. Которая должна была сорваться с моего языка в ту же секунду, как я увидел Лукаса.

Не колеблясь больше ни секунды, я надавил на газ и свернул на подъездную дорожку.

Старый дом семьи Салливан стоял вдали от дороги, спрятанный густыми деревьями, пока не приблизишься ярдов на сто, и тогда открывалась огромная поляна с резиденцией на дальней стороне. Белый двухэтажный дом был перегружен двойными балконами, величественно возвышаясь рядом с дубами и магнолиями. Он выглядел точно так же, как когда я видел его в последний раз, только со свежим слоем краски.

Припарковав машину за чёрным грузовиком, я сжал руль и сделал глубокий вдох. Если Лукас жил здесь, то, наверное, это было хорошо. Будет возможность поговорить лицом к лицу, без фона аллеи или клуба, или каких-либо других отвлечений. Я всё ещё видел перед глазами безразличие, которое было на его лице в пятницу, холодный приём, которым он меня окатил. Но таким ли он будет со мной наедине, без зрителей?

Был только один способ это узнать.

Дождь по-прежнему стабильно моросил, когда я вышел из машины, но всё же не достаточно сильно, чтобы брать зонт, хотя, если сюда направлялся шторм, это продлится недолго. Как раз когда я собирался пойти по дорожке к дому, меня остановил звук скрежета металла и заставил вместо этого направиться к заднему двору.

Обойдя дом, я учуял сладкий запах жимолости в воздухе, который смешался со свежестью дождя и тёплым бризом. Это сочетание всегда напоминало мне о тех вечерах, когда мы сидели в креслах-качалках на задней веранде его бабушки и смотрели, как проходят грозы, прежде чем проскользнуть обратно в Академию. Тогда я даже не понимал, что происходит. Что я ввязываюсь во что-то, к чему не был готов, и что не смогу контролировать. А сейчас, больше всего, мне нужно было понять. Каким-то образом закрыть ту главу своей жизни, потому что годы не забрали то, как колотилось внутри груди моё сердце каждый раз, когда я думал о Лукасе.

Исчез изначально маленький сарай, где хранились бабушкины садовые инструменты, и на его месте был достаточно большой гараж, чтобы вместить пару понтонных лодок. Но судя по звуку продолжающегося жужжания и визга какого-то аппарата, доносящегося из широко раскрытых амбарных дверей, не казалось, что там хранятся лодки или машины.

Мои подозрения подтвердились, когда я заглянул внутрь. Мужчина, который стоял за рабочим столом и перед которым разлетались искры, определённо был Лукасом. Даже когда его лицо было закрыто защитной маской, и он стоял ко мне спиной, по тому, как его красная фланелевая рубашка растянулась на сильной спине и как плотные джинсы выделяли его задницу, я мог сказать, что... *Подождите. Твою мать.*

Проведя рукой по волосам, я попытался отвести взгляд, но он продолжал возвращаться к одионокому мужчине в большом гараже. Мне не нужно было так на него смотреть. Это было неправильно, и кроме того, будто бы он хотел бы, чтобы я стоял и пялился на него. Потому что, чёрт, именно это я и делал — пялился на него.

Эта мысль меня ошеломила. Уехав из Южного Хэйвена, я пялился на многих парней, когда никто не смотрел, ожидая почувствовать то же влечение, которое чувствовал к Лукасу. Но его никогда не было. Конечно, я замечал, если парень был горячим, но это было то же самое, как если горяча женщина — а раз это женщины приударяли за мной, с которыми меня сводили или к которым подталкивали, то это только естественное движение.

Я убедил себя, что это всё была случайность. Что мы с Лукасом были похотливыми подростками в Академии для мальчиком, которые сблизились и были открыты для экспериментов. Возвращаясь в Коннектикут, я думал, что будет легче его забыть...

Но глядя на него сейчас, когда он стоял всего в нескольких шагах от меня... Как я вообще ушёл?

Затем Лукас выключил аппарат, погружая весь гараж в оглушающую тишину, и поставив его на стол, поднял свою маску. Он по-прежнему стоял спиной ко мне, но я мог сказать, в какой момент он понял, что я здесь, потому что всё его тело совершенно замерло.

А затем, даже не поворачиваясь, он произнёс:

— Что ты здесь делаешь?

Глава 8

Лукас

Кто-то наблюдал за мной. Но я не переживал, потому что: а) я знал всех на этом острове, и б) любой, обладающий хоть каплей разума, не приблизился бы к Лукасу Салливану, у которого в руках шлифовальный станок. Так что я не спеша закончил края стальной гитары, над которой работал, сглаживая её со всех сторон, прежде чем выключить станок. Подняв маску, я вытер пот со лба, появившийся от духоты внутри гаража, которую даже бриз через открытые двери не мог охладить так, как я ожидал.

Когда я снял маску, волосы у меня на загривке встали дыбом, подсказывая мне всё, что мне нужно было знать о своём госте. Я не знал, как понял, но понял. За мной стоял не просто кто-то — это был Джексон.

Чёрт, хорошо, что я сначала выключил этот грёбаный станок.

Закрыв глаза, я произнёс:

— Что ты здесь делаешь?

По бетону послышались нерешительные шаги.

— Мне сказали зайти.

— Что? — мои глаза распахнулись, когда я развернулся. И, конечно же, там был он, Джексон Дэвенпорт, стоял в серых брюках, белой рубашке на пуговицах и с галстуком. Даже с закатанными рукавами он выбивался из моей пыльной мастерской. Может и выбивался, но каждый волосок на его великолепной гребаной голове по-прежнему был приглажен, даже при ветре скоростью тринадцать метров в секунду. Я сузил глаза. — Кто сказал тебе зайти? Подожди, нет. Дай угадаю. Шоу?

— Шоу? Тот бармен?

— Похоже на то, что сделал бы этот придурок, — пробормотал я, стаскивая перчатки. Я бросил их на стол и скрестил руки на груди.

— На самом деле, я здесь из-за скульптуры. Майк из галереи звонил тебе, и ты сказал заехать, так что... вот, я здесь.

Oу. Верно. Скульптура. Чёрт. Подождите... Джексон хотел мою работу? И ему хватило наглости приехать сюда и...

— Я не знал, что это ты, — сказал он.

Конечно, не знал, — подумал я, даже когда мой взгляд прошёлся по его телу. Боже, ему обязательно было выглядеть так хорошо? От дождя его рубашка прилипла к груди и бицепсам, раскрывая то, какой он на самом деле огромный. Он выглядел так, будто

проводил всё своё время в тренажёрном зале, а не ходил по деловым встречам и делал что-либо, чем занимался сейчас. Хотя если бы мне нужно было угадать, я бы сказал, что он работает на своего отца. *Таков всегда был план...*

— Это заставило бы тебя передумать насчёт приезда? — спросил я, и как только слова сорвались с языка, мне захотелось надрать себе самому зад. Мне было плевать на ответ и не имело значения, почему он здесь; важно было только то, чтобы он ушёл.

Джексон, казалось, мгновение подумал над этим, а затем покачал головой.

— Нет. Я бы всё равно приехал.

И как это ни странно, моё тело ответило на это дрожью, и я молился Богу, чтобы её не было заметно. Чёртов предатель. *Он разбил тебе сердце*, — напомнил я себе. — *Он практически сломал тебя*.

— Но я должен был понять, что это ты, — продолжал Джексон. — Ты талантливый парень. Всегда был таким.

Хочешь сказать, у меня талантливые руки? А что, да, так и есть, тебе ли не знать, чёрт возьми. Но прямо сейчас мне не хотелось ничего больше, чем использовать эти руки для того, чтобы разорвать ублюдка на части, вырвать ему сердце так же бесчувственно, как он мне. Как он мог стоять такой спокойный и собранный, будто в воздухе не было никакого напряжения, терзающего нас обоих? *Потому что ты ничего не значил. Потому что он богатенький папенькин сынок, который получает всё, что хочет. Потому что ты доверился ему, а он солгал.*

В моих венах кипела кровь, но я старался сохранять небрежное выражение лица. Если ему было плевать, то и мне тоже, и будь я проклят, если покажу слабость перед этим мужчиной. Чем раньше он снова уйдёт из моей жизни, тем лучше.

Я кивнул на скульптуру, которую выставил раньше.

— Она там.

— Отлично. Спасибо, — он подошёл ближе и опустился на колени рядом с ней, а затем его большие руки с трепетом пробежались по стали. — Это очень красиво, Лукас.

Держа рот на замке, я продолжал наблюдать, как его пальцы гладят изгибы, его восхищение было очевидным. Он гладил скульптуру так, будто это было величайшее создание, к которому он когда-либо прикасался, и я не мог оторвать взгляда, как бы ни хотел.

— Майк сказал, что у тебя много поклонников. Что они практически ничего не могут держать в запасе.

Голубые глаза Джексона, один из которых был намного темнее другого, метнулись ко мне, и он улыбнулся.

A, так вот, как всё будет. Он заведёт со мной маленькую беседу в попытке быть дружелюбным, а затем получит то, что хотел, и уйдёт. Что ж, пошло это к чёрту. Он не получит от меня милостей.

— Я постоянно занят.

— Я в это верю, — он наконец понял, что я не в настроении болтать, потому что его улыбка исчезла, и он встал. — Сколько? — спросил он, доставая бумажник из заднего кармана брюк.

— Нисколько. Она твоя.

Рука Джексона замерла.

— Я приехал купить твою работу, а не украсть её.

— Я не хочу твоих денег.

Он посмотрел на купюры, которые держал, а затем снова на меня.

— С этим что-то не так?

— Да. Это бумажки твоего старика.

Яд вышел раньше, чем я смог его сдержать, автоматическая реакция, будто я был змеёй, на которую наступили.

И в дело вступает мой покер-фейс. A, к чёрту.

— Bay, — Джексон низко присвистнул и приподнял брови, но засунул деньги обратно и спрятал бумажник в карман. — Ладно. Теперь мы дошли до этого.

Фыркнув, я покачал головой.

— В этом ты ошибаешься. Мы ни до чего не дошли. Ты возьмёшь эту скульптуру, сядешь в свою машину и уедешь обратно туда, где тебе место.

Он моргнул.

— Прости?

— Ты меня слышал. Ты получил то, зачем пришёл, и как я сказал, я занятой парень. Наслаждайся.

Поднялся внезапный порыв ветра, смахивая один из моих эскизов со стола и переключая моё внимание. Я ухватил его раньше, чем он смог исчезнуть за открытой дверью, а затем засунул обратно в один из ящиков стола. Снаружи дождь начинал набирать обороты, и как бы я ни ненавидел это, мне нужно было заканчивать на день. Вот вам и ещё несколько продуктивных часов. Я отключил все аппараты и брал свою маску и перчатки, игнорируя Джексона, чтобы он понял намёк и убрался к чёртовой матери.

— Нет.

Голос Джексона прозвучал сильно и ясно, и когда я развернулся, его плечи были расправлены, а выражение лица говорило, что он не собирается никуда уходить.

Но я сейчас был в дерзком настроении, так что пожал плечами.

— Нет, ты не будешь наслаждаться?

— Нет, я не уйду. Пока нет, — его сильная челюсть крепко сжалась, а глаза горели, он заставил мой член проснуться, будто он изголодался, и только рот этого парня удовлетворит нужду. — В пятницу ты не дал мне особого шанса сказать то, что нужно, и если сегодня мне придётся силой заставить тебя слушать, я это сделаю.

При слове «силой» и представив, как он делает это, мне захотелось потянуться и поправить стояк, но мой самоконтроль был сильнее.

— Осторожнее, Джексон. Ты же помнишь, как сильно я этим наслаждаюсь.

Он сглотнул.

— Лукас, мне нужно...

БАМ! Ветер толкнул одну из дверей гаража, тяжёлое дерево хлопнуло так сильно, что некоторые мои инструменты на ближайшей стене упали на пол. Выругавшись, я побежал закрыть другую дверь, но ветер был слишком сильным, прилепив её к стене снаружи. Я ворчал и дёргал её снова, пока дождь бил меня по лицу, а затем Джексон оказался рядом со мной, его сильные руки легко дёрнули дверь вперёд, и нам удалось оттянуть её достаточно, чтобы ветер помог нам её захлопнуть.

Я вытер лицо рукавом футболки, и когда поднял взгляд, Джексон провёл рукой по своим мокрым волосам и приподнял бровь.

— Там становится всё хуже, — сказал он.

Да, без деръма. И ухудшение погоды не мотивировало его идти к двери, а если он останется здесь хоть на секунду дольше...

— Мне нужно с тобой поговорить, — сказал он.

— Ты уже говорил, — я не видел, что может быть такого важного, не прямо сейчас. Никогда. *Боже, почему он не мог уйти десять минут назад, когда я ему сказал?* Вздохнув, я ушипнул себя за переносицу и сказал: — Где ты остановился?

— А что?

— Просто ответь на вопрос.

Джексон помедлил.

— В Роузмонт.

Чёрт возьми. Роузмонт был за пределами острова, и судя по тому, как начинался шторм, у него не было времени добраться обратно, прежде чем всё станет худо. *Отлично. Просто, бл*нь, отлично.* Любое другое место, и я отправил бы его восьмаяси, но нет. Ему обязательно было всё усложнять. Это было последнее, что я хотел сделать, но сейчас у меня не было выбора.

Я выхватил у него из рук ключи от машины.

— Какого... — начал он, когда я спрятал ключи в карман и протолкнулся мимо него, чтобы повесить инструменты, которые упали на землю. Он ходил за мной по пятам, всю дорогу возражая. — Что, по-твоему, ты делаешь?

— А на что это похоже? Я не могу позволить тебе уйти сейчас. Не дай бог смерч перехватит твою задницу на мосту. Мне не нужно такое на моей совести.

— Лукас, дай мне ключи. Ехать не так далеко.

— Слишком поздно, чёрт возьми, — сказал я, выключая свет в гараже и погружая нас во тьму. Затем я приоткрыл одну из дверей достаточно, чтобы проскользнуть через неё, и придержал, пока он неохотно не вышел следом, а затем мы оба пробежали короткое расстояние до заднего крыльца.

Да, это я не продумал. Джексон будет поблизости, пока мы пережидаем шторм? Это было нехорошо. Это было совсем нехорошо, но я не был полным придурком, чтобы посыпать людей на верную погибель.

Как только мы оказались в доме, я скинул свои ботинки в коридоре и схватил пару пляжных полотенец, бросая одно в его сторону и вытирая своё лицо другим. Моя одежда промокла насовсем, и я не пробовал смотреть на Джексона, чтобы проверить, промок ли он. Одежда прилипнет к каждому его мускулу, и мне не нужно было это видеть.

Без слов пройдя вперёд по коридору, я позволил ему пойти следом. Но я мысленно поздравил себя по пути на кухню — по крайней мере, я держал дом в чистоте, хоть у меня редко были гости.

— Ты злишься на меня? — спросил он.

Я открыл холодильник, схватил пару бутылок воды и бросил одну ему.

— Я должен быть в экстазе при виде тебя? Счастлив проторчать несколько часов в четырёх стенах, пока не пройдёт шторм?

Я покачал головой, а затем выпил половину бутылки одним глотком.

— Ты ведёшь себя так, будто я сделал это специально.

— А разве нет?

Джексон посмотрел на меня с серьёзным выражением лица.

— Ты знаешь меня.

Я допил бутылку и выбросил её в урну.

— Ошибка. Я не знаю о тебе ничего. А теперь, если ты меня простишь, мне нужно принять душ, пока мы не потеряли воду. Дальше по коридору, справа, ещё одна ванная, если хочешь в душ, — сказал я, уже на полпути вверх по лестнице к своей спальне. Затем я понял, кого оставляю внизу, и добавил: — Оставайся. Не оставайся. Плевать.

— Ты забрал мои ключи.

— Полагаю, тогда тебе придётся идти пешком, если хочешь уйти.

— Лукас.

Одно его слово, и я смотрел через плечо в его самые честные глаза.

— Я никуда не уйду, — сказал он.

Да, ты говорил это и раньше, — подумал я, прежде чем пойти дальше по лестнице.

Глава 9

Джексон

Я не знал, что это говорило обо мне, но я мог проглотить злобу Лукаса легче, чем безразличие. Я сделал ему больно — это было очевидно. Иначе он бы не сорвался. Это открытие заставило меня выдохнуть с облегчением, потому что думать о том, что ему плевать на меня и на то, что было между нами, было больнее, чем любая ненависть, которую он мог бросить в мою сторону. По крайней мере, теперь я задел больную, уязвимую точку. По крайней мере, теперь я знал, что ему не всё равно. Или *было* не всё равно.

Тихий звук воды, капающей на пол с моей мокрой одежды, заставил меня пойти по коридору к ванной, о которой он сказал. И если я правильно помнил...

Я приоткрыл раздвижные двери напротив ванной и увидел стиральную машину и сушилку, новенькую, но на том же месте, где много лет назад видел бабушкины складные корзины. Оглянувшись назад, чтобы убедиться, что я по-прежнему один, я стянул свою рубашку, следом брюки и положил их в сушилку. Затем я включил её на мощность побольше, схватил полотенце из тайника над головой и прошёл в ванную, чтобы принять душ.

Вода всё ещё была обжигающе горячей, хоть Лукас принимал душ наверху, но я всё равно быстро ополоснулся, а затем обкрутил вокруг талии полотенце.

В коридоре стены по-прежнему украшали рамки с фотографиями, как я и помнил, и я остановился перед фотографией Лукаса и его родителей, сделанной незадолго до того, как он приехал в Южный Хэйвен. С чёрными волосами и бронзовой кожей, он был как две капли воды похож на своего отца-сварщика, особенно сейчас, и Лукас всегда говорил, что унаследовал любовь к рисованию от своей светловолосой матери-художницы.

Xa. Он совместил работы своих родителей — сварку и искусство — чтобы создать нечто собственное.

— Какого чёрта ты делаешь?

От злого тона Лукаса я развернулся и увидел, что он стоит в конце коридора, с горящим взглядом. И будь я проклят, но сразу после душа он выглядел так же хорошо, как и в пропитанной дождём одежде. Он надел порванные джинсы и голубую футболку с эмблемой Сиэтла, которая была такой тусклой, что, наверное, он купил её на память об этом городе, прежде чем переехал на юг, и его волосы всё ещё были мокрыми и

практически торчали на макушке. Удивительно, как сексуально он по-прежнему выглядел. Его тело было подтянутым в такой степени, что можно было понять, что он зарабатывает на жизнь физическим трудом, его плечи были уверенно расправлены, на что в школе были только намёки. В какой-то момент он полностью стал собой, и я почувствовал внутри укол сожаления от того, что пропустил это.

— Какого хрена ты делаешь в полотенце? — произнёс он, вырывая меня из мыслей.
— Потерял где-то одежду?

— Ты сказал мне принять душ.

— Я не говорил тебе голым бегать по моему дому.

Ну, нет, этого он мне не говорил, но судя по пылкому взгляду, он возражал не так сильно, как утверждал.

Придерживая полотенце на месте, где завязал, я пожал плечами.

— Не совсем голым. Кроме того, разве ты хотел, чтобы я сидел на твоём диване в мокрой одежде? — я кивнул на всё ещё работающую сушилку. — Вещи будут готовы через минуту.

Лукас раздражённо вздохнул, избегая взглядов на мою обнажённую грудь, но это значило, что его взгляд опустился на единственную мою прикрытую часть и задержался ниже талии достаточно долго, чтобы мой член поднялся и тут же пришёл в боевую готовность. Глаза Лукаса расширились от невольной реакции под моим полотенцем, и он прокашлялся, прежде чем развернуться на пятках.

— Тогда, полагаю, чувствуй себя как дома.

Bay... Он по-прежнему нервничает из-за меня, — на моих губах от этой мысли появилась улыбка. Этот сексуальный, уверенный мужчина по-прежнему нервничает из-за меня. Наверное, это не должно было делать меня твёрже, но сделало. Я потянулся вниз, чтобы взять себя под контроль, ущипнув себя за головку.

— Постараюсь, — сказал я.

Но прежде чем дойти до кухни, Лукас остановился, а затем через секунду произнёс:

— Голоден?

Урчание моего живота ответило на вопрос за меня, и он кивнул, прежде чем пройти на кухню.

Это было забавно... как бы он ни упрекал меня тем, что я у него дома, манеры Лукаса не позволяли ему не предложить поесть или подвезти человека во время шторма. Так что, каким бы он ни хотел быть напыщенным и какие бы злые слова ни хотел бросать в мою сторону, я приму их, потому что внутри у Лукаса была добрая душа. Он мог сейчас быть другим, но часть его никогда не изменится. И это вызывало у меня желание узнать мужчину, которого я упустил.

Когда я прошёл за ним на кухню, он проигнорировал меня и принялся доставать мясо для сэндвичей, хлеб и приправы. Я сел на один из барных стульев у стойки, а он продолжал избегать взглядов в мою сторону. Но то, что он не смотрел на меня, давало мне кучу времени понаблюдать за ним, что было нежелательно, если судить по звону тарелок, которые он специально ронял, и по грохоту ящиков с посудой.

— Я ведь тебя не отвлекаю? — спросил я. *И я снова испытывал свою удачу.*

— Ещё как. Отвлекаешь.

— Тебя больше беспокою я или моя нагота?

Рука Лукаса замерла, пока он размазывал майонез по куску хлеба.

— Твоё присутствие в целом раздражает и не приветствуется.
Я сдерживал смех. *Вот, что значит быть резким.*

— Ты говоришь немного прямее, чем раньше.

— Когда я сказал, что тебе нужно оставаться и переждать штурм, я не говорил, что мы будем предаваться воспоминаниям.

— Так мы не можем поговорить?

— Мне нечего тебе сказать.

— Имеешь в виду, ничего приятного, — сказал я. — Что ж, это нормально, потому что мне есть, что тебе сказать.

— Джексон, я не хочу этого слышать.

— Услышишь, хочешь ты этого или нет. Это нужно сказать.

— Видишь, в этом и дело — не нужно, — он указал на меня ножом для масла и бросил злой взгляд. — Я не хочу слышать топорное извинение, или что ты там собираешься сказать, так что просто побереги силы. Ты опоздал на восемь лет, и мне не интересно.

Что ж, я полагал, что он считает это точкой. К несчастью для него, нам нужно было убить несколько часов, а я с трудом переносил тишину. Казалось, он реагировал только тогда, когда я подшучивал над ним, так что я закусил улыбку и произнёс:

— Ты просто эгоистичный, упрямый засранец. Когда это произошло?

Нож со звоном упал на стол.

— Я эгоистичный? Я эгоистичный?

— Мхмм. Кажется так.

— Что ж. По крайней мере, ты в этом разбираешься.

Моя улыбка потускнела.

— Что это должно значить?

— Ты точно знаешь, что это значит.

Он положил несколько кусочков ветчины, индейки и сыра на сэндвичи, всё это время качая головой.

— Ладно. Давай со всем разберёмся. Ты расстроился, потому что я ушёл...

— Нет, — сказал он, толкая тарелку в мою сторону с достаточной силой, что мне пришлось ловить сэндвич, чтобы он не съехал. — Ты не можешь ничего предполагать насчёт меня.

— По крайней мере, я, наконец, вызываю реакцию. А то я ненадолго подумал, что ты совсем обо мне забыл.

— Хотелось бы забыть, — пробормотал он, доставая пиво из холодильника, а затем захлопывая его. Потом он открыл бутылку, откинул крышку в сторону и проглотил пиво.

Господи. Это чертовски задевает. Я сглотнул комок в горле.

— Правда? Для тебя это так просто, а?

— Ага.

— Bay. Твоя бабушка знает, что ты превратился в такого придурка?

— Бабушка умерла.

Моя челюсть захлопнулась, и от этих двух слов закружилась голова, и те слова, что крутились на кончике языка, исчезли. Чёрт, его бабушка... умерла? *Вот и ляпнул, свою мать, не подумав, идиот.*

— Лукас, мне очень...

— Жаль? — фыркнул он и прислонился к стойке. — Я уже говорил тебе не тратить силы на это дермо.

— Но я трачу. Я знаю, что она много значила для тебя.

Его взгляд не отрывался от окна, которое выходило на задний двор, и он сделал очередной глоток пива. Ему ничего не нужно было говорить, чтобы я понял, сколько боли вызывала её смерть — когда бы это ни случилось. Продолжительной боли. Боже, у него никого не осталось, верно?

Будто услышав мои мысли, он пожал плечами, будто чтобы сказать: «Дерьмо случается». А затем, чтобы закрыть этот разговор, он взял свой сэндвич, и мы продолжили есть в напряжённой тишине. С меня на сегодня хватило пива. Обороняющийся Лукас был не тем, до кого я мог досгучаться, так что как только румянец злости исчез обратно под воротником майки, я поклялся обуздать эту злость.

Как только я доел, он отнёс нашу посуду в раковину, помыл тарелки и вытер их, пока я пошёл проверить свою одежду. Она была как раз достаточно сухой, так что я быстро оделся и повесил полотенце обратно на вешалку в ванной. Когда я вернулся на кухню, то обнаружил, что Лукас стоял у раковины, закатав рукава рубашки. Он стоял ко мне спиной, широко расставив руки на тумбочке, и смотрел на дождь, собирающийся в лужи во дворе.

Я намеревался оставить его наедине с мыслями, но прежде чем я смог высколизнуть обратно, его тихий голос меня остановил.

— Почему ты здесь, Джексон?

— Потому что ты не даёшь мне уйти, — когда это не заставило его посмотреть в мою сторону или улыбнуться, я выдохнул. — У меня была деловая встреча... — начал я, но он отмахнулся от меня.

— Нет, я имею в виду не бредовое оправдание насчёт работы или скульптуры. Я имею в виду, почему ты пошёл искать меня в пятницу?

— Я... — почему я пошёл искать его? Это было не только ради извинений — в тот момент это даже не пришло мне на ум. Но я и сам не мог понять причин. — Я не знаю.

— Ты не знаешь.

— Я услышал твоё имя в кафе тем утром, и я... я должен был тебя увидеть.

Лукас опустил голову, потирая между бровей большим пальцем, и каким-то образом я понял, что его глаза закрыты, будто он молится.

— Джексон... — прошептал он. — Тебе не стоило сюда приезжать.

Вдали раздался треск, будто дерево упало, а затем... отключился свет.

Глава 10

Лукас

Просто идеально, твою мать. Действительно, просто вовремя. Я захлопнул панель резервного генератора и выдохнул.

— Что-то не так? — спросил у меня из-за спины Джексон, пока я сидел на коленях перед проклятой старой штукой в подвале.

— Генератор, должно быть, полетел, — я встал на ноги и пнул его посильнее, но в отличие от фильмов, где механизм волшебным образом начинал работать, этот просто простонал в ответ. — Надеюсь, ты уже не боишься темноты.

Джексон закатил глаза.

— Я никогда не боялся темноты.

— Брехня. Боялся.

— Нет. Не на того напал.

— Кажется, у тебя какая-то амнезия. Или из памяти выпал конкретный инцидент...

— Если ты ссылаешься на тот факт, что я не рвался ходить ночью через лес, то ты меня поймал. Я знаю всё об аллигаторах на этом острове.

— Они держатся возле дорожки, а не среди деревьев.

— Всё когда-то бывает впервые, а я не хочу оказаться между челюстями аллигатора.

— Но ты был бы не против оказаться между челюстями кого-то другого? — я улыбнулся от сексуального подтекста, пока не вспомнил, кому именно улыбался.

Боже, Лукас, заткни пасть.

Закрыв рот, я пошёл наверх по лестнице к деревянному буфету, где держал все свечи, и достал жменю ароматических свечек и зажигалку.

— Нужна помощь? — спросил Джексон, пока я расставлял свечки по гостиной.

— Нет.

— Я могу зажечь их за тебя.

— Я сам могу.

Он вздохнул, но больше ничего не сказал. Вместо этого он сел на один конец дивана и наблюдал, как я поджигаю фитили. В комнате потемнело, когда завыл ветер, и дождь и град били по крыше и окнам, но свечи обеспечивали уютное освещение.

— Так уютнее, — сказал Джексон, когда я сел в кресло, как можно дальше от него.

Я не был глупым; я никак не мог рисковать и садиться ближе к нему. Я по-прежнему был чертовски зол. Даже после стольких лет. Я думал, что преодолел это. Принял, оставил позади. Но когда я увидел его снова, вернулась каждая унция боли и стыда, которую я чувствовал тогда, что разозлило меня, потому что значило, что я по-прежнему сломан. И это всё была его чёртова вина.

А потом он будет говорить, что просто должен был увидеть меня? Что даже не знает, почему? Как я должен был это воспринимать? Он сказал мне, что при любых обстоятельствах больше никогда не хочет видеть меня снова. Но он пришёл не только в «Аргос», но и в мой чёртов дом. Всё вышло практически слишком идеально, он приехал сюда, застрял в четырёх стенах, но, конечно же, думать, что Джексон каким-то образом всё это подстроил, было нелепо. Это была случайность, хоть на задворках своих мыслей я слышал, как Шоу говорит мне, что случайностей не бывает.

Иди к чёрту, Шоу.

— Итак, если мы не можем разговаривать, есть какие-то другие идеи? Шашки... шарады... хочешь проиграть в карты? — улыбнулся Джексон, пытаясь задразнить меня в поток разговора.

Но у меня была другая идея, которая потребует чего-то, что поможет вынести мне всё, что я при этом узнаю, так что я пошёл на кухню за парой бутылок пива и передал одну Джексону, прежде чем упасть обратно в кресло.

Сделав большой глоток холодного напитка, я вытянул ноги перед собой и скрестил их в лодыжках, устраиваясь как можно удобнее для того, что будет дальше. Небрежно храбрился.

— Ты хочешь поговорить? Так говори.

Глаза Джексона расширились, будто это было последнее, что он ожидал от меня услышать. Но он, должно быть, знал, что у него есть только маленький промежуток времени, чтобы сказать то, что собирался, потому что колебаться он не стал.

— Прости, Лукас. Я был трусом и в ту ночь должен был сказать тебе, что происходит, но... — он искал слова. — Я не хотел тебя вмешивать.

Я потянул за этикетку на пиве.

— Ты не хотел меня вмешивать...

— Ещё больше, чем ты уже был впутан.

— Этот выбор должен был делать не ты, разве нет?

Джексон нахмурился и прокатил бутылку между ладоней.

— Полагаю, нет. Я просто знал, как будет вести себя мой отец, и было легче...

— Уйти посреди ночи, не попрощавшись. Верно.

— Ты имеешь все права расстраиваться.

— Да, имею.

— Прости, если причинил тебе боль.

Сжав губы, я кивнул и глотнул пива. Он только едва задел верхушку айсберга, и я ждал, что он продолжит извинения, но он только сидел и чего-то ждал. Свет свечи бросал блики на его лицо, тени углубляли его точёные скулы и сильную челюсть. Я задумался, как много раз за день могу проклясть его за то, что он такой чертовски красивый.

— Это всё? — спросил я.

— Нет, — наклонившись вперёд, поставив локти на колени, он медленно потирал руки и сделал глубокий вдох. — Лукас... Мне тоже было больно. Покидать тебя.

Глухой стук, который я услышал и почувствовал, означал, что моё сердце ушло в пятки, пока я обдумывал его признание. Это шло против всего, что я знал, против всего, что мне говорили. Он ушёл по собственной воле, а его действия после этого... ну, для того, что тогда произошло, не было оправдания. А за *это* я по-прежнему не услышал извинения.

Джексон допил своё пиво, а затем поставил пустую бутылку на кофейный столик перед собой.

— Может, ты мне не веришь. Я ни капли не буду тебя винить. И я знаю, что ты оставил всё это позади, но... приехав сюда, снова увидев тебя... Я должен был как минимум тебе сказать.

Оставил всё позади... А я думал, что должен оставить.

Джексон прочистил горло и неловко поёрзбал на диване.

— Но есть, эм, кое-что, что мне немного интересно.

Я приподнял бровь, и его разноцветные глаза опустились к моей шее.

— Откуда ты взял мою цепочку? — спросил он.

На автомате подняв пальцы к кулону, который всегда носил, я произнёс:

— Твою цепочку?

— Ну... если только ты не сделал себе точную копию, что... да, полагаю, это вполне возможно. Прости. Забудь, что я что-то говорил.

Моя челюсть раскрылась и закрылась, пока я пытался обдумать, что он говорит. Он пытался сказать мне, что *не помнит*? Самая сильная пощёчина, источник унижения и боли, а он *не помнил*?

— Иди. К чёрту, — произнёс я, вскакивая с кресла. Желание ударить его было сильным, и я заставил свои ноги двигаться в другую сторону, что привело меня на кухню. Хорошо. Мне нужно было ещё выпить.

Должно быть, это какая-то отвратительная шутка.

— Подожди. Что только что произошло? — спросил Джексон, подходя ко мне со спины, пока я доставал ещё пива.

— Уйди от меня.

— Что я сказал? Лукас, посмотри на меня.

— Если я на тебя посмотрю, то захочу разбить это симпатичное лицико, и что тогда ты скажешь папочке?

— Лукас...

— Я серьёзно. Иди к чёртовой матери.

— Пожалуйста, просто скажи мне, в чём дело. Не заставляй меня умолять.

— Умолять? — я развернулся и прижал его к двери холодильника так быстро, что он не успел моргнуть. — Умолять? Ты должен умолять, чёрт возьми. Молить меня о прощении; молить меня не пнуть тебя прямо сейчас до самого Коннектикута. Давай, умоляй меня, Джексон. Умоляй, мать твою.

Грудь Джексона вздымалась перед моей, его дыхание выходило дрожащими выдохами, пока я удерживал его на месте, упервшись предплечьем в его сильную грудь. Он не пытался освободиться или оттолкнуть меня, и когда моё бедро уперлось между его ногами, чтобы держать его на месте, я понял, почему.

Он возбудился. Чертовски сильно возбудился.

— Да ты надо мной издеваешься? — сказал я, пытаясь изобразить отвращение, но моё тело предало меня. Мой член упёрся в молнию джинсов до такой степени, что стало больно, и когда я коснулся его бёдер своими, чтобы наши стояки потёрлись друг о друга, он простонал.

— Я буду умолять, — прошептал он, опустив взгляд на мои губы. Затем его рука оказалась между нами, чтобы коснуться кулона, который я носил на шее. Стальной трискель (*прим. древний символ в виде трех бегущих ног, выходящих из одной точки*) висел на тонкой чёрной цепочке, достаточно длинной, чтобы скрывать его под майкой, и сейчас это была такая часть меня, о которой я вообще забыл. — Скажи мне, откуда ты это взял, и я буду умолять.

— Разве должно быть не наоборот?

— Если ты этого хочешь.

— Чего я хочу... — когда я облизнул губы, желание опустить его на колени и сделать именно это боролось со здравым смыслом. Похоть всё затуманивала, и будучи снова так близко к Джексону, прижимаясь к нему и чувствуя его твёрдый как камень член... Бл*дь. Я сильнее вдавил в него предплечье. — Чего я хочу... так это чтобы ты очнулся, твою мать.

Казалось, это вырвало Джексона из его собственного тумана, потому что его глаза поднялись к моим.

— Что?

Отдёрнувшись от него, я сделал шаг назад, достаточно, чтобы больше не прикасаться к нему.

— Эта игра — дурацкое дермо, — сказал я и поднял трискель вверх. — Хочешь сказать, ты не помнишь, как это попало ко мне? Серьёзно?

— Так это *и правда* моё.

Я выпустил кулон из рук.

— Невероятно, твою мать. Ты в какой-то момент ударился головой за последние восемь лет? Ужасная автокатастрофа?

— О чём ты говоришь, чёрт побери?

— У тебя какая-то *амнезия*, Джексон?

Это было единственное объяснение его поведению.

Джексон запустил руку в волосы и потянул за кончики.

— Нет, не было никакой грёбаной амнезии. Я ясно помню, когда потерял его.

— Когда ты «потерял» его? — оскалился я. — Ты «потерял» его в письме, которое прислал. Или этого ты тоже не помнишь? — и потому, что меня это достало, я ткнул пальцем ему в грудь. — Ты извинился за то, что ты трус. Ты по-прежнему чёртов трус.

— Лукас, стой, — сказал он, его сильная рука схватила меня за запястье. — Что за письмо?

Глава 11

Джексон

О чём он говорит? Я никогда не писал ему писем.

Лукас пытался оттянуть руку, но моя хватка на его запястье не позволяла ему никуда уйти. Не раньше, чем он ответит на *мои* вопросы.

— Объясни, — сказал я.

Злобный взгляд, который Лукас бросил в мою сторону, мог бы убить, но за этой злостью была... боль. И он, казалось, был под впечатлением, что это я её оставил.

Я ослабил хватку, пока гложущее чувство в черепе говорило мне, что здесь что-то не совсем так. Он злился, конечно же, но его реакция была более яркой, чем я ожидал. В моём разуме щёлкнула краткая мысль, и я молился Богу, чтобы вывод, к которому я пришёл, был не тем, что произошло на самом деле.

— Лукас, — произнёс я, отпуская его, и он отошёл назад к стойке так, что между нами теперь было пару шагов. — Что, по-твоему, я сделал?

На его лице появилась хмурая улыбка, пока большой палец поглаживал кулон на его шее.

— «Дорогой Лукас», — произнёс он, а затем начал ходить по кухне. — «Мои родители и прислуга говорили мне о твоих продолжающихся визитах, и мне нужно всё прояснить: я не хочу тебя видеть. Ни сейчас, ни когда-либо снова. Что бы, по-твоему, ни произошло между нами, это был плод твоего воображения, и я не хочу ничего больше, чем чтобы ты забыл даже звук моего имени. Ты был ошибкой, о которой я искренне сожалею, и ты теряешь время, приходя сюда. Пожалуйста, больше не связывайся со мной, иначе я буду вынужден вызвать полицию и добиться судебного запрета. Подпись, Джексон», — Лукас фыркнул. — Однако, было мило с твоей стороны оставить это, — он провёл большим пальцем по трискелю, прежде чем спрятать цепочку обратно под майку и снова повернуться лицом ко мне. — Итак. Амнезия волшебным образом уже прошла?

Я не мог дышать. Воздух физически не проходил в мои лёгкие, пока я стоял и с открытым ртом смотрел на Лукаса. То, что он говорил... Чтобы я сделал нечто такое жестокое, было за гранью моих самых диких фантазий. Однако, это было не за гранью фантазий кого-то близкого ко мне.

— О боже, — мне, наконец, удалось втянуть короткий вдох, когда правда обрушилась на меня с большим эффектом, чем штормовой ветер снаружи.

— Нет? Ничего не напоминает? Хмм, тогда мне придётся встрихнуть твою память физической уликой, — Лукас открыл дальний шкафчик и покопался там, прежде чем что-то достать. Он подошёл с жестокой улыбкой на губах, а затем бросил помятый конверт на стойку передо мной. — Вперёд.

Спереди на изношенном конверте было напечатано имя Лукаса, но не было никакой марки или обратного адреса, будто его доставили из рук в руки, а не почтой. Не открывая письма, я знал, что будет внутри, но всё равно потянулся к нему, достал бумагу, которая была скомкана, а затем снова разглажена, так что слова на листе были немного блёклыми на сгибах. Когда я начал читать, от дрожи мои руки слегка тряслись, и мне пришлось использовать обе руки, чтобы прийти в себя.

Чем больше я читал, тем больше подступала тошнота, и когда я дошёл до последней строчки, пришлось перечитать её раз, два, а затем снова, мой мозг отчаянно пытался найти во всём смысл.

— Лукас, я не... Это не моё...

Я не мог выдавить слова, когда осознание того, что действительно произошло столько лет назад, ошеломило меня до предела, меняя всё, что я знал. И когда мой мир перевернулся, и я упал на барный стул, письмо выпало у меня из рук.

Мой отец не потрудился постучать в дверь моей спальни, прежде чем войти. Он никогда не стучался, и я больше не подскакивал, когда дверь распахивалась, и сейчас его высокая фигура заполняла почти все пространство.

— Джекс, смотри, что только что пришло, — сказал он, и гордость в его голосе заставила меня поднять взгляд, отвлекая от разбора бардака в ящике комода. Увидев в его руках большой конверт, я снова сосредоточился на поиске.

— Ну, — произнёс он, махая конвертом передо мной. — Тебе не интересно, приняли ли тебя? Это из Йель. Давно пора.

— Эм... Я могу уступить честь тебе.

Я чувствовал взгляд его суженных глаз, пока открывал верхний ящик и копался в нём. Не было таких связей, которые мой отец не мог использовать, чтобы устроить меня в школу, которая была его выбором, его альма-матер, так что было бессмысленно открывать этот дурацкий конверт. Он хотел Йель, значит будет Йель. Я уже смирился с этим фактом много лет назад.

— Что это ты делаешь? — спросил он, раздражаясь от отсутствия у меня внимания и восторга, но у меня на уме были более важные вещи. Например, куда исчезла моя цепочка.

— Просто кое-что ищу, — пробормотал я, захлопывая ящик и открывая следующий снизу.

— Кое-что ищешь? — отец помахал конвертом перед моим лицом. — Как насчёт того, чтобы заглянуть в будущее? Сейчас.

Его тон не оставлял места спорам, и я неохотно взял у него толстый конверт и сел на край кровати. Толстые конверты означали одно — добро пожаловать в университетскую жизнь, о, и вот бланки на проживание, список уроков, внеклассных занятий и bla-bla-чёрт-побери-bla.

— Поздравляем, вы были приняты в Йель...

Я даже не дочитал предложение, прежде чем мой отец триумфально вскрикнул и выхватил документ у меня из рук.

— Видишь? Что я тебе говорил? Йелец, прямо как я.

Его глаза сияли, пока он смотрел на письмо, и когда он посмотрел в мою сторону, я попытался улыбнуться, правда попытался, но всё, о чём я мог думать — о чём думал последние две недели — это человек, которого я оставил в Джорджии, которого большие никогда не увижу. Особенno на этом пути в Йель, к которому он не приблизится и под дулом пистолета, хоть его оценок было более чем достаточно, чтобы поступить.

— Что? Ты не рад? Ты этого хотел всю свою жизнь, — сказал моей отец, снова пытаясь привести меня в то же состояние живости, в котором находился сам.

— Это отлично, — сказал я. — Правда.

— Отлично, — повторил он, изогнув губы. — Это всё, что ты можешь сказать? «Это отлично»?

— Ну, это...

— Это более чем «отлично», Джекс. Ты знаешь, как много детей, которые прямо сейчас получают письма с отказом, убили бы за то, чтобы быть на твоём месте?

Не подумав об этом, я потянулся поправить цепочку, которую носил месяцами, но мои пальцы коснулись только воротника майки.

— Прекрати это делать, — рявкнул мой отец. — Так делала твоя мать.

Я уронил руку и оттолкнулся от кровати, направляясь обратно к комоду, чтобы возобновить поиски.

— Привычка. Пару дней назад я потерял свою цепочку и нигде не могу её найти.

— С каких пор ты носишь цепочку? — произнёс он, изгибая губы с отвращением на слове «цепочка». — Их носят только женщины.

— Нет, это скорее кулон на чёрном проводе... мне его... в смысле, я купил его в школе.

Глаза моего отца напоминали уголь, пока он смотрел на меня.

— Что ж. Тогда, уверен, он найдётся.

— Да уж, — а затем, прежде чем смог себя остановить, я спросил: — Это вся почта, которую я получил?

— Чего ещё ты ждал?

Он засунул письмо о принятии обратно в конверт.

Ничего. Я совсем ничего не ждал. Но держался за какой-то глупый клочок надежды, хоть и уехал из Южного Хэйвена внезапно, не оставив Лукасу никаких контактов, что он каким-то образом найдёт путь ко мне. Это была дурацкая мысль, чтобы мы поддерживали связь, что и было причиной, по которой я уехал изначально, но... я скучал по этому парню. Я скучал по своему другу... и по тому, что ещё развились между нами.

От обнадёженного выражения моего лица губы отца выпрямились.

— На самом деле, есть кое-что, что тебе оставили.

Я оживился.

— Правда?

Он кивнул на мой стол.

— Присядь.

«Присядь» было кодом для «тебе не понравится, что я для тебя подготовил», но я всё равно сел, как было сказано, отодвинув стул от стола и ожидая обрушения бомбы. С тех пор, как я приехал домой, между нами двумя была неловкая дистанция, но ничего не было сказано о том, почему он забрал меня из Южного Хэйвена раньше, а я не смел поднимать эту тему. Глубоко внутри я знал, почему, и то, что на прошлой неделе он не позволил мне подняться на выпускную сцену с моими сверстниками, казалось достаточным наказанием.

Мой отец достал что-то из внутреннего кармана пиджака, а затем бросил на стол передо мной заклеенный конверт без марок и отступил назад.

— Что это?

Я перевернул конверт, ожидая увидеть обратный адрес ещё одного колледжа, в который меня приняли, но на другой стороне тоже не было никаких отметок.

— Почему бы тебе самому не открыть и не посмотреть?

Тогда я должен был отказаться. В безымянных конвертах никогда не бывает ничего хорошо, по крайней мере, судя по криминальным фильмам.

Осторожно открыв конверт, я достал содержимое — стопку фотографий, и я сразу же узнал симпатичного парня на верхней фотографии. Я не смог распознать другого парня, который был чуть ниже ростом.

Я предчувствовал беду и тяжело сглотнул. Я не хотел видеть остальные.

— Что это?

— Почему бы тебе не посмотреть дальше?

— Я бы не хотел.

— О, брось. Это будет весело. Это твой дружок, верно? Как его звали... какой-то там Лукас?

Я встретился с ним взглядом, и в глубине его глаз таилось нечто злобное.

Следующее фото было почти таким же, как первое — Лукас стоял в личном пространстве парня, наклоняясь ближе к его уху, будто рассказывал секрет. Ну и что, это был дружеский разговор. Большое дело.

Да, тогда почему моё сердце грохотало с тройной силой?

Я пролистал следующие несколько снимков, моё зрение размылось по краям, когда на одном снимке губы Лукаса коснулись шеи парня, а на следующем передвинулись на его губы. Я знал эти губы. Я знал лёгкий вкус карамели на его языке, и как он дразнил и кусал мою нижнюю губу, чтобы растянуть предвкушение. Эти губы были мои. Нет, поправка: были моими. На краткий, мимолётный момент, в который я всё ещё не мог поверить или понять.

Для меня не было смысла в том, что я влюбился в парня. В парня. Раньше меня просто не посещала мысль о влечении к мужчине, но сейчас я не мог выкинуть его из головы. Две недели, проведённые порознь, ничего не облегчили — дошло только до того, что я готов был послать своего отца и прыгнуть на первый же рейс до Джорджии. Я не сошёл с ума; я знал, что чувства взаимны. Все эти обещания в темноте, планы на

будущее и то, кем мы станем. Мы согласились только на том, что будем вместе. Поэтому я не мог поверить в то, что видел.

Нет... Может быть, это произошло до того, как Лукас приехал в Южный Хэйвен. Может, всё это было...

Мой взгляд зацепился за нижний угол. На фотографиях стояла вчераиня дата.

К моему лицу прилил жар, пока я пытался понять, что вижу. Почему? Почему Лукас целовал какого-то парня, и что это был за парень, чёрт возьми? Не из школы, это было очевидно. Он встречался с этим парнем всё время, пока мы... Нет. Это было невозможно. Мы проводили вместе практически каждую свободную минуту, так что кто бы это ни был, должно быть, это было некое утешение. Верно?

А затем ещё одна мысль: если у моего отца были фотографии Лукаса, и Лукас, казалось, не замечал тот факт, что его фотографируют, то я мог только представить, какую улику отец нашёл против меня с того времени, что мы были вместе. Меня тошнило от мысли о блестящих глазах отца, который наблюдал за нами двумя. Не удивительно, что он забрал меня из Южного Хэйвена. Если оглянуться назад, наша дружба вела к неизбежному, и было ясно, что мой отец надеялся положить всему конец до того, как наступит точка невозврата.

Слишком поздно, — подумал я, когда мой отец кратко кивнул, давая знак продолжать смотреть, а у меня дрожали руки.

Следующая фотография продолжила прогресс — Лукас накрыл рукой хозяйство парня через джинсы... Господи. Затем, на следующей, блондин задрал майку Лукаса, прижимая его спиной к кирпичной стене. Было ясно, к чему всё идёт, и мне не нужно было смотреть на остальное. Видеть Лукаса с кем-то другим, что он уже двинулся дальше, было как ножом по внутренностям, и этот нож проворачивался и полностью потрошил меня.

Я засунул фотографии обратно в конверт, и мне пришлось дышать через нос. Если я открою рот, может вырваться душащий плач, а я никак не мог сломаться на глазах у отца. Ему не нужно было знать, что он довёл меня, что он победил. Работой его жизни было знать, как разгромить соперника, как сломать его и склонить к своей воле. Он всегда побеждал. Это будет то же самое.

Ничего не показывай. Ничего не выдавай.

Я заговорил только тогда, когда смог сохранять голос сильным. Ровным. Бессстрастным.

— Ты их смотрел? — спросил я, не отводя взгляда от стола.

— Мой частный детектив рассказал мне детали. Мне не нужно смотреть на эту грязь.

— И зачем тебе нанимать частного детектива, чтобы шпионить за каким-то парнем?

Отец пересёк комнату, а затем навис над столом, приближая лицо к моему.

— Видишь ли, Джейсон, я потратил на тебя слишком много, чтобы ты всё это запорол. Для этого парня ты был не больше, чем очередной игрушкой. Ты этого не видишь? Просто одно из многих отвлечений, которые перейдут его дорогу.

Мои руки сжалась под столом.

— Это не правда.

— Это правда.

— Мы просто друзья...

— Неверно, — он выпрямился, его большие плечи прятали меня в его тени, его голос отражался эхом от стен. — Вы были просто друзьями. Но это прекращается прямо сейчас. Я отправил тебя в самую дорогую школу страны не для того, чтобы ты вернулся педиком.

Чёрт побери. Вот оно. В открытую, никто не ходил вокруг да около. И я мог только сидеть там, раскрыв рот, не в силах говорить.

Зарычав, мой отец произнёс:

— Он для тебя ничего не значит, слышавший меня? И ты ничего не значишь для него, — он опустил взгляд на конверт на моём столе. — Это можешь оставить себе.

Дверь за ним захлопнулась, стены задрожали. Только после того, как раздался рёв его «Ягуара», отъезжающего по дороге, мое сердце разбилось пополам, и я поддался молчаливым слезам, которые застилали мне глаза. Я снова потянулся к цепочке, но успокоить меня было нечему, никакой частички Лукаса не осталось, чтобы помочь мне осознать, что это было реальностью. Потому что это была реальность... верно? За эти короткие восемь месяцев он стал значить для меня больше, чем кто-либо, кого я знал все свои восемнадцать лет. Но эти фотографии... Боже, они рассказывали другую историю, в которую я бы никогда не поверил, если бы правда не смотрела мне в лицо.

Почему, Лукас? Почему?

Глава 12

Лукас

— Я сжёг их. Все до единой фотографии — я сжёг их все. Мне не нужно было видеть...

Джексон качал головой, будто избавлялся от воспоминания о предательстве. Которое он мог не видеть, но, очевидно, всё ещё чувствовал.

Парализованный на месте, я с трудом собирал вместе кусочки его истории и той правды, которую знал. И пока слова Джексона проникали в мой разум, его слова свелись к одному — нами играли, мы были не более чем пешками в хреновой игре его отца. Наши жизни были такими незначительными, что потребовалось только пару схематических движений, чтобы поставить нас на новые дорожки — раздельные. Навсегда.

— Лукас, я не виню тебя, — сказал Джексон, неправильно растолковав ужас, который отобразился на моём лице. — Я взял и исчез без объяснений, а ты... двинулся дальше. Это была моя вина. Я должен был сказать...

— Я приходил увидеться с тобой, — шёпотом произнёс я, цепляясь за край тумбочки. — К тебе домой.

В мгновение ока на лице Джексона вместо раскаяния отразилось непонимание.

— Ты... Что? Когда?

— На следующий день после выпуска. Я появился на твоём пороге, и мне сказали, что ты не хочешь меня видеть.

От лица Джексона отлила краска.

— Так что, будучи упрямым засранцем, я вернулся на следующий день. И затем на следующий, — я потёр щетину на челюсти, пока вспоминал, как его отец и прислуга по очереди хлопали дверью перед моим носом. Не лучшие моменты, но я отказывался

верить, что Джексон не хочет меня видеть. Только... — А потом мне в отель принесли письмо, вместе с цепочкой. Тогда до меня дошло.

Джексон застыл на месте, как красивая, загнанная статуя, глядящая с мраморного постамента. Что крутилось в этой его голове? Наверное, он психанул из-за того, что я прыгнул в самолёт, чтобы преследовать его, как какой-то отчаянный зануда с пятой сцены. Слишком поздно возвращать тот кусок истории, и я всё равно не жалел об этом. Последнее, о чём я думал, это то, что скажет его отец о том, что я появился на севере штата, но, может быть, об этом я должен был подумать первым делом.

Господи, он был тихим. Слишком тихим. Тишина повысила уровень моей тревоги до десяти, так что когда Джексон отказался говорить, даже дышать, наконец, заговорил я.

— Скажи что-нибудь.

Будто выйдя из транса, Джексон моргнул и медленно поднял голову, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Я не могу... поверить... что ты это сделал.

Он не может поверить...

— Ты просто ушёл, чёрт возьми, — взорвался я, отталкиваясь от тумбочки, моё возмущение, наконец, поспешило вырвалось, предназначеннное для его отца — но его здесь не было, а оно, так или иначе, выходило. Хватаясь за волосы, я ходил по кухне, не глядя в его сторону. — Что ещё я должен был делать? Я не знал, в порядке ты или ранен. Ты просто исчез посреди ночи... *Боже*. Ты чёртов...

Развернувшись, я врезался прямо в сильное, неподатливое тело Джексона, мои руки поднялись, чтобы зацепиться за его пресс. Это было как цепляться за скалистое горное ущелье. Чёрт побери, мне не нужно было так к нему прикасаться. Не нужно было знать, каково чувствовать его под ладонями или ощущать запах мыла на его коже. *Что напоминает мне, что нужно запастись мылом «Ирландская весна» в гостевой ванной. Не то чтобы он снова будет принимать здесь душ. Ладно, Господи, Лукас, отойди.* Но прежде чем я смог отодвинуться, Джексон вцепился в мои запястья.

— Ты приехал за мной, — тихо сказал он, хоть его дыхание участилось. Зрачки в его контрастирующих глазах расширились, так что я едва видел голубизну его радужки, отчего глаза впервые стали практически совершенно одинаковыми.

— А ты понятия не имел. Всё это время.

Я не знал, смеяться мне или плакать. Чёрт, мне очень хотелось разбушеваться к чёртовой матери. На кого-то или на что-то... что угодно, что ослабило бы огонь, растекающийся по моим венам.

Я пытался вырываться из его хватки, но Джексон держал меня крепко, и прежде чем я успел моргнуть, он прижал меня к тумбочке. Он был так близко, что я чувствовал на губах его дыхание, видел, как его взгляд опустился к моим губам. Стук дождя по окну исчез на заднем плане, когда Джексон стал единственным, что я видел, а его тихое дыхание единственным, что я слышал.

Он наклонил голову к моей, остановившись достаточно надолго, чтобы у меня было время отстраниться, если бы я хотел. И, может быть, я должен был это сделать. Поцелуй с Джексоном всё усложнит. Это как бросаться в море без спасательной шлюпки или жилета, или какой-либо вещи, чтобы ухватиться и спастись. В этот раз не будет спасения, но хоть на задворках мыслей я знал это, но не мог не подвинуться ближе, чтобы наши губы практически соприкасались.

Правда была в том, что я не хотел признаваться себе, что хочу почувствовать его губы на своих больше, чем хочу дышать, но это была плохая идея. Я знал мужчину перед собой не больше, чем он знал меня, и когда эта мысль появилась в моей голове, я обнаружил, что отстраняюсь от него. Но Джексон не позволил мне далеко уйти. Он сократил расстояние между нами, дёрнув меня вперёд за запястья — а затем его губы обрушились на мои.

Ох, да будь я проклят.

Его внезапное движение застало меня врасплох, и мой мозг завис на пару секунд, пока обдумывал, что происходит. Джексон... целовал меня. Он сделал первый шаг, и его губы прижимались к моим, тёплые и мягкие, побуждая меня раскрыться ему.

Это действительно происходит? Может, я ударился головой о летающий гаечный ключ в мастерской и проделал путь Дороти из Страны Оз, потому что это никак не могло быть реальностью. Я притеснил его, поставил на свою кухню посреди шторма, из которого он не мог сбежать, и закрутил наше прошлое до тех пор, пока оно не подошло под реальность, которая была лучше, чем та, с которой нам пришлось справляться.

Когда зубы Джексона укусили мою нижнюю губу, я вернулся в настоящее, к входу, которого он искал. Когда он уронил мои запястья, мой рот раскрылся, давая ему желаемый доступ, а затем мои руки оказались в его мокрых волосах, удерживая его на месте, в то время как я наклонил голову, чтобы глубже ощутить его язык против своего.

Боже, он был так хорош на вкус. Он целовал меня с голodom, и я отвечал ему тем же, желание большего заставило нас поменяться местами, когда я стал доминировать и прижал его к двери в кладовку. Его пальцы вцепились в мою талию, с отчаянием и желанием, и я выполнил его невысказанную просьбу, прижавшись к его бёдрам своими, стояком к стояку.

Я улыбнулся ему в губы, когда из его рта вырвался стон, глубокий и наполненный желанием. Будто он не мог насытиться. Будто его тело и его губы всегда должны были касаться моих.

Глава 13

Джексон

Я целовал Лукаса Салливана. И не просто в одной из многих безумных снов, которые снились мне годами с тех пор, как я видел его последний раз, а на самом деле пробовал его, будто судьба мира зависела от того, чтобы наши губы не разъединялись. Это было быстро и яростно, и то, как он инстинктивно взял на себя контроль и прижал меня к тому, что было за моей стеной, сделало меня твёрдым как камень. С моим размером, это я всегда был главным, и я не мог отрицать, как это горячо, что кто-то равный мне отвечал так же хорошо.

Руки Лукаса опустились с моих волос на шею, крадя моё дыхание. Это напомнило мне о том, как он впервые поцеловал меня много лет назад, прижав к грубой коре сосны в лесу, который отделял дом его бабушки от школы. Царапины на моей спине не сходили днями, но это стоило того, чтобы, наконец, почувствовать его тёплые губы на своих, поддаваться всему этому нарастающему напряжению между нами. До того момента я никогда не целовал парня, и Лукас не облегчил мне задачу — он взял то, что хотел, и я поддался этому, потому что было так чертовски приятно и потому что я никогда не скажу Лукасу «нет». И это было единственное, что тогда пугало меня, — что я никогда не скажу ему «нет».

Но казалось, что сейчас мне не придётся его останавливать, потому что, слишком резко, Лукас отстранился, оставляя между нами слишком много пространства.

— Нет. Этого не будет.

Ошеломлённый, я наблюдал, как он запустил руки в волосы, будто пытался выйти из ступора. Он был возбуждён — это было болезненно очевидно по тому, как натянулись его штаны, но его самоконтроль побеждал.

Насколько дальше я бы зашёл, если бы он захотел? От возможностей у меня по телу бежали мурashki, прямо до яиц, и я потянулся вниз, чтобы облегчить накопившуюся боль, массажируя их грубой рукой.

— Боже, что ты делаешь? — с измученным выражением лица простонал Лукас, наблюдая, как я утешаю сам себя.

Я даже не осознавал, что делаю это. Моя отстранённость в спальне всегда удивляла моих партнёров, но что-то в Лукасе придавало мне смелости, вызывало желание подразнить и поделиться той частью себя, которую я скрывал. И будем говорить открыто — после этого поцелуя я нуждался в облегчении.

Лукас, закусив губу, сосредоточился на моей руке, пока я гладил себя поверх штанов. Он выглядел наполовину готовым наброситься на меня, наполовину готовым выгнать меня из дома, и я молился, чтобы он определился быстрее. В его глазах боролась нерешительность, его тело напряглось как оголённый провод. Тогда мой большой палец коснулся верхушки моего стояка, и я ахнул, когда Лукас сделал шаг.

Его тело столкнулось с моим, его язык ворвался в мой рот, чтобы завладеть мной. Мои бёдра дёрнулись вперёд от этого, и он ответил взаимностью, позволив своей руке опуститься между нами, чтобы оттолкнуть мою руку и подразнить мою эрекцию.

Вот деръмо. Ни одна тайная грязная фантазия, которая возникала у меня при мыслях о Лукасе, не могла сравниться с тем, каково было ощущать его рядом с собой, когда он углубил поцелуй, настойчиво массажируя мой член. Я не мог поверить в то, как отвечает моё тело, так сразу и без задней мысли. Кто я такой? Мужчина, который наслаждался ощущением губ другого мужчины на своих больше, чем с кем-либо, кого целовал за всю жизнь. Я совершенно не понимал этого, не знал, в кого это меня превращает, но переживать об этом было последним делом, потому что губы Лукаса двигались идеально синхронно с моими.

Одна из его сильных рук легла на мою грудь, удерживая меня на месте — будто я куда-то денусь — а затем другая рука Лукаса расстегнула пуговицу моих штанов. Он кусал и дразнил мою нижнюю губу, и я простонал от предвкушения. Я знал, к чему всё придёт, если я позволю, и так же как раньше, я не понимал всех «почему», но знал, что тягу, которую я испытывал к этому мужчине, я не чувствовал ни с кем другим. Так что когда я сжал задницу Лукаса, чтобы побудить его к действиям, он потянул вниз мою молнию, а затем накрыл рукой мою эрекцию.

— Чёрт, — выдохнул я, пока он поглаживал меня, от сочетания его крепкой руки и трения моих боксеров, у меня закатывались глаза. Он не был нежным и не колебался, касаясь меня. Это был мужчина, который точно знал, что делает, и это только больше заводило меня.

— *Боже*, Джексон, — слова Лукаса щекотали мои губы, когда он покачал головой, и его пальцы обхватили головку моего члена. — Я забыл, какой ты чертовски большой.

Моя голова ударилась затылком о дверь, и мне пришлось потянуться к руке, которая могла довести меня до того, что я обкончаю всю его ладонь, если он продолжит.

— Нет, ты не забыл.

Лукас взял меня за подбородок, его глаза блестели дьявольским огнём.

— Ты прав. Не забыл.

Затем он опустился на колени, одним быстрым рывком стягивая мои боксеры и штаны.

— Лукас... А, *бл*дь*, — произнёс я, когда он не только взял меня в рот, но и всосал внутрь так яростно, что мой член достал до задней стенки его горла. Я смутно осознавал ругательства, которые вырывались из меня, но мог сосредоточиться только на том, чтобы не кончить через пять минут. Вот дерньмо, разве *когда-нибудь* что-нибудь было так же приятно? Нет. Нет, чёрт возьми.

Когда Лукас пристроился между моих бёдер, он шире расставил мои ноги, давая себе больший доступ ко мне. Я чувствовал себя раскрытым, пока стоял там, наблюдая за стоящим на коленях мужчиной, но он не смотрел на меня. Он не смотрел никуда. Его глаза были закрыты, но рот работал как грёбаный пылесос, беря то, чего он хотел, и я был более чем согласен позволить ему это.

Где-то на задворках мыслей я думал, что это добром не кончится, что Лукас очнётся от некого транса, поймёт, что сделал, а затем снова обидится на меня. Но когда его тёплый влажный рот обхватывал мой член, я не мог заставить себя переживать об этом.

Моя спина выгнулась, толкая мои бёдра вперёд, а член ещё глубже в горло Лукаса, и когда он подавился, я инстинктивно отстранился. Но это было неверное движение, потому что руки Лукаса обвились вокруг моих ягодиц, притягивая бёдра вперёд, и он слизал предсемя с моего члена, прежде чем снова с жадностью заглотить меня.

— Ты такой вкусный, — пробормотал он, не выпуская мой член, и я вздрогнул от вибрации.

Сколько раз я трахал свой кулак, представляя, что это рот Лукаса? Больше, чем когда-либо признаюсь сам себе, это уж наверняка, но все эти пустые фантазии не шли ни в какое сравнение с реальностью. Я запустил пальцы в его волосы, пока мускулистые руки Лукаса держали меня прямо там, где он хотел. Он довёл меня до грани оргазма, а затем отодвинулся, вместо этого посасывая чувствительную кожу моей мошонки, а затем двигаясь языком к моему отверстию.

— Ты слишком чертовски хороши в этом, — сказал я, двигая бёдрами вперёд и толкаясь головкой эрекции к его губам. — Лукас... Лукас, посмотри на меня.

Что-то в воздухе изменилось, когда Лукас на секунду перестал двигаться, будто когда я произнёс его имя, он очнулся от чего-то, что захватило его голову. *Чёрт. Не останавливайся... пожалуйста, не останавливайся, блин.*

Будто услышав меня, он снова медленно заглотил меня внутрь, и одна из его рук обвилась вокруг основания моего члена. Сжимая и посасывая, его рот и пальцы работали в tandem, быстрее и сильнее, забирая у меня всё. Глаза Лукаса всё время оставались зажмуренными, даже когда мне хотелось, чтобы они открылись и посмотрели на меня. Он вообще знал, кому отсасывает прямо сейчас? Его это волновало? Он будет смотреть на меня иначе, когда, наконец, откроет глаза?

Я узнаю это достаточно скоро, потому что заканчивалось то малое количество контроля, за который я держался, и знакомое тянувшее ощущение в яйцах заставило меня оттолкнуть голову Лукаса, пытаясь заставить его отодвинуться. Он не поддался, его хватка на мне показывала, что он намеренно решил игнорировать моё предупреждение, и *Боже*, мысль о том, чтобы кончить ему в рот, заставила мой оргазм вырваться на поверхность. Когда я выстрелил спермой в его горло, язык Лукаса массировал нижнюю часть моего члена, вытягивая из меня все до единой капли, пока я дрожал, мои ноги готовы были подогнуться.

Когда звон в моих ушах начал успокаиваться, Лукас поднялся на ноги, а я подтянул и застегнул свои штаны. Он по-прежнему не смотрел на меня, пока вытирал рот.

— *Бл*дь*. Лукас, это было... Bay, — произнёс я, уголки моих губ поднялись вверх, когда я потянулся за его рукой, но он либо не видел меня, либо решил не видеть, потому что сунул руки в карманы и отошёл.

— Спасибо, — сказал он, коротко и резко.

— Спасибо?

— Ну, я полагаю, технически, ты должен меня благодарить.

Его слова были пропитаны сарказмом, в то время как воздух между нами остыл, и всё внутри меня наполнилось страхом.

— Я... сделал что-то не так? — спросил я.

— Конечно нет.

— Ладно, — сказал я, изучая взглядом его лицо в поисках намёка на то, что только что здесь произошло. — Тогда в чём проблема?

— Нет никакой проблемы.

— Очевидно, это не правда. Ты даже не смотришь на меня.

Лукас, наконец, смерил меня взглядом, но в его глазах не было никаких эмоций.

— Ты получил удовольствие?

Мои брови взлетели вверх. *Получил ли я... Он щутит, чёрт возьми?*

— Что это должно значить?

— Приму это как «да».

— Типа ты только что оказал мне услугу? — я схватился за свою шею, когда его резкая перемена настроения пробрала меня до мурашек. — Ого.

Он повернулся ко мне спиной, когда направился к лестнице.

— Уверен, ты помнишь, что гостевая комната в конце коридора. Можешь остаться там, пока не пройдёт шторм.

Я опешил.

— И всё? Это всё, что я получу от тебя?

Лукас остановился, положив руку на перила.

— Большинство были бы в чёртовом восторге, если бы получили от меня всё это.

— Ты грёбаный придурок.

— Меня называли и хуже.

— Ты думаешь, я поэтому сюда приехал? Потому что хотел от тебя... *этого*?

Он одарил меня садистской улыбкой.

— О, брось, Джексон. Это называется — минет. Ты можешь это сказать.

Я открыл рот, чтобы попытаться *хоть что-то* сказать в этот момент, но ничего неказалось подходящим. Будто у нас было маленькое окошко возможностей, будто между нами произошло осознание, и ушло практически сразу же, как и пришло. Я не узнавал холодного, закрытого человека перед собой. Откуда он взялся и почему?

— Итак. Спасибо, что зашёл.

Сарказм Лукаса ударили меня по лицу, когда он начал подниматься по лестнице, и я обнаружил, что иду за ним.

— Лукас...

Он посмотрел через плечо, и эмоции в его глазах были не читаемы — что бы ни происходило в голове Лукаса, он не хотел делиться этим со мной. Но одно я знал: он не хотел, чтобы я шёл следом.

Я уронил руку с перил, и глаза Лукаса слегка сузились, между бровями залегла складка. Затем, так же быстро, как появилась, она исчезла, и он оставил меня стоять на месте, в его доме, когда закрылся в своей спальне.

Глава 14

Джексон

Это было на следующий день после того, как я оказался «унижен к чёртовой матери», как я теперь это называл, и пока я ехал через центр Южного Хэйвена по пути обратно в отель, город уже сутился, расчищая дебри после вчерашнего шторма на дорогах и тротуарах. Помимо разбросанных остатков деревьев и маленьких веток, казалось, не было особого ущерба. Полная противоположность того, что вчера произошло между мной и Лукасом. Он так и не возвращался остаток вечера, так что я вырубился на

диване, пока ждал, когда пройдёт шторм. И сегодня утром мои ключи лежали на кофейном столике, а грузовик Лукаса исчез.

Он избегал меня, и я понятия не имел, что произошло. Ну, помимо самого головокружительного минета, который я получил. Но я даже не мог больше наслаждаться этим воспоминанием, не думая о загадочном выражении лица Лукаса после этого.

Чем я думал, когда вообще туда шёл? Мне следовало уйти, как только я понял, чей это дом. Находиться на территории Лукаса, в его доме, в месте, которое было так мне знакомо и содержало так много воспоминаний, а затем оказаться в такой близи к самому мужчине? Это был рецепт катастрофы, спящее желание, о наличии которого я даже не знал. Наверное, Лукас думал, что я пришёл специально, чтобы соблазнить его или что-то ещё. *Боже*. Я это и делал? Бог знал, что при возвращении в Джорджию я даже не планировал увидеть этого парня, но одна секунда в присутствии Лукаса, и все ставки аннулировались. Я не мог это объяснить. Я не понимал этого. И я не спал полночи, проигрывая в голове то, что произошло между нами, снова и снова, пытаясь найти разумное объяснение повороту событий, потому что всё произошло так быстро.

Одна вещь, которая выделялась и шокировала меня до глубины души — тот факт, что мой отец намеренно разделил нас и держал порознь. Эта информация изменила всё. Будто твёрдая, стабильная земля, которую я всегда знал, внезапно ушла из-под ног, и как я мог теперь чему-то доверять? О чём ещё он мне врал?

И как всё было бы с Лукасом в ином случае? Я остался бы в Коннектикуте? Вернулся бы к нему? Я уже знал ответ на это. Я готов был прыгнуть на рейс до Южного Хэйвена, пока не увидел его фотографии с кем-то другим. Фотографии, которые использовал мой отец, чтобы держать меня под своим пальцем.

У меня сжался желудок, пока я заезжал в гараж своего отеля, а затем — стоило помянуть чёрта — зазвонил мой телефон, на экране отразился прямой номер офиса моего отца. Я нажал кнопку «отклонить» и ждал, пока поднимется шлагбаум.

Это не тот человек, с которым я хочу прямо сейчас разговаривать. Если вообще когда-то захочу.

Я ехал в поисках свободного места, когда телефон зазвонил снова, только на этот раз я позволил ему дойти до голосовой почты.

Как мой отец мог быть таким мстительным и жестоким? Я отказался от многого, чего хотел *сам*, чтобы угодить ему, и по большей части потому, что старался возместить потерю мамы. Он тяжело воспринял её смерть, и будучи единственным членом семьи, кто у него остался, я принял на плечи ответственность *и* за семейную фамилию, *и* за семейный бизнес, чтобы он мог гордиться. Но зачем я вообще трудился, когда он всю мою жизнь манипулировал мной, чтобы заставить делать то, что хочет?

Заехав на свободное место, я заглушил двигатель, как раз когда на моём телефоне снова загорелся его номер. Раздражённый, я ударил кулаками по рулю и сделал несколько глубоких вдохов. Я не мог продолжать игнорировать его звонок, но чёрта с два я хотел разыгрывать милую беседу, когда был так зол. Но сейчас было не время поднимать эту тему, так что я закусил щеку изнутри и нажал «принять».

— У нас проблемы? — вместо приветствия произнёс отец, когда я поднёс телефон к уху.

Я чувствовал вкус крови от того, что прокусил зубами кожу, и разжал челюсть.

— И тебе доброе утро.

— Думаешь, это хорошая идея — отправлять меня на голосовую почту?

Да. Да, я так думаю.

— У меня был важный звонок.

— С Вогелем?

— Конечно, — соврал я.

— Я слышал, что там задержка.

Спасибо, Сидни.

— Незначительная. Просто понадобилось чуть больше времени, чтобы планировалось, чтобы синхронизировать свои графики.

Он усмехнулся.

— Мне нужно напомнить тебе, насколько важно для компании это приобретение? Я доверил тебе разобраться с этим, так что если...

— Всё будет. В четверг у меня встреча с Богелем, и это всё решит. Не беспокойся.

— «Не беспокойся», — передразнил его отец. — Он говорит, «не беспокойся».

— Я когда-нибудь раньше подводил тебя?

Тишина, последовавшая за этим, всё сказала. Он, так же как и я, хорошо знал ответ на этот вопрос, как знал и то, что я прилетел за этим приобретением со связанными за спиной руками. Я никогда не подведу его. Никогда. И это только подогревало мою злость.

— Закругляйся, как сможешь, и возвращайся сюда, — наконец сказал он. — Твоей невесте не терпится начать планировать свадьбу.

Эти слова как удар в живот вернули меня в реальность, которой я избегал с тех пор, как приехал сюда.

— Я не делал ей предложение, — проговорил я сквозь зубы.

— Поэтому тебе лучше сделать шаг, прежде чем Сидни помудреет и вместо этого выйдет замуж за меня.

С этим шанса большие, чем со мной. Особенно теперь.

— Я вернусь достаточно скоро.

— Вернись. И, сынок? Я рассчитываю на тебя. Не подведи меня.

Моя челюсть сжалась так сильно, что я легко мог выплюнуть коренные зубы.

— Есть, сэр.

Когда в трубке всё стихло, я выругался и бросил телефон на пассажирское сидение. К чёрту его. Я никогда не был обижен на отца так сильно, как в данный момент, и я никогда так сильно не хотел бросить ему вызов за что-то. Но сейчас было неподходящее время противостоять отцу из-за прошлого с Лукасом, не по телефону, как бы мне ни хотелось. Но если быть честным с самим собой, я не знал, пойду ли на это когда-нибудь вообще. Не потому, что боялся, но если Лукас никогда больше не заговорит со мной, никогда не захочет меня видеть, смысл будет поднимать прошлое? Это ничего не решит. Не исправит того, что произошло. Это только разорвёт отношения с единственной семьёй, которая у меня есть. И даже если мысли о том, что он сделал, вызывали у меня желание выбить из чего-нибудь дерьмо, он по-прежнему был моим отцом — и моим начальником.

Почти сразу же, на моём телефоне засветился номер Сидни, и я снова вспомнил, что есть другие, большие проблемы, помимо Лукаса Салливана. Даже при ограниченном количестве нашего общения с тех пор, как я приехал в город, мысль о том, что я больше никогда не увижу Лукаса, поселилась в моём желудке как прокисшее молоко — но что я мог сделать? Я не мог заставить этого парня проводить со мной время. Чёрт, я уже без приглашения появился в его доме, а это походило на ограбление. Правда была в том, что я всё равно через несколько дней уеду. Я не мог винить его за то, что у него есть жизнь... без моего присутствия в ней.

Когда я нажал красную кнопку на телефоне, чтобы отклонить звонок Сидни, и вышел из машины, я сдержался, чтобы снова не начать искать Лукаса, пока был здесь.

Это не значило, что я не надеялся, что он не найдёт меня.

Глава 15

Лукас

Свет на знаке тату-студии «Бади Электрик» не горел, когда я остановил свой грузовик на уличной парковке через несколько часов после того, как оставил Джексона одного в своём доме. Ещё было рано, задолго до открытия тату-салона, но Шоу всегда вписывал мои приёмы вне расписания, и сегодня я был особенно благодарен за повод отвлечься.

Я перешёл дорогу и кивнул нескольким хозяевам магазинов, которые выходили и выставляли столы, стулья и таблички. Шоу оставил дверь незапертой. Когда я вошёл, зазвенели колокольчики и Шоу поднял взгляд от газеты, которую читал, откинувшись на спинку офисного кресла, его армейские ботинки были скрещены на столике перед ним. Увидев меня, он сузил глаза.

— Ты выглядишь как разогретое дермо.

Я похлопал ресницами и пригладил волосы назад.

— Правда? Я рад, что ты так думаешь. Наверное, это мой новый тональник.

— Как он называется? Унылое дермо?

— Не помню. Придётся спросить у твоей мамы, — мне пришлось быстро сделать шаг в сторону, когда мимо моей головы пролетел маркер. — Ооо, чувак всё-таки хорошо целится. Я слышал другое, — я снова отодвинулся, когда он замахнулся на меня, а затем бросил журнал, как фрисби (*прим. летающий диск в виде пластиковой тарелки, что предназначен для метания под различными углами*), и тот попал мне прямо в плечо. — Боже. Разве так приветствуют клиента с деньгами?

Шоу фыркнул.

— Я никогда не брал с твоей задницы денег, но продолжай в таком же духе, и я могу передумать.

— Будь по-твоему, — сказал я, закрывая и запирая за собой дверь. — Если только ты не хочешь набить мне на руке надпись «я люблю киску». Ложная реклама и всё такое.

— Может в следующий раз, — подмигнул он. — Итак, сегодня утром будет кофе или что-нибудь для опохмелки?

— Кофе. Целую чашку, если ты не против.

Один уголок рта Шоу приподнялся, и он аккуратно сложил газету обратно в первоначальную форму, прежде чем встать.

— Я не против, но Джия скоро заступит на смену.

Он подошёл к маленькой тумбочке, которую установил в углу для своих работников и клиентов, где стояли Мистер Кофе и кофеварка, и достал крайне большой железный стакан из шкафчика внизу. Затем он долил остатки дымящегося кофе из кофеварки и протянул мне.

— Спасибо.

Сегодня утром я не потрудился добавить сливки и сахар и не ждал, пока кофе остынет, делая пару больших глотков и основательно обжигая свой рот и пищевод. *Хорошо*. После событий прошлой ночи, это было чертовски необходимо.

Пока Шоу относил кофейник обратно, чтобы сполоснуть и наполнить его заново — потому что, уверяйте, в ад нет такой ярости, как в Джии без её напитка — я направился к его рабочему месту, чтобы устроиться в кресле. «Бади Электрик» — дело всей жизни Шоу, маленький бизнес недалеко от центра Оушэн-авеню, единственный на острове. У него и его четырёх татуировщиков работы хватало, так как отпуск, казалось, вызывал у туристов желание набить что-нибудь на коже, чего они никогда не сделали бы дома. Таким образом, я встретил его чуть больше семи лет назад. Я пришёл, совершенно потерянный, и он оперативно вернул мой зад на место.

Я хототнул от воспоминания, оглядывая пространство. У каждого художника было своё рабочее место, но эти зоны ничем не разделялись, так что весь салон был открыт. Стены были покрашены в тёмно-синий цвет, оттеняя серебристый блеск стального дизайна задней стены. Одна из моих лучших работ. Чёрт, я действительно хорошо справился. Это была хорошая сделка: я украсил его салон, а он украсил мою кожу.

— Не похоже, что Аделаида вчера сильно тебя задела (*прим. название урагана*), — сказал я, когда Шоу направился к одной из раковин, установленных в конце салона.

Он открыл кран и начал намыливать ладони и запястья толстым слоем мыла.

— Нет, всё не особо плохо. Я приехал пораньше, чтобы убрать ветки с дороги, пока не приедут рабочие, но на этом всё. С твоим домом всё в норме?

А было ли? Одна из сосен поменьше упала на переднем дворе в ярде от дома, ничего большого, но настоящий урон был нанесён внутри. В моей собственной грёбаной кухне.

Я такой чёртов идиот. Чем я думал, приближаясь к Джексону? Несмотря на прошлое дермо, в котором мы увязли, и на недопонимание всего этого, не менялся тот факт, что мы оба продолжили свои жизни. Мы теперь были другими людьми — ну, я был другим. Джексон, однако, казался прочно загнанным в ловушку своим стариком, и в личном, и в профессиональном плане. Ничего никогда не изменится, пока этот ублюдок рядом, и я не одурачусь снова, связываясь с мужчиной, который уедет из города через пару дней. Этого не будет. Моя жизнь была просто отличной, без вмешательства Джексона Дэвенпорта.

— Лукас? — рассмеялся Шоу, закрывая кран. — Чёрт, приятель, допей этот кофе, и тогда мы вернёмся к разговору.

Я сделал очередной большой глоток и задумался, по-прежнему ли Джексон спит на моём диване. Штурм прошёл где-то посреди ночи, а я уехал прямо перед рассветом и поехал на своё любимое место на одном из частных пляжей, чтобы посмотреть, как встаёт солнце. Я часто это делал, и сегодня утром это казалось необходимым. Без майки и наполовину прикрытый одним из моих пледов, Джексон был практически слишком соблазнительным, чтобы устоять, а никому из нас не нужно было, чтобы я забрался на него сверху ради раннего утреннего пробуждения. От этой мысли я заёрзal на месте.

— Шоу... у тебя когда-нибудь бывало, что ты во что-то верил, а потом узнал, что всё это было ложью?

Если мой вопрос и удивил Шоу, он не показал этого. Он открыл упаковку тампонов со спиртом и протёр часть моей руки, на которую в итоге нанесёт чернила. Сегодня он просто нанесёт предварительный рисунок, который нарисовал для меня, и решит расположение.

— Такое бывало раньше, — сказал он.

— Что ты с этим делал?

Его выражение лица стало серьёзным.

— Я убил человека, который мне соврал.

— Потому что это отличный вариант, — сказал я, когда он улыбнулся.

— Нет. Сейчас это не особо важно, но моя мама соврала насчёт того, кем был наш отец.

— Что?

— Да. Когда мне было пятнадцать, я узнал, что он не лучший бейсболист, как она всегда нам говорила. Нет, мой отец был каким-то богатым европейцем, который проезжал через город на праздники, обрюхатил её мной и Кевом, а затем отказался видеть кого-либо из нас ещё раз. Классный парень.

— Чёрт возьми. Почему я этого не знал?

Шоу пожал плечами, открывая пачку хирургических маркеров.

— Для меня он не существовал. Нечего говорить.

— А ваша мама? Она врала вам.

— Она хотела, чтобы у нас был лучший пример в качестве отца, а не тот козёл. Разве можно её винить?

— Полагаю, нет.

— Думаю, мы выросли нормальными. Мы не наркоманы с переулка, а это легко могло произойти. Тогда я не особо хорошо принял новости.

— Ах, да, стадия бунтарства. Теперь мне жаль вашу маму.

— И должно быть. Мы заставили эту женщину пройти через ад. Но это объясняет, почему мы так дерзко играли в бейсбол.

Я рассмеялся, откидываясь на спинку кресла, когда он начал делать наброски рисунка. Это будет не точно похоже на мою бабушку, скорее абстрактный портрет из воспоминаний Шоу, окружённый её любимыми цветами, магнолиями. Он запутает их вокруг рисунка трискеля (*прим. трехлучевая свастика*), который я получил после смерти родителей. Я собирался сделать эту татуировку уже некоторое время, и раз на этой неделе исполнится три года с её смерти, это казалось подходящим. Тогда шёл дождь, это был чёртов ливень, так что, конечно, Джексон решил теперь вернуться в мою жизнь.

— Ты знаешь, о чём бы тебе ни сорвали, ты можешь выбрать исход и то, как разберёшься с этим, — сказал Шоу, будто чувствовал, что я вернулся в свои мысли.

— Мудрый мастер Йода. Думаю, ты выбрал не ту профессию.

Шоу приподнял бровь со шрамом.

— Учитывая, что я скоро оставлю на твоей коже постоянную отметку, лучше надеяться, что я выбрал всё правильно.

Прежде чем сам понял, я рассказал Шоу все подробности того, что произошло за день до этого, от писем и выяснения правды до того, как я оказался на коленях. Такое происходило рядом с этим парнем, мысли лились, и поэтому я научился не бороться с этим и отпускать себя. Я знал его достаточно долго, чтобы понимать, что он могила, так что, что бы я ни сказал ему, это оставалось между нами двумя. И он давал лучшие чёртовы советы, даже если в процессе мне до ужаса хотелось его треснуть.

Когда я закончил со своим признанием, Шоу кивнул.

— Это всё?

— Это всё? Шоу, я воспользовался ситуацией, получил от него то, что хотел, а затем убрался к чёртовой матери.

— Значит, с тех пор ты не говорил с Джексоном? Просто спрятался наверху, пока он не заснул? Не похоже на того Салли, которого я знаю.

— Альтернативой было трахать его всю ночь, что было бы ещё большей ошибкой.

Лоб Шоу сморщился.

— Я не вижу, в чём здесь проблема...

— Ну, например, я бы пропустил это драгоценное время с тобой.

— Я бы тебя простил.

— Ты засранец, ты знаешь это? Если бы это не испортило мне руку, я бы прямо сейчас тебе навалял.

Шоу хохотнул, потому что, как и я знал, что непросто одолеть кого-то таких размеров, определенно не с такими размерами, как у меня. Этот парень ради забавы поднимал машины.

— Значит, вы поговорили, — сказал Шоу. — Зачем он в городе?

— Из-за какого-то бизнес-дерзма. Я не спрашивал.

— Это довольно важно, нет? Может, он приехал ради тебя.

— Ни в коем случае, чёрт возьми.

Он пожал плечами.

— Ты не знаешь наверняка.

— Поверь мне, я знаю. После нескольких лет парень прилетел не для того, чтобы проверить кого-то, кого знал раньше. И он натурализм.

Шоу в удивлении отстранился.

— Он натурал?

— Он не открыт, и я готов поспорить, что он никогда не был с другим парнем.

— Хах. В «Аргосе» я поймал от него не такие вибрации. Он немного невинный, конечно, но глазел на меня ещё как.

— Прости? — резко произнёс я, и Шоу рассмеялся.

— Расслабься; он смотрел не потому, что заинтересовался. Скорее... это было любопытство. Будто он никогда в жизни не видел так много мужчин.

— Он ходил в академию для мальчиков, придурак.

Шоу закатил глаза.

— Это не значит, что там все были геями, детка. Веди себя с ним полегче.

— Теперь защищаешь его?

— В чём настоящая проблема, Лукас? — спросил Шоу, его взгляд сосредоточился на линии, которую он рисовал на моём бицепсе. — Что ты можешь на самом деле? Всё ещё волноваться за этого парня?

— Ты что, мой психотерапевт?

Шоу отклонился назад, чтобы рассмотреть свою работу.

— Иногда.

Я подумал обо всех временах, когда оказывался в этом салоне или в квартире Шоу наверху, полностью намереваясь не говорить ни слова, но вместо этого изливая душу. Этот парень умел просто тыкать в тебя, пока не начнёт выливаться правда, как из дырки в водяном шаре, хочешь ты этого или нет.

— Знаешь, в чём твоя проблема? — спросил Шоу.

— У меня такое чувство, что ты мне скажешь.

— Ты самовлюблённый засранец, застрявший в зоне своего комфорта.

— А на создание этого ушли годы. Зачем портить всё сейчас?

— Ради чего-то особенного, — тихо сказал Шоу, начиная вырисовывать один из цветков. — Я помню, когда встретил тебя и ты всё ещё сох по тому парню. Не думаю, что ты когда-либо забывал о нём, — я открыл рот, чтобы возразить, но прежде чем я успел что-то произнести, Шоу сказал: — И прежде чем ты скажешь обратное, помни, что я вижу тебя насекомым. Он сделал тебе больно. Теперь ты знаешь, что на самом деле это была не его вина. Так что, Лукас, приятель. В чём проблема, чёрт возьми?

В чём моя проблема? Серьёзно? У меня начинала пульсировать голова, и мне не нравился вывод, к которому вёл этот разговор.

— Я не вижу, чтобы ты спешил заводить отношения, — сказал я.

— Это не потому, что я упрямый ублюдок, который против этого.

— Тогда почему?

Шоу покачал головой.

— Мы говорим не обо мне. Не я здесь крушу сердца, как Халк. Я бы принял особенного парня, который смириться с моей хренью, а таких я не встречал.

— Какой хренью? Ты самый собранный человек, которого я знаю, и это включая Баша.

Взгляд Шоу поднялся к моим глазам.

— Ты думаешь так, только потому, что я тебя не трахал.

— Думаешь, я не знаю, что ты извращённый ублюдок? Ты похож на грёбаного быка.

Я был бы разочарован, не будь ты извращенцем.

Рассмеявшись, Шоу продолжил работать с цветком.

— Смотри. Ты не обязан слушать меня. Следовало бы, но выбор за тобой. Если ты ничего не исправишь с этим парнем, то всегда будешь об этом думать, и к тому времени, как ты решишься, он будет женат на какой-нибудь Салли Сью с пятью детьми, а ты всё ещё будешь трахать каждого новичка «Аргоса».

Закрыв глаза, я сосредоточился на движениях ручки по моей коже, но в моей голове продолжали появляться изображения Джексона, будто мне показывали карточки. Может,

Шоу был прав, будь он проклят. Моя упрямая часть не хотела ничего больше, чем погрузиться в тишину, но когда это к чему меня приводило?

— Я ненавижу тебя, — сказал я.

— Нет. Ты ненавидишь быть неправым.

— Это я тоже ненавижу.

— Мхмм. Где он ночует?

— В «Роузмонте», — сказал я, и губы Шоу дёрнулись.

— Оу, — когда я посмотрел на него с вопросом в глазах, он сказал: — Бар там приличный. И, ты знаешь, кровати тоже неплохи. Может стоить туда смотраться?

Я покачал головой, потому что, конечно, Шоу был знакомым, грязным ублюдком.

— Почему у меня складывается впечатление, что если я добровольно не поеду туда, ты сделаешь это за меня?

Улыбка, которой он меня одарил, напомнила о Чеширском коте.

— Теперь ты мыслишь умно, мой друг.

ПОШЛО ВСЁ К ЧЁРТУ, я сделаю это. Маленькая речь Шоу в стиле «иди за ним» заставила меня переехать через мост туда, где я был сейчас, на гостевой парковке «Роузмонта», где смотрел на возвышающийся отель Саванны. Может мне следовало сначала поискать Джексона у себя дома, но приближался полдень, и я был уверен, что он удрал оттуда в ту же секунду, как проснулся. Я рисковал, предполагая, что он будет здесь, а если не будет, я вернусь позже.

Как грёбаный стalker.

Поставив грузовик на сигнализацию, я направился к вращающимся дверям отеля. Я не особо продумал, как выследить Джексона, и совершенно не представлял, что вообще скажу, если увижу его.

Сожалею, что сделал тебе минет? Потому что я не жалел.

Надеюсь, ты не против, что я пришёл, потому что я не могу оставаться вдали от тебя. Потому что это было больше, чем я хотел признавать вслух.

Я был придураком, и мне жаль. Да, это подходило больше.

Мои ругательства эхом отражались от вращающейся двери, и когда она выкинула меня в вычурный холл, я огляделся вокруг, чтобы взять себя в руки. Сам отель был круговым, так что холл представлял собой гигантское открытое пространство с баром, рестораном и магазинами, огибающими стороны изогнутого силуэта.

Верно. Я просто спрошу на ресепшене, какой у него номер, и они скажут, достаточно легко. Только если будет так. Если не скажут, спасибо, блин, что холл видно из бара.

Чёрт возьми, у меня вспотели ладони, когда я подошёл к стойке, и я засунул руки в карманы, чтобы не показывать свои нервы на всеобщее обозрение.

Женщина за стойкой улыбнулась мне.

— Въезжаете, сэр?

— Эм, нет. Я пришёл увидеть своего друга, но не помню, какой он назвал номер, а на мобильный он не отвечает. Вы можете сказать, где я могу его найти?

Её улыбка скользнула.

— Мне жаль, сэр, я не могу давать информацию о гостях.

Ага. Так и думал.

— Я понимаю. Может, вы могли бы позвонить ему в номер и проверить, сможет ли он спуститься?

Она начала отвечать отрицательно, но я не мог сказать, что именно она ответила, потому что краем глаза увидел знакомый профиль именно того мужчины, которого искал. Через окна ресторана отеля я видел его, с тарелкой еды в одной руке, отодвигающего стул другой рукой.

— Забудьте. Спасибо за помощь, — сказал я, уже направляясь в сторону Джексона. Он переоделся в свежевыглаженный костюм, и в моей голове промелькнула мысль, что я

могу прервать деловую встречу. Но, казалось, он ел в одиночестве, а даже если бы и нет... слишком плохо. Я не планировал уходить, пока не сделаю то, для чего пришёл.

Я пересёк половину холла, когда Джексон поднял взгляд посреди еды, а затем посмотрел ещё раз. Он уронил вилку, даже не заметив, пока наблюдал, как я сокращаю расстояние между нами, и меня окатил нервный трепет энергии, крайне незнакомый.

Теперь пути назад не было.

Глава 16

Джексон

Когда я поднял взгляд и увидел Лукаса, который смотрел на меня через холл, я был так ошеломлён, что уронил свою вилку с курицей, заставляя её со звоном упасть на тарелку, из-за чего в мою сторону повернулись головы.

Что он здесь делал? Лукас шёл прямо ко мне, будто у него была цель. Я не ожидал увидеть его снова, но не мог отрицать облегчения, которое нахлынуло на меня, пока он заходил в ресторан. Он был одет в свободную льняную рубашку и шорты, его чёрные волосы были уложены вместо того, чтобы стоять торчком, как было каждый раз, когда я видел его, но он выглядел не совсем таким же угрожающим, как Лукас, который был в ночном клубе. Вместо этого он казался... нервничающим? Эта мысль была смешной. Лукас Салливан и нервозность были несовместимы в одном предложении. Никогда не были и никогда не будут. Но опасение на его лице было бесспорным, когда он подошёл к моему столику, всё его тело напряглось, как будто он храбрился.

Остановившись, Лукас прочистил горло и указал на свободное место напротив меня.

— Не против, если я к тебе присоединюсь?

Был ли я против? Это был тот самый парень, который бросил меня на произвол судьбы сегодня утром, а теперь он хотел позавтракать со мной?

Любопытство победило, и я медленно кивнул. Пока Лукас отодвигал стул и садился, я вытер рот салфеткой и наблюдал, как он пытается устроиться удобнее, сначала откинувшись назад, положив руки на колени, затем держась за подлокотники, а затем наконец поставив локти на стол и переплетя пальцы.

— Я немного придурок, — сказал он.

Мои брови взлетели вверх. *Не этого я от него ожидал.* Но он не ошибался, так что я кивнул.

— Да. Есть такое.

— Эгоистичный... высокомерный...

— Это тоже. Я не знаю, когда это изменилось, но понимаю.

Его глаза чуть-чуть сузились.

— Понимаешь?

— Самосохранение. Ты не раскрываешься, никогда не позволяешь кому-то подобраться слишком близко. В конце концов, тебе нужно поддерживать репутацию, верно?

Один уголок моего рта приподнялся вверх, когда я поднес к губам свою чашку с кофе.

— Похоже, ты меня раскусил.

— Нет. Просто ты позволяешь всем это увидеть. Лукас, которого я знал, где-то под всей этой бравадой.

— Лукас, которого ты знал, давно исчез. Боюсь, он исчез навсегда.

— Если бы это была правда, ты не забрал бы мои ключи.

Лукас фыркнул.

— Это был едва ли хороший поступок после...

Он остановился, закрывая рот, и я хохотнул.

— Что? Минет — это не хороший поступок? Как жаль.

Лукас дёрнул головой, чтобы посмотреть, кто меня услышал, и когда снова повернулся лицом ко мне, его голос выдал его удивление.

— Кто ты?

— Всё тот же приличный парень, которого ты знал; не переживай. Может, теперь немного потрёпанный по краям.

— Ты всегда выглядел хорошо, когда отпускал себя и плевал на всё, — сказал он, изогнув губы в улыбке.

— Полагаю, тогда я должен был поблагодарить за это тебя.

— Это я, да. Всегда оказываю плохое влияние.

— Не делай этого.

— Не делать чего?

— Не притворяйся, что ты не был единственным хорошим, что было тогда в моей жизни.

Казалось, это ошеломило Лукаса, потому что он отклонился назад и смотрел на меня, а я смотрел прямо в ответ. В эти моменты тишины говорились тысячи слов, и большинство из них начинались со слов «прости». Вся злость, боль и обида уплыли, пока мы сидели и исправляли свои ошибки, не говоря ни слова.

— Я знаю, — наконец сказал я. Лукасу в первую очередь было тяжело прийти сюда, и один этот поступок был больше, чем любое его «прости», и я знал, что он не хотел слышать извинения от меня. В конце концов, действия говорят громче, чем слова.

Лукас кивнул, а затем поймал внимание проходящего официанта, чтобы заказать воды. Когда её принесли через пару минут, он выпил больше половины стакана, прежде чем заговорил снова.

— Я могу спросить, что тебя сюда привело?

Прямо к делу.

— Мы хотим приобрести технологическую компанию, которая основана здесь.

— Мы, значит компания твоего отца, — сказал он. — Я полагаю, ты работаешь на него.

— Да.

— И как только ты приобретёшь этот бизнес... тогда ты уедешь обратно? — спросил он, и когда я нахмурился, Лукас покачал головой. — Не бери в голову. Не отвечай на это.

Он, как и я, хорошо знал, что мои дни в Южном Хэйвене ограничены, и говорить вслух, когда я только приехал сюда, почему-то казалось ударом ему по лицу. Желая сменить тему, я кивнул на фиолетовые линии, которые выглядывали из-под рукава его рубашки.

— Делал татуировку?

Лукас опустил взгляд и вытянул руку, и тогда я смог увидеть намёк на свеже нарисованный контур цветов и того, что напоминало художественное изображение его бабушки, чего не было прошлой ночью.

— Просто скоро будет небольшое дополнение.

— На вид, будет больно.

Он рассмеялся.

— Ты должен был сказать, что на вид горячо.

— Это тяжело сказать, когда всё так закрыто рукавом, но я уверен, что она будет выглядеть так же хорошо, как другие, что я помню.

Преувеличенно закатив глаза, Лукас вскинул руки в воздух.

— Господи, Джексон, если ты хотел снять с меня рубашку, нужно было просто вежливо попросить.

И вот так неловкое напряжение между нами исчезло, когда проявился намёк на мужчину, которого я когда-то знал. Того, кто был уверенным, не будучи высокомерным.

Добрый, когда не было стальных доспехов, через которые нужно пробиться. Мне нравился этот парень. Я даже скучал по нему.

— Может быть, позже. Если ты разденешься на публике, это может вызвать массовую истерию, и тогда я никогда не останусь с тобой наедине.

— А ты хотел бы... оставаться со мной *наедине*?

Медленная, пугающая улыбка приподняла его губы, когда он уловил мой намёк, и тот факт, что я первым признался в желании продолжать видеть Лукаса, заставил меня заёрзать на месте.

— Я хочу сказать, что хотел бы... ты знаешь... узнать тебя снова, — сказал я. — Наверстать упущенное. За то время, что у нас есть...

Пока я здесь, — было невысказанное окончание предложения, но он уже знал это.

— Хах, — Лукас постучал пальцем по своим губам, будто спорил сам с собой, стоит ли пытаться, и я обнаружил, что задержал дыхание, пока затянувшиеся секунды ждал его ответа. — Что ж, полагаю, было бы грубо не принять чужака, который проделал весь этот путь.

Я кивнул.

— Ужасно грубо.

— Мхмм, — он постучал пальцами по ручке своего стула. — Так что, ты сейчас занят?

Глава 17

Джексон

— Ты, должно быть, издеваешься надо мной, — сказал я, снимая солнечные очки, чтобы ясно увидеть, куда именно привёз меня Лукас.

Лукас заглушил двигатель грузовика и посмотрел на меня.

— Что?

— Из всех мест, куда мы могли поехать, и всего, чем мы могли заняться... — я покачал головой. — Я не думал, что мы проведём день здесь.

Лукас бросил взгляд на кирпичный фасад академии для мальчиков Южного Хэйвена и пожал плечами.

— Думал, тебе не помешает немного ностальгии.

— Мне это не нужно, спасибо. Может, мы могли бы вместо этого поехать на пляж?

— Конечно. Позже.

Лукас вышел из грузовика и хлопнул за собой дверью, а я простонал. Я не ступал на старое пристанище с тех пор, как уехал оттуда перед выпускным, и этого не было в списке моих приоритетов. Не потому, что у меня там были плохие воспоминания, но кто вообще хочет возвращаться в старшую школу?

Лукас закрывал лицо от солнца, глядя на меня и кивая в сторону здания, явно давая понять, что мне нужно вытащить свой зад из грузовика.

Да, да, я иду. Хоть это не вошло бы в двадцатку моего выбора дел, я не жалел, что приехал, даже если было задето моё любопытство. Стало ещё интереснее, когда Лукас прошёл мимо главных дверей и по идеально подстриженному газону в сторону задней части школы. Всё было в таком идеальном состоянии, что даже невозможно было сказать, что прошёл шторм.

Вот, что покупают тебе деньги. Совершенную иллюзию.

— Сюда, — сказал Лукас, и я огляделся вокруг, чтобы посмотреть, заметил ли кто-то, как здесь кто-то крадётся, но в кампусе было тихо.

— Что мы здесь делаем? Взламываем двери и входим? — спросил я, следом за Лукасом обходя главное здание и направляясь к задней двери. У него зазвенели ключи,

когда он вытянул брелок из ассортимента на кольце, а затем приложил его к панели на двери. Послышался громкий щелчок, загорелся зелёный свет, и Лукас подмигнул мне.

— Не нужно ничего взламывать, — сказал он, открывая дверь шире, чтобы я прошёл первым. Нас поприветствовал поток холодного воздуха, и когда мои глаза привыкли, я увидел, что мы в физкультурном коридоре, где я тратил время на ораторское искусство и предпринимательскую деятельность, пока мои друзья занимались искусством и играли на инструментах.

— Аа, значит, просто крадём. Чей это был ключ?

— Мой.

Я фыркнул.

— Ага, а я приехал в Южный Хэйвен ради вида на горы.

— Не веришь мне? — он приподнял бровь. — Ты должен знать, что директор Стюарт дал мне его лично.

— Он в это время был обкуренным?

— Возможно.

Лукас повёл нас по пустому коридору к первой двери справа, а затем достал ещё один ключ и открыл дверь.

— Значит... в свободное время ты учитель?

— Боже, нет, — он включил свет внутри, и сразу же стало ясно, что он говорил правду о том, что ключи его. В кабинете стоял тот же самый запах палёного металла, как в его магазине, и вдоль стола у одной из длинных стен были выстроены минимум двадцать законченных скульптур. — Меня попросили провести семинар о металлических скульптурах для урока труда. Наверное, директор Стюарт подумал, что приглашение выпускника может вдохновить учеников... и выманить несколько долларов у некоторых родителей, — Лукас схватил блокнот и ручку со стола перед доской и пошёл к скульптурам. — Уроки как раз закончились, так что я должен оценить это и выбрать победителя.

Уверенными руками, он поднял на стол первый предмет, маленькую копию осьминога, восхищаясь длинными ногами, которые поднимали его на добрые шесть дюймов или около того (*прим. ок. 15 см*).

— Что он выиграет? — спросил я.

— Меня.

— Что?

Лукас хохотнул и осторожно поставил осьминога.

— Летнюю стажировку со мной.

— Оу. Верно, — выброси из головы пошлости, Джексон. — Это большой шаг с твоей стороны — уделить время, чтобы кому-то помочь. Поделившись полученным опытом.

Он продолжал идти дальше по ряду, изучая каждую скульптуру заинтересованным взглядом.

— Нет, это полностью эгоистично. В последнее время я не могу творить так быстро, как требуется, так что я пытался найти кого-то с толикой таланта к этому, чтобы присоединиться к моему бизнесу. Кто может быть лучше впечатлительных старшеклассников?

— Ты прав, это эгоистично.

Лукас усмехнулся.

— К сожалению, как в большинстве случаев, тот, кого я хочу больше всего... недоступен. Вот этот, — сказал он, поднимая 3D-профиль мужского лица, созданного из полосок нержавеющей стали, который бесспорно выделялся, как самый уникальный и технически трудный предмет. — Парень, который это сделал? Талантливый сукин сын. И он совершенно вне рассмотрения.

Я подошёл к нему, чтобы восхититься скульптурой.

— Почему? Плохое поведение?

— Футбольная стипендия. Он из тех парней, ты знаешь. Чисто американский квотербэк с очаровательной улыбкой и... О, подожди. Он — мини ты.

— Очень смешно.

— Нет, он немного грубее, чем был ты, но у вас у обоих, похоже... проблемы с родителями, — он поставил скульптуру и перешёл к следующей. — Кстати говоря, кто тот бедный ублудок, который теряет свою компанию, ради которой ты сюда приехал?

— Ну, сделка ещё не закончена, так что я не должен говорить.

— Не должен? Или не станешь?

— И то, и другое?

— А. Ну, это ты сказал, что хочешь *сблизиться*, так что...

Он был прав. Наше приобретение всё равно недолго будет секретом, и я не хотел больше ничего скрывать от Лукаса, не тогда, когда хотел, чтобы он тоже открылся мне. Так что я сказал.

— Я оценил бы конфиденциальность, пока всё не закончится, но я приехал за «АнаВог».

Лукас поднял голову, и солнечный свет озарил его лицо.

— Значит, ты слышал о ней.

— А, да, — сказал он, потирая челюсть. — В смысле... кто здесь не слышал, верно? Я не знал, что она продаётся.

— Не продаётся. Во всяком случае, не официально, но я планирую сделать заманчивое предложение, от которого они не смогут отказаться.

Линия между бровей Лукаса стала глубже.

— Потому что ты делаешь именно так, верно? Используешь эту очаровательную улыбку и привлекательность, чтобы *заманить* других, чтобы они не могли тебе отказать. И я полагаю, у тебя довольно большой рейтинг успеха, — когда я ничего не ответил, он цыкнул. — Это не кажется справедливым.

— Это бизнес.

— К счастью, я не коллективист, но приезжать сюда, чтобы заставить кого-то продать тебе бизнес, когда у них во дворе не стоит табличка «Продаётся», кажется немного лажовым.

— Ты вдруг кажешься злым...

— Что, если бы я попросил тебя оставить их в покое? «АнаВог». Ты бы сделал это?

Я изучал его взгляд, пытаясь понять, почему он попросил меня сделать это и почему его вообще это волновало.

— Нет, ты знаешь, что я не могу этого сделать. И не захочу.

Выражение лица Лукаса ожесточилось.

— Не можешь и не сделаешь, потому что ты просто *посредник*. Тот, кто делает грязную работу за кого-то другого, — когда я моргнул, озадаченный язвительностью в его словах, он ушипнул себя за переносицу и выдохнул. — Прости. Извини меня. Это не моё дело.

— Ты прав. Не твоё.

Лукас закусил губу и кивнул, как раз когда из динамиков над головой раздался звонок, означающий смену урока.

Шум громких шагов и голосов в коридоре перебил напряжение, которое снова прокралось между нами, и я был практически благодарен, когда дверь распахнулась, и в кабинет влетели два ученика.

— Йоу, мистер Салливан, — сказал блондин, хорошенько разглядывая повседневный вид Лукаса. — Уже собрались на пляж без нас? Костёр только вечером.

— Костёр? — произнёс я. — Вы, ребята, всё ещё устраиваете такое?

Как только слова слетели с моего языка, я вспомнил, что случилось в ночь нашего выпускного костра, и мои щёки запылали. Мы не совсем добрались туда...

Блондин посмотрел на меня странным взглядом.

— Это традиция. А ты что за чёрт?

— Росс, я уверен, родители учили тебя уважать старших, особенно это касается выпускника, который помогает мне судить ваши финальные проекты, — Лукас кивнул в мою сторону. — Поздоровайтесь с Джексоном Дэвенпортом.

— Джексон Дэвенпорт? — спросил Росс, глядя на меня с прищуром. — Чувак, ты один из парней «Дэвенпорт Уорлдвайд», да?

Я кивнул. Если что и оставалось правдой, так это то, что все богатые детки знали происхождение и историю всех своих богатых сверстников, и прошлых, и настоящих. Этот парень был не исключением.

— Чёрт, это круто. Мой папа говорит, что вы беспощадные, но все крупнейшие компании такие, — Росс перевёл взгляд обратно на Лукаса. — Вы выбрали мою работу, да? Ну давайте, пожалуйста. Я ещё не готов возвращаться в Миннесоту.

— Ты интересно поработал с женской формой, но будет ли этого достаточно?

Лукас притворился, что закрыл рот на замок и выбросил ключ.

— Оу, боже, — сказал Росс. — Джастин не может побеждать везде. Он даже не сможет стажироваться, так что вы должны выбрать кого-нибудь другого. Кого-то, кто будет весь день травить шутки и составит крутую компанию.

Он толкнул локтем своего друга, и они рассмеялись, когда между ними повис невысказанный секрет.

— Если найдёшь такого человека, дай мне знать, чтобы я мог перестать тратить своё время с этим, — Лукас взял искажённый кусок металла и перевернулся, — плавленым пузирём, да? — друг Росса перестал смеяться, и Лукас улыбнулся ему. — Мне кажется, слова «хорошая попытка» будут небольшим преувеличением в данном случае, мистер Клэпер.

От этого Росс засмеялся только сильнее, звук эхом расходился по большому кабинету, в то время как лицо его друга стало пунцовыми. Звук был достаточно громким, чтобы привлечь внимание его сверстников, потому что некоторые просунули головы внутрь, и когда увидели Лукаса, на их лицах появились усмешки, и они вошли, приветствуя его с неприкрытым энтузиазмом. Было очевидно, что подросткам он нравится, и сарказм Лукаса, казалось, идеально подходил этим умникам.

Я стоял поодаль, когда они окружили Лукаса, показывая на свои работы, задавая ему вопросы и шутя. Было странно думать, что всего несколько лет назад это были мы, а теперь всё оказалось вот так. Для кого-то, вокруг кого было так много стен, Лукас определённо не испытывал трудностей, опуская эти стены при своих учениках, и это только вызывало у меня большую решимость найти эту его сторону, когда мы наедине. Перед тем, как нас прервали, напряжение в воздухе можно было резать ножом, а я не хотел провести то малое количество времени, что у нас было, за руганью.

Лукасу не нравился мой род деятельности — ладно. Ему не должно это нравиться. То ли его неприязнь росла из-за моего отца, который в данный момент и у меня не находился в хорошем списке, то ли это было потому, что Лукас не одобрял наши методы, я не был уверен, и это не особо имело значение. Чёрт, я даже не был уверен, что мне нравится эта работа, раз уж на то пошло, но это было единственное, что я знал, и я был чертовски хорош в этом. Как только я вернусь домой и, возможно, спрошу отца насчёт его роли в том, что испортилась моя жизнь, ну, тогда мне придётся действовать оттуда. Но пока, до четверга, моя карьера была последней в списке моих мыслей.

Раздался ещё один звонок, на этот раз предупреждающий, что осталось две минуты, чтобы занять свои места, и мальчики быстро помахали Лукасу, прежде чем умчаться обратно в коридор.

— Ты хорошо с ними ладишь, — сказал я, опираясь на тумбочку, когда Лукас вернулся к оцениванию скульптур.

— Эх, они занозы в моей заднице, — ответил он, но улыбался, когда говорил это.

— Не отличается от кое-кого, кого я знаю.

— Ты имеешь в виду, кого ты знал. Если только ты не намекаешь, что я для тебя всё ещё заноза в заднице.

О, сколько последствий у этого предложения. И зная, что это вызовет реакцию, я усмехнулся и сказал:

— Зависит от того, хотел ли ты ею быть?

Как я и думал, Лукас возился со скульптурой в своих руках, выругавшись, когда поставил её, а затем пронзил меня напряжённым взглядом.

— Это звучит ужасно похоже на приглашение.

Пожав плечами, я перевёл внимание обратно к проектам.

— Похоже, тебе предстоит тяжёлое решение. Кого выберешь?

— А-а. Ты не сменишь тему, — Лукас подошёл ко мне, и моё тело пронзил знакомый трепет предвкушения, такой, какой был всегда, когда он рядом. Его твёрдая грудь коснулась моей руки, бросая мне вызов отодвинуться, но я не поддавался, даже когда его дыхание защекотало мне шею. — Ты чего-то хочешь, Джексон?

В эту игру могли играть двое. Я уже видел, какой эффект оказываю на Лукаса, так что если он хотел сбить моё равновесие, я мог попробовать сделать то же самое. Повернув к нему голову, я увидел, как он близко стоит, и поджал губы.

— На самом деле... есть кое-что, чего я хочу. Очень сильно.

Голова Лукаса подвинулась чуть ближе к моей.

— О, да? Скажи мне. Или покажи, если предпочитаешь. Я сторонник равноправия.

— Ммм. Я хочу... — я прильнул ближе, будто приближаясь к его губам, а затем, в последнюю секунду, коснулся его щеки, — ...намокнуть, — я услышал тихий вдох Лукаса и позволил этой маленькой фразе на секунду зависнуть, прежде чем добавить. — На пляже.

Лукас простонал и оттолкнул меня, когда я рассмеялся.

— Только и умеешь дразнить, — пробормотал он.

— О чём ты?

Он натянул на лицо фальшивую улыбку.

— Я спросил, тебе нравится что-нибудь из этого?

— Аа, — я просмотрел длинный ряд работ и когда поймал взглядом вздымающееся пламя, созданное из закрученного металла, указал на него. — Вот это.

— Хмм. Неплохо для второго места, — Лукас сделал пометку в блокноте, захлопнул его, а затем повернулся лицом ко мне, скрестив руки на груди. — Итак.

Я повторил его позу.

— Итак.

— Раз уж тебе нравится пламя, хочешь сегодня вечером сходить на костёр? Если я правильно помню — а это так — мы были немного слишком... заняты и пропустили свой.

В глазах Лукаса зажегся дьявольский блеск. Тогда была ночь, когда я решил отдаваться мужчине, который смотрел на меня сейчас, и это был первый и последний раз.

Господи, это было последнее, о чём мне нужно было думать прямо сейчас. Особенно, будучи так близко к Лукасу и наедине с ним, не говоря уж о том, что до его прежней комнаты в общежитии было всего несколько шагов. Так что, да, может быть, костёр в окружении других людей был умной идеей.

— Конечно, — сказал я, но мой голос был слишком хриплым, и мне пришлось прочистить горло. — Думаю, костёр звучит отлично.

На его лице медленно расползается улыбка.

— Хорошо. Может, на этот раз мы действительно туда дойдём и увидим всё, что пропустили.

Глава 18

Лукас

— О, бросьте, мистер Салливан. Всего одна игра.

Я покопался в одном из холодильников рядом с костром и достал пару банок содовой, стряхнув с них лёд, прежде чем протянуть одну Джексону.

— Нет.

Нейтан скрестил руки на груди и усмехнулся своим одноклассникам, прежде чем снова повернуться ко мне.

— Вы ведь не сломаете бедро или ещё что. Или вы такой старый?

Я сузил глаза, глядя на маленького засранца, который пытался заманить нас с Джексоном поиграть в пляжный футбол.

— Ты *ещё* не выпустился, Нейтан. Лучше оставь свои остроумные комментарии при себе, пока я не почувствовал необходимость использовать некоторые связи. Тебе ведь нравится «Бургер Барн», да?

Среди его друзей раздались охи и смех, и я должен признать, что изображение Нейтана, переворачивающего бургеры, заставило мои губы приподняться. Этот парень нуждался в том, чтобы кто-нибудь сбил его с чёртового высокого седла.

— Вот, что я вам скажу, — сказал Нейтан. — Мы даже разрешим использовать прикосновения для окончания игры.

Мой взгляд метнулся к Джексону, который сдерживал ухмылку. Да, готов поспорить, эти маленькие гадёныши хотели использовать прикосновения.

— Или толкаться разрешим тоже, если вы не переживаете, что обожжётесь песком или сломаете кости, — продолжил он.

Я забрал у Джексона содовую, прежде чем он успел открыть её, и бросил банки обратно в холодильник.

— Мы начинаем, и я выберу себе команду.

— Обычно мы бросаем монетку для... — Нейтан остановился, когда я скрестил руки.

— Да, ладно, хорошо.

— Хорошо, — он бросил мне мяч, и я протянул его Джексону. — Будешь моим квотербэком (*прим. позиция игрока команды нападения в американском и канадском футболе*)?

Глаза Джексона расширились от тона моего предложения, и спустя мгновение он кивнул.

— С удовольствием.

Я выбрал парней, которых хотел себе в команду, выбирая с умом, чтобы мне мало что осталось делать. Не то, чтобы я не умел играть, но я не был особо спортивным парнем, когда рос. Однако у меня было секретное оружие — Джексон. Он в одиночку вытрут пляж их задницами, так что я чувствовал себя довольно уверенно, даже если прошло несколько лет с тех пор, как он был на поле.

Из-за отсутствия формы одна из команд должна была снять свои майки, и это пришлось сделать второй команде, потому что я ни за что не смог бы сосредоточиться, если бы Джексон снял свою. И хоть я был довольно уверен, что большинство играющих парней были не в моей команде, я не хотел, чтобы они тоже глазели в его сторону. Это могло натолкнуть на некоторые мысли, а мне не хотелось бы давать кому-то по морде.

Один из противников пнул мяч, отправляя его высоким полётом в нашу сторону. Джексон с лёгкостью поймал его, а затем, с взрывным потоком мощи и силы, метнул его прямо в команду противников, и я остановился, чтобы посмотреть. Чёрт, то, как он уворачивался от каждой пары вытянутых рук, было впечатляющее, его длинные ноги вязли в песке, и прежде чем я понял, он пересёк линию, нарисованную на песке в качестве края зоны.

— Тачдаун (*прим. один из способов набора очков в американском и канадском футболе. Чтобы заработать тачдаун, игрок атакующей команды должен доставить мяч в зачётную зону команды-соперника*), — крикнул наш официальный судья, парень, которого я не узнал, с гипсом на правой руке.

— Чёрт побери, это разве справедливо? — выкрикнул Нейтан, его лицо идеально отображало шок, который заставил меня засмеяться.

— Ты хотел, чтобы мы сыграли, — сказал я.

— Сыграли, а не уничтожили нас.

— Полагаю, тогда тебе лучше вступить в игру. Если, конечно, ты не передумал и не хочешь сдаться?

Нейтан посмотрел на меня тяжёлым упрямым взглядом, а затем проворчал:

— Мы будем играть.

— Ты злой, ты это знаешь, да? — произнёс позади меня Джексон, его рука легла на моё плечо, когда другая команда собралась в кучку, чтобы придумать план игры.

— Знаю. Только теперь я жалею, что мы не сделали ставки.

— Хмм. Мы всё ещё можем...

— Эй, гений, мы в одной команде.

Джексон подбросил мяч высоко в воздух и поймал его одной рукой.

— Может, тогда просто небольшой спор между нами.

Это привлекло моё внимание.

— Расскажи, что ты задумал.

— Мы можем поспорить на количество тачдаунов. Чью число окажется ближе, тот выигрывает. А что именно выигрывает, это может выбрать победитель.

А вот это звучало опасно, что также означало, что мне нужно было выиграть.

— Что угодно, что захочет победитель?

Джексон уверенно поднял подбородок выше, что сказали мне, что он не планировал проигрывать.

— Что угодно.

Низкий смешок, сорвавшийся с моих губ, прозвучал практически злобно даже для моих ушей, и я протянул руку.

— Идёт. Пять-ноль, в нашу пользу.

— Ты не очень хорошего обо мне мнения, да? — поддразнил Джексон. — Я скажу десять-ноль, в нашу пользу. Идёт.

Его рукопожатие было крепким, и как раз, перед тем как отпустить, он сжал мои пальцы, и это маленькое движение я не упустил. Затем Джексон подмигнул и пошёл занять своё место в защите, чтобы другая команда могла попытаться пройти мимо нас.

Удачи, мальчики, — подумал я, когда стартанул один из наших парней. Нейтан поймал мяч и побежал в нашу сторону, но Джексон держал его в поле зрения. Нейтан дёрнулся вправо, затем влево, пытаясь обмануть его, но Джексон не клюнул. Его руки вытянулись, чтобы ударить Нейтана по руке, быстрым движением змеи, и плечи Нейтана опустились в поражении, когда он остановился. Это продолжалось и продолжалось, Джексон был командой из одного человека, а остальные из нас выступали фоном, пока он обрывал каждую попытку противников заработать очко.

— Тачдаун! Пять очков в пользу маек, меньше ноля на счету голых, — сказал судья, когда Джексон снова заработал очко.

— Чувак, я готов выпить, — пробормотал один из голых, вытирая пот со лба. Нейтан посмотрел на остальных членов своей команды, выдохшихся и крайне побеждённых, а затем бросил мяч в меня.

— Хорошо, мы сдаёмся.

— Сдаёшься? — повторил я. — Уже?

— Да, да, — Нейтан закатил глаза, и когда они надели свои майки обратно, он и его проигравшая команда ушли туда, где остальные их одноклассники тусовались вокруг костра.

— Хорошо сыграли, — крикнул им вслед Джексон, что они встретили ворчанием «кто позвал этого парня» и «чёртов показушник». Джексон повернулся ко мне с огромной ухмылкой на лице, и я рассмеялся.

— Ты ужасно гордишься собой за то, что победил нескольких мелких старшеклассников, — сказал я.

— Прошли годы с тех пор, как я это делал, — он открыл банку содовой, которую я протянул ему, и выпил половину за раз, прежде чем добавить: — И *пожалуйста*.

— Я бы лучше поблагодарил тебя за горячее шоу, которое ты устроил. Думаю, такая хорошая игра с мячом могла перевербовать нескольких из тех парней.

— Я действительно только что услышал от тебя комплимент за игру с мячом? Чёрт, — произнёс он и сделал ещё один глоток, явно развеселённый моим подбором слов.

Господи, теперь я мог думать только о том, как эти его большие руки играют со мной, включая эрекцию, которая угрожала натянуть мои шорты. Стояк был последним, в чём я нуждался здесь, в компании кучки старшеклассников и работников, так что я быстро развернулся и пошёл к одной из песчаных дюн, чтобы обеспечить нам немного уединения — и чтобы дать моему члену шанс *остыть*.

Когда я скинул свои туфли, Джексон сделал то же самое, а затем сел рядом со мной и зарылся ногами глубоко в мягкий белый песок. Я использовал шанс посмотреть на него, и мой член дёрнулся от капли пота, которая стекала по его челюсти. Мгновение она задержалась там, на краю, а затем начала медленно скользить по его шее. Я облизнул нижнюю губу, желая наклониться и слизать эту каплю. Он был бы солёным на моём языке, и это только зажгло бы голод, зарождавшийся внизу моего живота.

Отведя взгляд, я сделал глубокий вдох и сосредоточился на маленьких волнах, доплывающих до берега. Когда Джексон был так близко, мне было тяжело взять своё тело под контроль. Мне нужно было напомнить себе, что он не какой-то безымянный парень, которого я завтра не вспомню. Он не был интрижкой. Он был гибелю. Ущерб, который он причинит мне, если я позволю, будет непоправимым, так что мне не нужно было думать о том, как он смотрел на меня, с неким бессмыслицей ощущением надежды, и чертовски точно не нужно было думать о мускулистых бёдрах, которые он сейчас растягивал рядом со мной.

Чёрт побери, его тело было произведением искусства, и я точно знал, что сделал бы с ним, если бы он разрешил. Поправка — если бы я себе разрешил. *Чего не будет*, — подумал я, когда мой взгляд упал на заметную выпуклость под его джинсами. — *Серьёзно*.

— Ты когда-нибудь думал уехать? — вдруг спросил Джексон.

— Уехать... в смысле из Южного Хэйвена? Нет.

— Правда? Даже когда...

— Бабушка умерла? — договорил я. — Можно так подумать. Я путешествовал, но нигде не чувствовал себя как дома. Ну, полагаю, в Вашингтоне было неплохо, но там у меня нет воспоминаний, которые есть здесь. И мы продали дом моих родителей, так что... мне некуда пойти.

Джексон кивнул.

— Мне всегда здесь нравилось. Пляж рядом, ощущение маленького городка. Я могу понять, почему ты остаёшься.

Почему не остался ты? — хотелось мне спросить, но ответ на это был излишним.

Джексон тоже знал это, потому что прочистил горло.

— В Коннектикуте зимы жестокие. В прошлом году выпало шестнадцать дюймов за сутки (*прим. ок. 40 см*). Тогда я молился ради дня на пляже.

— Чёрт. Обычно я не жалуюсь на дюймы, но...

Джексон толкнул меня, прежде чем я смог закончить, и я громко захахотал.

— Ты будешь жаловаться, когда твои яйца скожутся и отвалятся из-за чёртового переохлаждения.

— Нет, я просто найду горячее тело, чтобы убедиться, что этого не произойдёт, — сказал я, прежде чем смог остановить эти слова, а затем мне захотелось самому себя пнуть. *Ради бога, Салливан, заткнись к чёртовой матери и не говори обо всех парнях, которых трахал — включая того, которого трахнуть не можешь.* — Я никогда, эм, не видел так много снега.

— Тебе придётся приехать в гости. Я свожу тебя покататься на тюбинге в Паудер Ридж (*прим. горнолыжный курорт*).

Он поддерживал лёгкий разговор, не осознавая мою неспособность говорить и не копаясь в том, что не понравилось бы никому из нас. Этого было достаточно, чтобы отвлечь моё тело от него... на мгновение.

Я повторил его позу и вытянул ноги, скрещивая их в лодыжках. На мне были шорты, и больше чем наполовину мои ноги были спрятаны в песке.

— Тебе просто хотелось бы надрать мне задницу в битве снежками.

— Чертовски верно, хотелось бы. И ты заслужил бы это.

— Никто не скажет обратного, — раздался рёв смеха от костра, и я посмотрел туда, чтобы увидеть новое дополнение к толпе. — Видишь вон того пацана? — я указал на высокую, темнокожую гору мышц, которая смеялась с парой парней, пока они стояли перед костром и жарили зефир.

— Пацана? — Джексон покачал головой. — Я не вижу пацана — я вижу бегемота.

Я хохотнул.

— Теперь ты знаешь, почему я назвал его мини-тобой. Чёртовы руки, большие как у Халка.

— А. Так это он звезда футбола — слэш — тайный художник.

— Это он. Джастин. Его отец играл за «Фалконс», так что этот малый рвётся в НФЛ.

— А это будет плохо?

— Когда хорошая задница в обтягивающих штанах, это никогда не плохо.

— Ну конечно, — сказал Джексон, его губы приподнялись с одной стороны. — Где он был раньше, когда в нём нуждалась другая команда?

— Говорил же тебе. Проблемы с родителями.

— Хах, — Джексон замолчал, пока мы наблюдали, как они кладут свой зефир между шоколадом и крекерами. — Он когда-нибудь говорил с тобой об этом? О необходимости выбирать между спортом и искусством?

— Как будто это имеет значение у вас, богачей. У тебя нет выбора, помнишь?

— У *нас*, богачей? — произнёс Джексон, приподняв бровь. — Себя не включаешь в это заявление, хоть твоя бабушка владела одним из самых больших домов на острове, который теперь твой... — он сделал глоток своего напитка. — Ха. В этом есть смысл.

— Мои родители не были богатыми. Отец уехал из Южного Хэйвена, чтобы жить по-своему, и это только потому, что бабушка не пыталась контролировать его жизнь. *В отличие от вас*, богатеев.

— Пытаясь меня оскорбить?

— Это констатация факта. Моё личное наблюдение. Если ты обижашься, это значит, что у тебя с этим свои проблемы.

Джейсон поставил свою содовую и повернулся лицом ко мне.

— Мы можем не говорить о хрени, которая нас злит?

— Потому что в этом многовато реализма для тебя, а, Джекс?

Он напрягся.

— Не называй меня так.

— Почему нет? Все остальные называли.

— Мне это не нравится.

— Но...

— Не. Ты, — он практически прорычал эти два слова, и мне пришлось признать, его серьёзный тон заставил мой член снова обратить на себя внимание. *Просто идеально.*

— Ладно. Джексон, — сказал я, пытаясь не замечать, как от этого его плечи немного расслабились.

— Лукас... — он посмотрел на океан. — Я не хочу с тобой бороться.

— Да уж.

Я тоже не хочу с тобой бороться. Только если это не в постели. А, чёрт, Салливан, брось.

— Что ты сказал? — спросил он.

— Э... — наверняка моя функция в-рот-мне-ногу сейчас не замкнулась. — Бл*дь. Я сказал это вслух, да?

Джексон удивлённо рассмеялся и кивнул.

— Не то чтобы мне не намекал твой стояк, который я замечал с тех пор, как ты приехал.

— Не стесняйся делать это чаще, — сказал Джексон, и мои глаза расширились. — Я имею в виду, говорить то, что у тебя на уме, — рассмеялся он. — Было бы приятно знать, что ты думаешь.

— Я тебе говорю.

— Цензурную версию. Раньше ты говорил мне всё. Даже *постельные мысли*.

Он шутливо толкнул меня.

— Это не пойдём на пользу ни одному из нас. Поверь мне.

— Я тебе верю.

Три простых слова, сказанные с полной и крайней искренностью, и ни одна часть меня не сомневалась, что это правда. Это заставило меня задуматься... *почему я?* Этот красивый, высокоморальный парень мог бы заполучить кого угодно, и всё же его притянуло к одиночке, новичку, который только что потерял свою семью. Он подружился со мной, не задавал вопросов, а затем заставил меня влюбиться в него.

Даже сидя сейчас здесь, казалось, что не прошло никакого времени, будто мы просто выбрались из академии, чтобы выпить пива на пляже. Тогда Джексон даже не предвидел этого. Он думал, что я просто его лучший друг, и на некоторое время я позволил ему верить в это. Что касается меня, с первой секунды, как увидел его, я знал, что никогда не смогу просто дружить с Джексоном Дэвенпортом. Это знание было тяжёлым, пока однажды я больше не смог этого выносить. Это был бабушкин день рождения, и я был намерен прийти с подарком, который сделал сам. Не сумев остановить меня от побега, Джексон пошёл за мной в лес, который разделял бабушкин дом и академию, и именно его постоянное беспокойство из-за того, что нас поймают, щёлкнуло переключатель. Тогда мне надоело сдерживаться с ним.

Без предупреждения, я толкнул Джексона к дереву и накрыл его губы своими раньше, чем он смог возразить. А затем я испытал шок всей своей жизни, когда он поцеловал меня в ответ. Я думал, что он оттолкнёт меня, ударит, скажет мне, что мы больше не сможем быть друзьями. Вместо этого, следующей ночью он поцеловал меня снова, на пляже неподалёку от того места, где мы сидели сейчас. Скрытый одной из песчаных дюн, Джексон был тем, кто инициировал действия той ночью, и мы зашли намного дальше простых поцелуев.

Мой член набух, когда я вспомнил первый раз, когда он коснулся меня, как дрожали его руки, когда он расстегнул мои штаны, но его взгляд оставался ровным и уверенным, не отрываясь от моего. *Боже, успокойся к чёртовой матери.*

— Ты помнишь? — тихо произнёс Джексон, его взгляд сосредоточился на том же месте, что и мой, будто он тоже переживал воспоминание.

— Да.

— Это... была хорошая ночь.

Каждая ночь с тобой была хорошей ночью. И каждый чёртов день.

— Это точно. Лукас... я...

Внезапно в небе над головой раздался взрыв света, ошеломляя нас до чётиков, и, подняв взгляд, мы увидели фейерверки, которые запускали со стороны кампуса, отмечая окончание семестра. От костра доносились неистовый смех и голоса, пока ночь зажигалась потоками разных цветов.

Джексон слегка улыбнулся мне, ложась на спину на песок, чтобы посмотреть салют, и я сделал то же самое, будучи одновременно благодарным и раздражённым из-за того, что наш разговор прервали. *Что он собирался сказать?*

Я наполовину наблюдал за пиротехникой над нашими головами, наполовину наблюдал за Джексоном, думая, как за пару часов он смог снова сделать меня Лукасом, чья жизнь крутилась вокруг него. Если бы не вмешался его отец, я по-прежнему был бы тем же? Я по-прежнему был бы счастливым влюблённым дураком, или один из нас устал бы от другого и захотел бы почувствовать свободу? Может, хорошо, что он ушёл, когда ушёл, если бы в любом случае моё сердце осталось бы разбитым. Или, может быть, я просто стал циничным и пресыщенным за то время, пока мы были вдали друг от друга.

Боже, было так много парней. Больше, чем я мог сосчитать, и прямо сейчас я не мог вспомнить из них ни одного хорошего, чёрт возьми. Но я помнил точные звуки, которые издавал Джексон, когда я целовал его в лесу, и я по-прежнему видел его растрёпанные после секса волосы, с какими он уходил из моего общежития, когда я видел его в последний раз. Это воспоминание всплывало в моей голове каждую ночь, когда я засыпал... пока он не появился в «Аргосе».

Раздавались громкие возгласы и хлопки, когда салют закончился ошеломляющими цветами, снова захватывая моё внимание, и когда всё закончилось, Джексон выпалил:

— Я скучаю по тебе, — повернув голову в его сторону, я увидел, как он сглотнул, его взгляд по-прежнему не отрывался от исчезающего дыма над головой. — Я скучаю по своему лучшему другу.

И вот так я всё понял. Раньше ради этого мужчины я пошёл бы на край земли, и самым страшным в этом осознании был страх, что я всё ещё сделал бы это.

— Я всегда чувствовал себя таким чертовски одиноким, а затем встретил тебя, и это чувство исчезло. Ты будто всегда должен был быть рядом. Будто я всегда знал тебя. И когда у меня забрали это... — Джексон тяжело выдохнул. — У меня никого нет. Не с кем поговорить, не с кем поиграть в футбол на пляже. Я работаю. И у меня есть предполагаемые друзья, люди, которых я вижу на работе, но они не знают ничего обо мне, не совсем. Будто... Боже, будто мне не по себе в своей шкуре. Ты понимаешь? Я не чувствую себя собой. В этом вообще есть смысл? — он снова вздохнул, и его рука поднялась к его закрытым глазам. — В этом нет смысла. И я не знаю, почему говорю всё это, и тебе, наверное, плевать, но я просто... Для меня это что-то значило. Наша дружба. Ты в моей жизни. Это значило всё. И я скучаю по тебе каждый чёртов день, Лукас.

Я не мог дышать, когда в моих глазах зашипали горячие слёзы, а в груди стало тесно. Без слов, я потянулся за его рукой, нуждаясь в том, чтобы заверить его, что я чувствовал то же самое, но не в силах найти никаких слов — чёртова редкость, если было хоть одно. Я переплёр наши пальцы и на мгновение подумал, что мои грубее и мозолистее, но если это его и беспокоило, он не показывал этого. Его сильная рука сжала мою, отвечая на то, что я не мог сказать.

Мы лежали в уютной тишине, по-прежнему соединённые, пока плыли облака, и на небе появлялись звёзды. В конце концов, я разрушил лёд, указывая на своё любимое созвездие, Большую медведицу, а затем рассказал истории о некоторых других, когда Джексон признался, что не знает их. Он спросил о моих скульптурах, как я строил свой бизнес по обработке металла, и за его вопросами таился искренний интерес. Казалось, у него развилась любовь к искусству, о чём я мог догадаться по скульптуре, которая всё ещё

стояла у меня в магазине. Затем я рассказал ему, как нашёл его адрес — украв журнал нашего учителя — и это вызвало у него смех.

Мы делились историями о том, что делали в некоторые отрывки нашей раздельной жизни — за минусом очевидных похождений с моей стороны — и так как разговоры о его работе или семейной жизни были камнями преткновения, а поэтому под запретом, вместо этого Джексон болтал о местах, в которых побывал. Он ездил по всей Северной Америке, объездил Европу и Азию, казалось, в одиночестве. Он рассказал мне, как ходил в Лувр в Париже, ел суши в Японии, ходил по Китайской стене, и я почувствовал укол ревности от того, что не испытал эти первые разы с ним.

И хоть эти рассказы о путешествиях звучали потрясающе, у меня сложилось впечатление, что есть что-то ещё, что Джексон мне не рассказывает. Я чувствовал груз на его плечах, и в чём бы ни была причина этого, он не говорил. Я не хотел толкать его делиться этой информацией, не сейчас, и особенно не тогда, когда это могло быть что-то, чего я мог не хотеть слышать. Впервые за долгое время мне было уютно просто находиться здесь, лежать с ним под одним небом, пока дул летний бриз и плескали волны — даже если эта мирная интерлюдия была кратковременной иллюзией. Не смотря на то, какие чувства он пробуждал, и на тот факт, что Джексон скоро снова уедет, по крайней мере, на этот раз я предвидел это.

Большой палец Джексона гладил мою кожу там, где мы всё ещё были соединены.

— Тебя не волнует, что кто-нибудь тебя увидит?

— Увидит меня во время чего?

— Ты знаешь. Что ты здесь. С парнем.

По какой-то причине, это заставило меня хотнуть. Было легко забыть, каким практически невинным был Джексон, когда он выглядел вот так. Что он пришёл из совершенно другого мира, и что, наверное, со своей ориентацией он годами ни с кем рядом не чувствовал себя комфортно.

— Я вполне уверен, что это не секрет, — сказал я. — Я видел, как некоторые из этих ребят сбегали в клубы, и если они делали это, то знают обо мне достаточно. Слухи быстро расходятся, помнишь?

— О, я помню. Но им, кажется, было плевать.

Я знал, о чём он думает. Когда мы были в школе, казалось, что каждый до единого из них был осуждающим придурком, и как минимум один из них сдал Джексона его отцу, только если это не был учитель.

— Сейчас всё иначе. Уверен, в компании всё ещё есть несколько засранцев, которые трахаются со своими сверстниками, но что они мне скажут?

— «Мистер Салливан гомик»?

Фыркнув, я покачал головой.

— Сначала я утоплю их в океане. Или, может быть, брошу их в костёр вместе с чёртовым зефиrom.

Джексон посмотрел на меня и улыбнулся.

— Тебя никогда не волновало, кто что о тебе думает. Я всегда восхищался этим.

— Это не так. Меня волновало, что думала бабушка, — мне пришлось заставить себя произнести следующие слова. — И ты.

Хоть это, казалось, не удивило его, Джексон некоторое время молчал, будто спорил с самим собой. А затем он спросил:

— Почему я?

Тот же чёртов вопрос я задавал себе по отношению к нему, только на этот раз слова несли с собой вес, потому что он не просто спрашивал меня, почему я уважал его мнение обо мне. Он спрашивал намного больше этого, и я сдерживал все причины, которые он хотел от меня услышать. Что он тогда был единственным, кто не осуждал меня, грустного новичка с чувством обиды. Кто видел настоящего меня и заботился достаточно, чтобы это видеть. Как сказать ему, что он стал казаться родным с самого первого раза, как я сел

рядом с ним на биохимии, а он улыбнулся мне, и когда позже в тот же день он предложил мне сесть за его столик за ланчем, он ненамеренно предложил мне намного больше этого.

Но я не сказал ничего из этого, потому что если бы сказал, он увидел бы меня насквозь и понял, что я так и не забыл его. И это была правда, с которой я не готов был встретиться, пока он не уедет снова. Так что я сказал: «Я не знаю» и попытался не замечать, как его улыбка ослабла от того, что я не ответил.

Взгляд Джексона устремился вдаль, туда, где огонь давно потух, и он сел.

— Чёрт, который час?

— Уже поздно.

— Я даже не заметил, что они все ушли, — сказал Джексон, поднимаясь на ноги и стряхивая песок с джинсов.

Конечно же, часть пляжа, которая была забита учениками, казалось, всего пару минут назад, сейчас была пустой, что означало, что они вернулись в академию из-за комендантского часа. Ещё это значило, что прошло несколько часов, пока мы с Джексоном отключились от мира.

Я встал и осмотрел пляж в обе стороны, и когда не заметил ни одной живой души, сказал:

— Тебе нужно идти или готов к чему-нибудь другому?

— Что у тебя на уме?

— Я думал, что поплавать посреди ночи было бы мило.

— Поплавать, а? — Джексон посмотрел на свою одежду, а затем обратно на меня.

— Можешь остаться в этом. Или совсем без ничего...

Я пожал плечами и начал идти к океану спиной вперёд.

— Что ты делаешь, Лукас?

— Собираюсь смыть песок.

— Чушь.

Руки Джексона легли на его бёдра, пока он наблюдал, как я расстёгиваю верхнюю пуговицу своей рубашки. Я запросто мог бы снять её за раз через голову, но мне нравилось чувствовать на себе взгляд Джексона, и так как дразнить его было одним из моих любимых занятий, я не спешил. С каждой пуговицей, которую я расстёгивал, его взгляд становился всё жарче.

— Ты ко мне присоединишься или будешь глазеть?

— Буду глазеть.

Я рассмеялся, заканчивая с пуговицами и позволяя рубашке слететь по моим рукам, падая на песок. Затем я расстегнул пуговицу на своих шортах.

— Не будь трусом, Дэвенпорт.

— Общественное давление. Именно то, чем ты говоришь этим детям не увлекаться.

И разве это не волшебные слова...

— О, брось, Джексон, — бросил я, расстёгивая свои шорты и спуская их по бёдрам.

— Увлекись мной.

Глава 19

Джексон

Увлекись мной...

Эти слова от Лукаса, пока он раздевался прямо там, на пляже, были как катапульта для сердца. Не помогло, когда он снял свои шорты, оставаясь в одних боксерах, которые липли к толстой выпуклости между его крепких бёдер. Каждый дюйм, который я видел сейчас, представлял собой загорелые, твёрдые линии мышц, с татуировками, которые покрывали всё его правое плечо, забираясь поперёк его груди и вниз по руке. Мой пульс подскочил, и внезапно стало слишком жарко, чтобы оставаться полностью одетым.

Да, мне не нужно было снова увлекаться этим парнем. Что-то говорило мне, что это уже произошло.

Лукас сделал ещё пару шагов спиной назад, приближаясь к воде.

— Ты не можешь отказаться. Я выиграл дружеский маленький спор, так что забираю свой приз. Ты сказал, может быть что угодно. Так что это моё *что угодно*.

— Ты выиграл только потому, что другая команда сдалась.

— А мне плевать. Спор есть спор.

Обманщик. Я никогда не отказывался от споров, но скинуть одежду после своего раннего признания и нырнуть в океан наедине с Лукасом? От этого будут проблемы. Но... *А, к чёрту*. Может, мне нужны были в жизни небольшие неприятности.

Я стянул майку через голову и бросил её на песок, пока не передумал, как раз когда ноги Лукаса коснулись края воды. Скользя взглядом по моему голому торсу, Лукас приоткрыл губы, а затем на его лице появилась медленная улыбка.

О да. Ему это нравится. Любое сомнение, которое у меня было о том, что влечение Лукаса ко мне исчезло за время, что мы провели раздельно, рассеялось, когда он облизал губы, а затем его глаза опустились на мои пальцы, которые лежали на пуговице моих джинсов, будто чтобы подбодрить меня. Я поддался, расстегнув пуговицу и медленно расстёгивая молнию, вытягивая остатки терпения Лукаса.

— Заходи в чёртову воду, Дэвенпорт, — сказал он хриплым голосом, и я заметил, как он быстро зашёл в океан, чтобы спрятать собственное растущее возбуждение. И чёрт возьми, это не помогло с моим, и мне пришлось потянуться вниз и поправиться, прежде чем я посмел скинуть свои штаны.

Нервозность накатила на меня со всей мощью, пока Лукас голодными глазами наблюдал за моими шагами к воде. Чёрт, мне ведь нечего было стыдиться. Он уже знал, что я чувствовал к нему раньше, и если кто-то из нас думал, что это было случайностью, прошлой ночью наш поцелуй — не говоря уже о минете — положил конец этим сомнениям.

Да, меня влекло к этому парню. Так сильно, что я хотел заплыть в Атлантический океан к мужчине, который мог изменить мою жизнь способами, о которых я не мог думать прямо сейчас, даже если он считал моё присутствие в городе забавной интрижкой. Так что я не буду думать, не сегодня. Потому что прямо сейчас никого не было вокруг, ни на пляже, ни в океане, и уж точно не в моей голове.

Вода была тёплой и манящей, плеская на мои лодыжки, и чем дальше я заходил, тем больше Лукас отплывал назад, пока вода не оказалась высотой ему по грудь.

— Иди сюда, — сказал он, *маня* меня пальцем, и я ответил на его просьбу, опускаясь под воду. Я плыл в его сторону, делая несколько сильных движений, прежде чем всплыть.

Хоть вода была тёплой, она охладила меня как раз достаточно, и, проведя рукой по своему лицу и по мокрым волосам, я сказал:

— Давление со стороны и споры работают. Я здесь. Теперь ты счастлив?

Одна из ног Лукаса зацепила мою, сбивая меня с равновесия и дёргая вперёд, а затем его руки легли на мою талию, а его губы коснулись моей челюсти.

— Да, — выдохнул он, его рот легко двигался вдоль моей кожи, и как раз когда я думал, что он меня поцелует, Лукас толкнул меня полностью под воду.

Вынырнув под звук смеха Лукаса, я вытер воду с глаз и бросился к этому мутному типу, но он увильнул, брызгая водой в мою сторону.

— Ты заплатишь за это, — сказал я, рыча, пока тянулся к нему снова.

Лукас широко улыбался, ускальзывая.

— Я чертовски надеюсь на это. Лучше сделай так, чтобы это стоило моего ожидания.

Мой член дёрнулся под тонкой тканью боксеров, мысли сразу же устремились к тому, что мне хотелось сделать, как только мои руки доберутся до него. Я нырнул обратно под воду и обхватил руками ноги Лукаса, прежде чем ему выдался шанс уйти. Он боролся

со мной, пока я тянул его вниз, его руки толкали мои плечи, но когда я поднял голову, чтобы всплыть обратно вверх, моё лицо коснулось его эрекции, и Лукас замер. Воспользовавшись его секундным удивлением, я использовал свою хватку на нём, чтобы толкнуть его вниз, в то время как сам поднялся и вырывался на поверхность.

Приди и возьми меня.

Через несколько секунд он поднялся на поверхность, и я даже не потрудился попробовать улизнуть.

— Похоже, кое-кто напрашивается, — сказал Лукас, снова грубо хватая меня за запястье, другой рукой забираясь в волосы на моём затылке. — Ты этого хотел?

— Я довольно уверен, что просто хотел тебя намочить.

Глаза Лукаса вспыхнули, а затем опустились к моим губам, и когда я облизнул их, его хватка на моём затылке стала крепче. Между одним вздохом и следующим, он завладел моим ртом, его язык переплёлся с моим в восхитительном скольжении. Сексуальное напряжение между нами росло весь вечер, и Лукас целовал меня до головокружения, эффективно стирая воспоминания обо всех, кто был до и после него.

Наши ноги переплелись, когда он прижался своим телом ко мне, чтобы каждая наша часть была связана, и я дрожал от чистого напряжения, исходящего от него. Вот. *Вот*, чего я ждал весь вечер, и Лукас не разочаровал. И близко нет. Когда он втянул мой язык в свой рот, я простонал от необходимости быть ещё ближе. Я потянулся за одной из его ног и поднял её к своему бедру, и когда его член коснулся моего, он начал двигать бёдрами.

— О боже, — произнёс я, уже задыхаясь. Не важно было, что мы были там, где нас мог увидеть кто угодно. В моей голове не было никаких мыслей, кроме того, как чертовски мне было хорошо и как мне не хотелось, чтобы этот момент заканчивался.

Лукас проглотил мои слова, кусая и потягивая мою нижнюю губу.

— Дотронься до меня, — сказал он, беря одну из моих рук и опуская её к резинке своих боксеров. Гладкая головка его члена коснулась моих костяшек, когда я опустил руку ниже, накрывая его твёрдый стояк, и когда я сжал его, Лукас издал хриплый стон. Его реакция заставила меня почувствовать себя сильнее, и я обхватил пальцами его член, наслаждаясь ощущением толстого и твёрдого органа в своей руке.

Я так давно не касался его таким образом, но когда я начал поглаживать его, казалось, будто не было всего этого времени. Используя мои плечи как опору, он жадно поднял бёдра к моей ладони, и его пальцы с силой потянули мои волосы.

— Это идеально... Вот чёрт, — сказал он, и то, как Лукас разваливался на части, вызывало у меня желание, чтобы мы больше не были в океане, чтобы я мог добраться своими руками, ртом и членом туда, куда хотел, потому что мне было недостаточно. Хоть его стоны и вздохи перекрывали необходимость видеть, как его тело изгибается и напрягается под моими руками, но то, что он сказал дальше, лишило меня дара речи.

— Я хочу почувствовать тебя, — сказал Лукас, судорожно выдыхая. — Вместе.

Прежде чем я смог спросить, что он имел в виду, он потянул вниз мои боксеры, чтобы освободить мой член, и обвил мою руку вокруг нас обоих.

Вот чёрт, — подумал я, когда он дёрнул бёдрами вверх и когда его член потёрся о мой, и мои глаза закатились.

— Чёрт, — сказал он. — Бл*дь, да, прямо так.

Лукас издал мучительный стон экстаза, и это усилило мою необходимость услышать от него моё имя, пока он кончает от удовольствия в моей руке. Я сжал наши члены вместе и стал двигать кулаком вверх и вниз, и чёрт возьми, за всю жизнь мне никогда не было так хорошо. Это я упускал? То, что могло быть у меня с Лукасом каждый чёртов день последние восемь лет?

— Чёрт *возьми*, — жилы на шее Лукаса напряглись, когда его голова запрокинулась назад, его пальцы и ногти впились в мою задницу так сильно, что я знал, что завтра у меня будут синяки. — Ты заставишь меня кончить чертовски сильно.

Он укусил меня за плечо, и этот укол боли я почувствовал всем телом, вплоть до яиц. Я никак больше не мог сдерживаться, мой самоконтроль быстро подходил к концу. Рука, которой я держал нас, двигалась неровным темпом, пока собирался мой оргазм, и я продолжал дрочить нам своим скользким кулаком, но затем почувствовал, как его член дёрнулся, и всё закончилось. Волна нахлынула на меня первого, моё облегчение вырвалось так сильно, что перед глазами всё поплыло, а затем кончил Лукас, его член пульсировал одновременно с моим.

Он снова завладел моим ртом, когда мы спустились с небес, и я отпустил руку, которой держал нас, чтобы обнять его и прижать к себе. Когда безумие стихло до низкого кипения, его поцелуи стали неторопливыми, Лукас исследовал меня, пока я исследовал его.

Когда-то Лукас был такой большой частью меня, что я чувствовал себя половиной целого, когда его не было рядом и когда мы воссоединялись, я будто находил ту часть себя, о потере которой забыл. Высокомерный фасад, который он выставлял, когда я только увидел его снова, растаял, и вышел парень, которого я знал, его глаза были полны тепла с оттенком озорства.

— Боже, Джексон, — сказал Лукас, когда отстранился, его губы растянулись в дьявольской улыбке. — Я не знал, что ты так любишь водный спорт. Теперь футбол кажется потерей времени.

— Не-а. Ты должен был выиграть спор, чтобы затащить меня сюда.

— Нет, мне стоило всего лишь бросить тебе вызов, — он наклонил голову на бок. — Интересно, с чем ещё я мог бы бросить тебе вызов...

— Мне немного страшно это узнавать, — рассмеялся я.

— Хмм, какие возможности...

— Не смей, — я зацепил пальцем его цепочку и снова поцеловал его.

— О, я посмею. Но, Джексон?

— Хмм?

— У нас проблема, — в его глазах был озорной блеск, когда он наклонился вперёд, чтобы прошептать мне на ухо. — Думаю, твой большой член пугает рыбу.

Я закатил глаза и оттолкнул его.

— О боже. Будь серьёзным.

— Я серьёзно. Ты такой большой, что у меня прошлой ночью свело челюсть...

Покачав головой, я закусил улыбку и брызнул водой в его сторону, выходя из воды.

— Джексон, куда ты идёшь со своим огромным членом? — дразнящий смех Лукаса эхом отразился от воды позади меня.

— Отцепись, — крикнул я через плечо, что только заставило его захочутать громче.

— Ты прицепился ко мне неплохо. Думаю, с меня уже хватит, но спасибо.

— Заткнись, Лукас.

— Думаю, ты имел в виду: «Когда ты стал таким чертовски сексуальным, Лукас?»

Я усмехнулся, когда он вышел за мной из воды, и мы вернулись обратно к лёгким подшучиваниям, которые всегда были главной частью нашей дружбы.

Некоторые вещи никогда не меняются.

Глава 20

Лукас

Что ж, это произошло быстрее, чем я ожидал. Не то чтобы я жалел об этом, потому что кто в здравом уме не хотел бы распустить руки и губы с таким мужчиной, как Джексон? Нет, проблема была в том, что сейчас, когда я попробовал, этого не было достаточно. Вместо удовлетворения своей похоти, я только всё ухудшил, потому что

теперь я желал забраться в постель к Джексону и превратить эти прелюдии во вступительный акт.

Но чёрт, сегодня я уже довёл своё самообладание до переломной точки, так что когда я припарковался с работающим в холостую двигателем перед «Роузмонт», попытался сказать себе, что это правильный поступок. Хоть мне и хотелось затащить его к себе в постель так сильно, что пришлось вцепиться в руль, чтобы не потянуться к нему.

— Что ж, — сказал он, вдруг став застенчивым и нервным, хотя час назад я видел его наглую сторону и знал, что такая есть. — Сегодня было... весело. Спасибо тебе.

Джексон обхватил пальцами ручку двери, но не открыл её.

— Думаю, это я должен благодарить тебя, — я знал, что моя улыбка должна быть распутной, потому что Джексон покраснел — действительно покраснел. И это было так мило, что следующие мои слова сорвались с языка раньше, чем я полностью их продумал.

— Ты завтра свободен?

Какого чёрта, Салливан? Он скоро уезжает. Не привязывайся, чёрт возьми, идиот ты.

Но я уже забросил приглашение, и когда Джексон закусил губу, а затем кивнул, я почувствовал скорее облегчение, чем неудобство.

— Хорошо. Я заеду за тобой в десять, — сказал я, а затем оглядел его в один последний раз. — И не наряжайся.

Я проснулся следующим утром, ворочаясь в кровати, пока свет проникал через занавески в моей спальне. Я смутно помнил, что мне нужно вставать, но грани моего сознания были забиты воспоминаниями о Джексоне в те времена, когда мы были подростками, и сон снова окутал меня, прежде чем я смог открыть глаза...

Песок под моей голой спиной был мягким, ночной бриз приносил прохладу со стороны океана, но я ни за что не собирался надевать обратно свою майку. Джексон приподнялся на локтях рядом со мной и напряжённо смотрел на чернильные линии, которые покрывали мою руку и плечо.

Я задержал дыхание, когда он потянулся ко мне. Его прикосновение к моей коже было нерешильным... таким лёгким, что я едва чувствовал его. И как раз, когда я почувствовал, как он начал отстраняться, я накрыл его руку своей и увеличил давление его пальцев там, где он начал водить ими по моим татуировкам.

Джексон встретился со мной взглядом.

— Можешь потрогать меня, — сказал я дрожащим голосом. Я не хотел, чтобы слова прозвучали неуверенно — они были какими угодно, но не такими. Не было ни одной чёртовой вещи, которую я хотел больше того, чтобы он оставил свою руку на мне, но прямо под поверхностью моей кожи лежала паника, что в любой момент он поймёт, что делает, и остановится. Пожалуйста, не останавливайся, — молил я, посылая молитву, которую, наверное, откинут в сторону в ту же секунду, как кто-то там наверху увидит моё имя.

Но вот на этот раз я ошибся, потому что медленно, очень медленно, пальцы Джексона снова начали двигаться, следуя по завиткам, которые украшали мою ключицу. Я вздрогнул под его прикосновением.

— Что это значит? — спросил он, ведя по контуру, который обводил моё плечо и тянулся вниз по руке.

— Это кельтские узлы, — я прочистил горло. — У них нет начала или конца, так что они представляют бесконечность... вечность. Я сделал их после... — я не мог произнести слова «после смерти моих родителей», но Джексон кивнул, будто всё равно понял. Он никогда не заставлял меня говорить об автомобильной аварии, которая забрала их у меня всего несколькими месяцами ранее, отправляя меня жить с бабушкой, и за обе эти вещи я был благодарен.

Палец Джексона остановился на внутренней стороне моего предплечья, и затем он легко провёл по символу.

— *Этот мой любимый.*

Я закрыл глаза. Он никак не мог знать, что это была единственная часть татуировки, которую придумал я. Единственная часть, которая должна была остаться на внутренней стороне, а не впереди и по центру. Напоминание, которое я сделал только для себя.

— *Это тоже узел? — спросил он.*

— *Это трискель. Тройная спираль, — я взял его за руку и направил её к трём завиткам. — Это одна продолжающаяся линия, которая представляет собой движение жизни. Прошлое... настоящее... будущее.*

— *Выглядит почти злобно.*

Маленькая улыбка подняла мои губы вверх.

— *Трискель представляет силу. Движение вперёд, независимо от обстоятельств.*

— *Это похоже на тебя.*

Я выдохнул и покачал головой.

— *Я не сильный. Иногда я чувствую себя... потерянным.*

Пока я не с тобой, — подумал я. — А тогда у меня будто есть цель всё-таки оставаться живым.

— *Ты самый сильный человек, которого я знаю, — сказал Джексон. — Ты так не думаешь, но ты такой.*

— *Как и ты.*

Он отдернулся назад.

— *Я? Нет, — нахмурился Джексон, а затем с полуулыбкой посмотрел на меня. — Просто богатенький мальчик в плане у папочки. Разве не так ты сказал, когда мы только познакомились?*

— *Прости. Я ошибался...*

— *Нет, не ошибался. Не совсем. В смысле, таков план. Пойти в бизнес отца. План всегда был таким.*

— *Не должен быть. Нет, если ты... хочешь чего-то другого.*

Джексон с грустью улыбнулся мне.

— *Некоторые из нас не такие сильные, как другие, — затем он провёл пальцами вниз по моей груди, следя по линии моего пресса и ниже... ниже... — Но я хочу кое-чего ещё.*

Я резко проснулся, когда зазвенел будильник, радио включилось на ужасной рэп-станции, чтобы заставить меня поднять зад вовремя, и я сел и ударил по будильнику кулаком. Ещё бы, мой сон прервался на хорошей части. Чёртов будильник-обломщик.

Зевая, я провёл рукой по своему лицу и вернулся к воспоминанию, которое проявилось в моём сне. Не удивительно, что оно всплыло после прошлой ночи. Сразу после того, как Джексон провёл пальцами по отметкам на моей коже, был первый раз, когда мы дурачились, прямо там, на пляже, и об этом я думал прошлой ночью, пока мы лежали над звёздами.

Я подумал о том, что он сказал, что не достаточно сильный, чтобы иметь выбор, и тогда я, будучи упрямым засранцем, был намерен изменить его мнение. Моя рука поднялась к поношенной цепочке моего кулона. Я неделю доводил до совершенства подвеску в виде трискеля в подвале моей бабушки, чтобы подарить её Джексону и доказать, что он не прав. Это была моя самая первая работа, которая позже натолкнула меня на мысль о бизнесе, и Джексону она нравилась, он носил её каждый день под воротником своей формы. По крайней мере, до того дня, как вернул её мне.

Но пока, Джейсон был здесь, в Южном Хэйвене, со мной.

Может, для потерянного маленького мальчика ещё была надежда.

Глава 21

Джексон

Было ровно десять, когда я вышел из «Роузмонт» и увидел грузовик Лукаса, остановившийся в нескольких шагах. В очках-авиаторах и с ленивой улыбкой, одну руку держа на руле, а другую закинув на спинку пассажирского сидения, Лукас напоминал сексуального шофёра. Он опустил свои очки, и его взгляд прошёлся по мне.

— Я вижу, ты хорошо исполняешь приказы.

Я запрыгнул в грузовик и захлопнул дверь.

— Удивлён?

— Приятно, — сказал он, его усмешка стала соблазнительной. — Хотя в этом прикиде ты похож на порядочного туриста.

— Эй, выбор был либо это, либо очередной костюм.

Я не планировал ходить на пляж, будучи здесь, думая, что это будет быстрая командировка, так что сегодня утром мне пришлось сходить в один из сувенирных магазинов вниз по улице, чтобы купить что-нибудь повседневное. Я выбрал пару переоцененных сланцев, шорты и розово-жёлтую футболку, среди прочего.

— О, это мне кое-что напоминает, — Лукас достал из пляжной сумки на заднем сидении яркие плавки и бросил их мне на колени. — Я подумал, что ты ничего с собой не взял и что они могут тебе понадобиться.

— Всё в порядке. Я просто поплаваю голым.

Лукас надавил на тормоза и повернулся голову.

— Или я мог бы надеть эти.

Я потянул вверх свою майку и опустил резинку шорт, чтобы показать под низом синие плавки.

Он покачал головой.

— Ты засранец. Дразниться не хорошо, — сказал он, выезжая на улицу, и я улыбнулся на его реакцию. Пока мы переезжали мост к Южному Хэйвену, я наблюдал за Лукасом краем глаза, пытаясь не слишком себя выдавать. Сегодня он казался более расслабленным, тихо подпевал U2, с опущенными стёклами, пока ветер раздувал его волосы. Ещё я заметил, как его майка подчёркивала его загорелую кожу и мощные руки, те же руки, которые обивали меня прошлой ночью.

Когда Лукас повернулся к восточной стороне острова, я произнёс:

— Разве пляжи не в обратной стороне?

— Ага.

— Значит, ты запланировал не вторую часть прошлой ночи.

— Нет. Ну... не совсем так, как ты думаешь.

Я выглянул в окно.

— Планируешь утопить моё тело в болоте?

— Не планирую...

— Значит, ты везёшь нас плавать с крокодилами?

— С аллигаторами, — исправил он. — И я не говорил, что ты будешь плавать с ними, но тем не менее.

Лукас свернулся на подъездную дорожку, и я посмотрел на громадный дом перед нами. По сравнению с другими особняками в южном стиле, построенными вдоль болота, этот выглядел совершенно не к месту, со своими тонкими современными линиями и стеклянными стенами, которые отражали солнце так, что даже будучи прозрачными, выглядели недоступными.

Я восхищённо присвистнул.

— Чёрт побери. Чей это?

— Моего друга. Но мы пойдём не туда, — Лукас проехал мимо гаража, достаточно большого, чтобы вместить как минимум полдюжины машин, и подъехал к болоту, где к причалу была привязана большая понтонная лодка. Припарковав грузовик, он открыл свою дверь. — Идём.

— Идём? — спросил я, когда Лукас схватил с заднего сидения сумку и мини-холодильник и направился вниз по причалу. — Подожди. Мы крадём лодку твоего друга?

Лукас сжал губы.

— Красть — это такое негативное слово.

— А как бы ты это назвал?

— Так как я планирую её вернуться, я бы назвал это одолжением. Не переживай — он не против, — Лукас забрался в лодку и бросил холодильник на палубу. Затем он поднял взгляд на меня, по-прежнему стоящего на причале. — Лучше поторопись и залазь, пока он не передумал.

Взглянув на название лодки, написанное на задней части, я рассмеялся.

— «*Твёрд и полон семени*».

— Полный извращенец, очевидно. Давай сюда.

Вопреки здравому смыслу, я забрался на борт и посмотрел обратно на огромный дом, ожидая, что кто-нибудь выбежит и станет нам угрожать. Пока рос среди богатых ублюдков, как мой отец, я выучил этих типов как свои пять пальцев, и ни за что в жизни они не упустили бы из виду такую экстравагантную лодку.

Когда Лукас встал и поймал направление моего взгляда, он рассмеялся.

— О, просто расслабься немного. Только подумай, как быстро разгонится эта малышка, как только за нами начнут гнаться копы.

Я покачал головой.

— Ты ходячая проблема, ты знаешь это?

Я думал, он снова рассмеётся над моим комментарием, но когда он стал отвязывать лодку от причала, его лоб сморщился.

— Да, знаю.

Затем он прошёл на другую сторону и поднял якорь.

— Я могу помочь? — спросил я.

— На самом деле, да. Снимай свою одежду.

Рассмеявшись, я покачал головой.

— Я имею в виду с подготовкой лодки.

— Это часть подготовки. Нельзя отправляться в плавание, пока не скинем штаны.

Таковы правила.

— Чёрт. В этот раз даже нет никаких прелюдий, — пошутил я, хватаясь за свою майку сзади и стягивая её через голову. Лукас заметно склонил голову, пока его взгляд ползал по моей груди, животу и рукам, и, не отводя глаз, он потянулся вниз, чтобы покопаться в сумке.

— Ты мне здесь нужен, — сказал Лукас, доставая маленькую бутылочку, и я на секунду замер, думая, что это бутылочка смазки. Но когда он выдавил содержимое себе на руку, я как дурак понял, что это был всего лишь солнцезащитный крем.

Это показывает, о чём ты думаешь, Дэвенпорт.

Лукас облизал губы, так и не сводя с меня взгляда, когда я подошёл и встал перед ним.

— Не могу допустить, чтобы ты сгорел под моим присмотром, — сказал он, растирая крем между ладоней, прежде чем провести ими по моим плечам. Они были сильными и немного грубыми, доказывая, что он работает руками, и пока эти ладони втирали крем в мою кожу, я не мог забыть, что меня касался мужчина, опускаясь вниз по моей груди и прессу.

— Это приятно, — сказал я, и Лукас улыбнулся, пока я наслаждался тем, как он не спешит, не пропуская ни одного дюйма. Пару раз он залез кончиками пальцев под резинку

моих шорт, но быстро убирал их, дразня меня как раз достаточно, чтобы мой член отреагировал — и он определённо обратил внимание.

— Вот так, — сказал Лукас, когда закончил, его губы зависли всего в паре дюймов от моих. Он наклонил голову, и я подумал, что он поцелует меня, но затем он обдурил меня и попятился назад, усмехаясь, пока вытирал о полотенце остатки солнцезащитного крема.

Он повёл лодку по водоёму, обходя высокую траву и указывая на заметные дома, владельцами которых были бывшие одноклассники или учителя, а ещё была парочка домов для отдыха знаменитостей. Этот весенний дом был тёплым и солнечным, и им наслаждались несколько лодочников, рыбача и загорая, махая руками, когда мы проплывали мимо. Лукас не замедлился, пока мы не проплыли их всех, а затем остановил лодку посреди широкого участка, вдали от каких-либо других обитателей. Я не упустил тот факт, что ему хотелось уединения, и он усмехался, пока подходил туда, где сидел я.

— У меня есть длинная удочка, как раз для тебя, — сказал он, расстёгивая свои шорты и снимая их. — Встань.

Мои глаза расширились от подтекста, и когда я встал с длинной скамейки, которая тянулась вдоль бока лодки, он подошёл ближе, когда был всего в нескольких дюймах, он провёл рукой по моему боку, начиная с рёбер и опускаясь на мои бёдра, затем дальше, пока...

Он поднял сидение скамейки и достал удочку.

— Она тонковата, так что может быть не такой, к чему ты привык, но, думаю, ты сможешь что-нибудь этим поймать, — сказал Лукас, подмигивая мне, протягивая удочку, и я выругался.

— Ты не прав.

— О, я во всём прав, но ты ведь не думаешь, что я воспользуюсь преимуществом и не позволю тебе поймать нам ужин первым? — он достал ещё одну удочку и наживки, а затем закрыл скамейку. — Я не думал, что ты захочешь испачкать руки, так что тебе никаких червяков. Ты предпочитаешь красную или жёлтую блесну?

— Э... Я никогда не делал этого раньше, так что послушаюсь тебя по поводу того, что лучше.

Лукас поднял взгляд.

— Серьёзно?

— Мой отец не особый любитель сближений, а я был слишком занят спортом, — пожал я плечами. — Наверное, тебе придётся подарить мне очередной первый раз.

Глаза Лукаса потемнели, когда он закусил губу, и из его горла вырвался рык.

— Тебе это нравится? — спросил я, вытягивая свою удочку, чтобы он мог насадить наживку. — Быть моим первым?

Он посмотрел на то, как его шорты растянулись под молнией.

— Думаю, ты знаешь ответ на этот вопрос.

— Хорошо. Только одно, — когда он с вопросом поднял бровь, я сказал: — Не делай мне поблажек.

Глава 22

Лукас

Этот Джексон Дэвенпорт был чёртовым лжецом.

— Ууу, это которая, седьмая? Восьмая? Надеюсь, ты голоден, Салливан, — выкрикнул он, открывая холодильник со льдом и бросая туда очередную камбалу.

Я посмотрел обратно на свой поплавок, который не дёрнулся ни разу, и сузил глаза.

— Думаю, с моей удочкой что-то не так.

— Уверен, с твоей удочкой всё в порядке, — сказал Джексон, смеясь, когда наклонился надо мной, будто собирался поцеловать меня в шею, но затем замер.

— Спасибо за заверения, но меньшее, что ты можешь сделать, это поцеловать меня, раз уж вся рыба проплывает мимо моей удочки. Иначе всё это зря.

Джексон улыбнулся и прильнул ближе, его губы теплом коснулись моей шеи, и я вздрогнул.

— Ты милый, когда дуешься. И не умеешь проигрывать. Ты знаешь, что это просто расплата за прошлую ночь, верно?

— Да, да, а я думал, что прошлой ночью мы оба выиграли, — я положил удочку и поднялся на ноги, вытягивая руки над головой, и это движение заставило Джексона остановиться и посмотреть на меня, пока вибрация из его кармана не заставила его потянуться и отключить телефон, не глядя. Снова. — Хочешь ещё газировки? — спросил я.

— Было бы отлично, — сказал он, и я достал пару банок из мини-холодильника. Вернувшись, я заметил краем глаза движение, поставил напитки и подошёл туда, где Джексон снова насаживал на крючок наживку.

— Смотри, — сказал я, подводя его к боку лодки, прижавшись передом к его спине. Я положил подбородок на его плечо и указал на берег метрах в тридцати от нас. — Ты видишь?

— Что вижу? Я не... Ох, чёрт побери.

Аллигатор, длиной метра три-четыре, выполз из воды и поднимался на берег, и глаза Джексона расширились и округлились, пока он наблюдал за доисторическим существом.

— А вот такое не каждый день увидишь, — пробормотал он.

— Здесь это не редкость. Что скажешь? Хочешь заманить его обратно и поужинать крокодильим хвостом?

Он посмотрел на меня через плечо.

— Ты сошёл с ума.

— На вкус как курица.

— Я пас.

— Как ты поймёшь, что тебе не понравится, пока не попробуешь?

— Я не против попробовать. Я против того, чтобы затачивать аллигатора на эту лодку, чтобы у нас был его хвост. На это я не пойду.

— Где твоя жажда приключений, городской мальчишка? Аллигатор на двести двадцать килограмм? Пф. Легко.

Я сел и взял свою удочку, пока Джексон снова забрасывал свою.

Как раз когда он сел рядом со мной, завибрировал его телефон, и он вздохнул, доставая аппарат, взглянул на него, а затем выключил.

Когда экран почернел, я спросил:

— Тебе нужно ответить?

— Нет, это не важно.

— Ага. Хорошо, — минуту я молчал, но когда что-то заиграло на задворках моих мыслей, мне пришлось спросить: — Это связано с работой? Тебе нужно с чем-то разобраться? Потому что они звонили несколько раз, и я могу отвезти нас обратно в...

— Нет, сегодня никакой работы, и это не экстренный случай, так что всё в порядке. Ничего, что не может подождать до завтра.

— Если ты уверен.

— Уверен, — затем его губы медленно приподняла высокомерная усмешка. — Не думай, что раз ты ничего не поймал, я позволю тебе так быстро сдаться. Я не говорил, что поделюсь с тобой, и... — удочка в его руке дёрнулась, и мы оба посмотрели на воду и заметили, как исчез его поплавок. — Вот чёрт.

— Нет. Не может быть, — сказал я, когда мы с Джексоном оба поднялись на ноги, и он быстро начал сматывать удочку, всё время смеясь. — Это, наверное, шутка.

Нет. Не шутка. С крючка свисал голец, и Джексон снял его с удочки и с гордостью поднял вверх, прежде чем бросить в холодильник к своему остальному улову.

— Это всё. Я заканчиваю, — сказал я, и затем подцепил пальцами пояс его шорт и притянул к себе. Джексон определённо сегодня загорел, судя по светло-розовому румянцу на его щеках и носу. Это оттеняло синеву его глаз, один из которых был светлым, цвета неба, а другой тёмным, как грозовая буря. Это сочетание служило достойной метафорой для его внутренней борьбы — добродушный мужчина с яркой личностью, который мог бы осветить целую комнату, но воевал с плохими намерениями ближайших родственников. — Думаю, ты сегодня достаточно надрал мне зад. Я везу тебя обратно к себе домой.

Руки Джексона прошлись по моей голой спине и остановились на талии.

— Должен сказать, я думал, что ты рыбак получше.

— Я назову это удачей новичка. Реванш в любое время.

— Идёт, — сказал он, демонстрируя великолепную белозубую улыбку. Этой улыбкой он мог бы выигрывать войны и оплодотворять женщин. Только, казалось, зря тратил на меня.

— Что ж. Полагаю, нам следует вернуть лодку, прежде чем хозяин поймёт, что она исчезла. Скажи мне, Джексон. Ты готов к жареной рыбе? — затем я слегка прикусил его нижнюю губу, прежде чем втянуть её в свой рот. — И ты поделишься со мной. Но только со мной.

Глава 23

Джексон

Позже в тот вечер, я, совершенно объевшийся после ужина, отдыхал на качелях на веранде Лукаса, толкая их назад и вперёд своей ногой, пока он заносил посуду в дом. Я слышал, как он звенит там тарелками, пока мои глаза привыкали к наступающей темноте. Это была честная сделка — я поймал камбалу и гольца, которыми мы поужинали, а он убрал после.

Допив остатки белого вина, которое мы откупорили, я представил, каково было бы, если бы это было моей нормой. Здесь было так спокойно, воздух заполняли только звуки природы. Сверчки, лягушки и что-то ещё, что я не мог узнать. Каково было бы проводить дни на воде, вечерами наблюдать, как в небо поднимаются светлячки, а ночами быть рядом с мужчиной, в которого я всё больше влюблялся с каждой проходящей минутой?

Здесь жизнь казалась такой простой и лёгкой. Здесь единственными людьми, которые имели значение и существовали, были я и Лукас, и это заставило меня задуматься, что если... *Что если бы так могло быть всегда?*

— Ммм. Пожалуйста, не стесняйся рыбачить для меня в любое время, — сказал Лукас, выходя обратно с открытой бутылкой белого вина.

Я поднял свой бокал, и он налил добавки.

— А вот это уже другая тема. Больше не дуешься?

— Ни капли. Это оказалось ещё лучшей сделкой. Ты можешь делать всё — ловить, чистить и готовить.

— А что будешь делать ты?

— Сидеть здесь и хорошо выглядеть?

Я улыбнулся, когда он сел рядом со мной на мягкие качели и положил руку на спинку, даже не думая. Любой другой подумал бы, что он делал это движение сотни раз, но он никогда не делал его раньше, хоть мы сидели на этих же качелях много лет назад, под внимательным наблюдением его бабушки. Я раскачивал качели, пока мы попивали

вино и наслаждались тишиной момента. Он был так близко, что я чувствовал жар, исходящий от его кожи, но мы не соприкасались. Было достаточно просто сидеть рядом.

— Огоньки вышли поиграть, — сказал я. — Я забыл, как сильно мне это нравилось.

— Ты имеешь в виду светлячков? — улыбнулся он. — Я так понимаю, в Коннектикуте у вас их нет?

— Если и есть, я их никогда не видел.

— Ты всё упускаешь, янки, — сказал Лукас, наклоняясь вперёд и захватывая руками одного из светлячков. Затем он поднёс его ко мне и отпустил. Тот завис в воздухе, его живот светился, как будто он устраивал шоу, прежде чем улетел.

— Похоже, я многое упустил, будучи далеко отсюда.

Лукас посмотрел на меня и ничего не сказал, но я чувствовал, как его пальцы слегка прошлись по воротнику моей майки. А затем у меня возникла неразумная мысль: *Хочу, чтобы он попросил меня остаться*. Боже, это было уже слишком. Я пробыл в городе неделю и уже ожидал, что он перевернёт свою жизнь с ног на голову, чтобы меня удовлетворить? Будучи здесь с Лукасом, я чувствовал себя уютнее, чем в своём доме, но как сказать это, чтобы он не посчитал меня сумасшедшим? *Чёрт, может я и есть сумасшедший*.

— Ты в порядке? — спросил Лукас, и по тому, как замерли качели, я понял, что перестал раскачиваться.

— Да, задумался, — *не говори этого, не говори*. Я отвёл взгляд от него и посмотрел на ряд клумб, свисающих с крыльца. Цветы по-прежнему были яркими и счастливыми, и так было при его бабушке. Очевидно, Лукас унаследовал от неё талант к садоводству. — Я могу спросить... как она умерла?

Лукас точно знал, кого я имею в виду, и не сбился.

— Осложнения после приступа. На этой неделе будет три года.

— Мне очень жаль.

Он пожал плечами, будто чтобы сказать, что это чертовски больно, но что он мог поделать?

— Я рад, что провёл с ней несколько хороших лет.

— Она была потрясающей дамой. Я рад, что был знаком с ней.

— Она была лучшей, — согласился он. — И ты ей очень нравился.

Я почувствовал укол боли от того, что мне так и не удалось с ней попрощаться, и снова поднял к губам вино. Я задумался, нравился ли я ей по-прежнему после того, как бросил её внука, не предупредив. Ещё она могла знать о его поездке на север и о катастрофе, что там произошла, и это заставило меня поморщиться от мысли, что она могла думать обо мне перед смертью.

Лукас указал бокалом на дерево магнолии вдали.

— Она там, если позже захочешь поздороваться.

— Я должен буду это сделать, — *и извиниться*. Затем я вспомнил кое-что, что он сказал раньше. — Ты сказал, на этой неделе будет три года?

— Мхм.

Секундочку. На этой неделе было восемь лет с тех пор, как я уехал. Бабушка умерла в ту же неделю спустя пять лет? Не удивительно, что он так замкнулся. И теперь, мы снова готовились пойти на всё это, когда моё время в Южном Хэйвене подходило к концу.

— Забавно, что ты выбрал эту неделю, чтобы вернуться, ты так не думаешь? — произнёс Лукас, читая мои мысли. Он невесело улыбнулся мне, что никак не скрыло боль в его глазах. — У Бога или у судьбы определённо ложовое чувство юмора.

Я даже не знал, что сказать на это. Не казалось честным, что этот мужчина прошёл через столько за свои двадцать шесть лет.

— Я знаю, что вёл себя как придурок, когда снова тебя увидел, но ты знаешь, каково потерять всех, о ком заботишься? — Лукас поднял вверх пальцы, чтобы составить список.

— Я потерял родителей. Потерял тебя. Затем умерла бабушка. Окружить себя стенами — единственный способ справиться со всем, который я знаю на данный момент.

— Я ненавижу это. Ненавижу, что тебе пришлось через всё это пройти. Ненавижу, что я поспособствовал этому.

— Это была не твоя вина.

— Нет, не моя. Но я никогда не хотел быть тем, кто причинит тебе боль. И, Лукас... *скажи это. Сейчас же, просто скажи, пока не отступил.* Я удерживал его взгляд, пока говорил: — Я не хочу причинять тебе боль.

— У тебя может не быть выбора, — сказал он, грустно улыбаясь.

Я не думал, что это правда. Больше нет. Я не был восемнадцатилетним парнем без гроша за душой. На самом деле, сейчас у меня было приличное состояние, достаточное, чтобы мне больше никогда не пришлось работать, если я не захочу.

Но было что-то ещё, что-то, что мне нужно было сказать ему, пока мы обсуждали всё неприятное.

— Ты должен кое-что знать.

Глава 24

Лукас

Вот и оно. Что бы Джексон ни собирался рассказать, новости не были хорошими, я был уверен в этом, так что подготовился как можно лучше.

— Хорошо, так расскажи мне, — сказал я.

Он избегал моего взгляда.

— Это насчёт сегодняшних телефонных звонков.

Я знал это, чёрт побери. Но пытался оставаться спокойным, когда спросил:

— Что насчёт них?

— Это не то, что ты думаешь.

Может, это именно то, что я думаю.

— Дома есть одна женщина. Сидни.

Женщина. Какой сюрприз.

— Она работает со мной, и ещё она... подруга.

— Подруга, — повторил я, прищурившись. — Похоже на нашу дружбу?

— Нет, — быстро сказал Джексон. — С моей стороны нет никаких романтических чувств, ничего такого, но это... сложно.

— Она твоя девушка?

— Я никогда так её не называл, нет.

— Тогда в чём сложности? — спросил я, пытаясь и не сумев удержать ревность в узде.

— Я должен жениться на ней.

Моё сердце рухнуло на землю, пока я пытался осознать бомбу, которую он только что скинул. Джексон собирался жениться? *Нет. Нет, чёрт побери. И на женщине?*

— Ты не можешь прямо сейчас говорить серьёзно.

— Могу. Я серьёзно. — Джексон сделал паузу. — Но, Лукас... У меня нет никаких намерений жениться на ней.

— Тебе придётся меня простить, я немного в замешательстве.

— Это вроде... — он искал слова. — Вроде договорного брака.

На две секунды у меня отвисла челюсть, прежде чем я встал с качелей.

— Хорошо, теперь я знаю, что это шутка, — сказал я, но Джексон схватил меня за руку раньше, чем я смог пройти мимо него.

— Зачем мне шутить об этом?

— Потому что никто больше не заключает договорные браки, Джексон. Ради бога, отрасти себе яйца!

Джексон ощетинился, глядя на меня.

— Ты думаешь, меня втянут во что-то, чего я не хочу делать?

— Я знаю, что втянут. Такое уже было.

— Это другое. Сидни, она... — он вздохнул. — Она хорошая девушка. И ещё лучшая подруга. Я знал её с детства, и она сделала бы что угодно ради меня, ради нас. Над нашими головами будто всегда висел тот факт, что в итоге мы будем вместе. Это хотят наши родители, и этого, кажется, хочет Сидни.

— Она та, кого ты хочешь?

Джексон опустил голову и отпустил мою руку.

— Нет. И я сделал всё, чтобы заставить её передумать, но не говорить прямое «нет», и у меня никогда не было достаточно хороших причины, чтобы сказать ей это.

— Эм, как насчёт того, что ты *не хочешь*.

Джексон поставил локти на колени и сцепил руки перед собой.

— Лукас, я никогда не думал, что увижу тебя снова.

— Сюрприз, твою мать. Я здесь.

Боже, я снова вёл себя как придурок и знал это, но какого чёрта я должен был сказать? Поздравляю?

— Да, ты здесь. И суть в том, что ты должен понять... Я думал, моё время с тобой было счастливой случайностью. Что это была какая-то преувеличеннная версия событий, которая произошла, когда я был подростком с бушующими гормонами. Я всё это время думал, что я для тебя никто, и с тех пор я не встретил никого, ни мужчину, ни женщину, кто заставлял бы меня чувствовать то, что я испытывал тогда. Или думал, что испытывал, — он опустил взгляд на свои руки. — Так что тебе придётся меня простить, если я подумывал жить нормальной жизнью с хорошим человеком и сделать её счастливой.

— Ты просто чёртов мученик.

— Это не честно.

— Значит, честно, чтобы ты осел? *Не пытался* быть счастливым и делать что-нибудь для себя?

Щёки Джексона покраснели.

— На что ты намекаешь? Что мне стоило приехать сюда раньше, когда я думал, что ты не против интрижки?

— Да. Конечно. Почему нет?

— Я понимаю, это удивительно, но ты не можешь злиться из-за этого. Наверняка рядом с тобой был кто-то с тех пор, как...

С тех пор, как ты разбил моё чёртово сердце? Я ухмыльнулся.

— Было много кого-то.

Джексон выпучил глаза.

— Что?

— Эй, ты сам спросил.

— Ты не должен говорить, что их было много. Ты серьёзно?

— Что я должен сказать? Что сохранял целибат с тех пор, как ты ушёл?

— Конечно нет. Прости... Я не знал, что у тебя было так много отношений.

— Не было, — когда на лице Джексона появилось замешательство, я сказал: — Ну, ты не говорил об отношениях, верно? Тогда ответ был бы «ноль», — оперевшись на балконные перила, я скрестил лодыжки. — Я трахаюсь, Джексон. Я не впускаю их. Я никого не впускаю.

Джексон позеленел и посмотрел обратно на свои руки, будто пытался смириться с этим фактом.

— Много человек и никаких отношений, — сказал он тихим голосом. — Тогда это объясняет комментарий про бога секса.

— Что?

Он вздохнул и откинулся на спинку качелей.

— В кафе я подслушал, как пара парней упомянула твоё имя, так и узнал, где найти тебя в «Аргос». Они назвали тебя богом секса. И там было что-то о том, что «этот Лукас с горячим телом игнорирует его тощую задницу».

— Это льстит, что они знают про мои стандарты.

— Очевидно, у тебя есть ещё и репутация, — его глаза сузились. — Что, ты идёшь гулять, веселившись каждую ночь и приводишь парней домой? Теперь это твоя жизнь?

— Нет, — сказал я. — Я никогда не привожу их сюда.

— Лукас...

— И я не ходил на вечеринки уже несколько дней, так что это тоже не совсем точный вывод.

— Ты чёртова маленькая шлюшка, да?

— Хмм, можно ли сказать маленькая...

— Господи боже, — пробормотал он, проводя рукой по волосам и поднимаясь на ноги. — Лукас, будь серьёзен. Зачем тебе все эти мужчины?

— Какая разница? Я одинок; мне позволено это делать. А ты, с другой стороны, только что признался, что ты практически помолвлен. Может, нам следует на секунду поговорить об этом.

— Нечего говорить. Я не помолвлен и никогда не буду, по крайней мере, не с Сидни. Она думает, что я уехал всё обдумать и спланировать предложение, когда на самом деле я пытаюсь придумать, как расстаться с ней, не будучи бесчувственным ублюдком, — он поднял взгляд к потолку и сделал глубокий вдох, и на выдохе произнёс: — Как я тебе сказал, наши семьи просто пытаются породниться...

— Но ты спал с ней.

Рот Джексона закрылся, и пока он смотрел на меня, его тишина подтвердила моё заявление.

— Верно, — произнёс я, разрывая зрительный контакт. — Что ж, думаю, здесь надо выпить.

— Ты уже пьёшь, — отметил он, кивая на стакан в моей руке.

— Тогда что-нибудь покрепче.

Я открыл заднюю дверь и прошёл через кухню к полке, на которой держал спиртное. Я взял джин и пустой стакан и даже не потрудился добавить льда или что-то смешать.

— Ради бога, Лукас, — сказал Джексон, подходя ко мне сзади. — Я не хочу с тобой ссориться.

Я открутил крышку и налил джин в стакан.

— Это нессора. Это разница во мнениях.

— Ты знаешь, что это такое, верно? — произнёс Джексон. — Мы не могли быть друг с другом, так что трахались с другими, пытаясь прогнать один другого. У тебя это получилось? Потому что у меня уж точно нет.

Я развернулся, готовый выдумать ложь и оспорить это, но Джексон был прямо передо мной, как стена мышц, не отступал и не давал мне уйти. Его голос был похож на низкий рык, когда он сказал:

— Если ты думаешь, что я не думал о тебе каждый день и не задумывался, как могло бы быть, то к чёрту тебя.

Моя грудь вздымалась и опускалась от резких вздохов, и огонь в моих венах заставил меня броситься вперёд.

— Нет. К чёрту тебя, — сказал я, толкая его назад, пока его бёдра не наткнулись на стойку, и тогда мои руки запутались в ткани его майки, и мы оба атаковали.

Глава 25

Лукас

Никто из нас не сдерживался, когда наши рты столкнулись, в эпичной встрече губ и языков, мы срывали друг с друга одежду, пока пытались поглотить один другого. Вскоре мы скинули свои сланцы, когда я толкнул Джексона в сторону лестницы, но наши губы не покидали друг друга на долго, лишь чтобы снять друг с друга одежду и подняться наверх.

Пока я пятился назад, мои зубы поцарапали губу Джексона, а затем я высунул язык, чтобы сгладить боль, и он улыбнулся мне в губы, прежде чем наклонить голову и углубить поцелуй. Я забирался вверх по лестнице, чуть ли не спотыкаясь, в спешке снимая свою майку, пока Джексон делал то же самое, и когда мы избавились от них, не думая, он снова потянулся ко мне, обвивая руками мою талию, чтобы мы соприкасались кожей. Его руки опустились на мой зад, в то время как я позволил своим исследовать его гладкую, твёрдую спину, а затем перешёл вперёд, на его шорты, на которых быстро расстегнул пуговицу и молнию. Затем они исчезли, став кучей ткани у его ног, и я прижал его к стене, накрыв ладонью его член, прежде чем он успел отреагировать.

Он стонал, пока я лизал и оставлял засосы по пути вниз по его шее, его пульс вышел из-под контроля под моими губами, и я больше не мог ждать. Я скользнул рукой в его боксеры, проводя большим пальцем по сперме, которая собралась на набухшей головке его члена. Хорошенько смочив её, я поднял руку к губам и провёл языком по своему большому пальцу, прежде чем втянуть его глубже в рот.

Джексон втянул рваный вдох, наблюдая за мной, а затем, с молниеносной скоростью, разорвал руками мои шорты, из-за чего пуговица полетела вниз по лестнице, и когда он увидел, что сделал, он дико усмехнулся мне.

— О, ты просто напрашивашься, чёрт возьми, — сказал я. Мои шорты упали на пол, и я откинул их в его сторону. Медленно отходя от него и поднимаясь, ступенька за ступенькой, я произнёс: — Вот, что я тебе скажу... если ты сможешь раздеть меня раньше, чем я сделаю это сам, то я могу тебя трахнуть.

Без предупреждений, Джексон оттолкнулся от стены в мою сторону, но я ушёл с дороги как раз вовремя, взбегая по лестнице, пока он догонял. Нам потребовалась вечность, чтобы добраться до моей спальни на втором этаже, мы были слишком заняты, оставляя по дороге следы в виде одежды, но сейчас, когда бежал к своей большой кровати, я был более чем готов принять Джексона всем собой.

Вскоре моё желание исполнилось, потому что массивные руки Джексона обвились вокруг меня, толкая на кровать и прижимая сзади. Его голос прозвучал затаённым шёпотом мне на ухо, когда он произнёс:

— Думаю, ты забыл, что я могу быть ещё и перехватчиком.

Пока его мощное тело удерживало меня на кровати, я чувствовал каждую его твёрдую линию — включая его член, который был именно там, где я хотел.

— Нет, — сказал я, поднимая зад так, чтобы коснуться его стояка, что вызывало у него стон. — Я не забыл.

Джексон застыл надо мной на долю секунды, прежде чем снова расслабился и дёрнул бёдрами вперёд, скользя напряжённым членом между изгибов моей задницы. Сейчас единственным барьером между нами были наши боксеры, и этого всё равно было слишком много. Мне нужно было почувствовать его кожу своей и прямо сейчас.

— Хмм. Кажется, ты поставил меня в компрометирующее положение, — сказал я. — Тебе стоит...

Джексон перевернул меня на спину, прежде чем я успел закончить предложение, и я рассмеялся.

— Нетерпеливый как мой член, — сказал я, проводя ладонью между нашими телами, но он остановил мою руку.

— Я знаю, что ты не лишишь меня шанса снова почувствовать тебя внутри. И если я тебя не раздену, то упущу свой шанс. Разве не такой была сделка? — его голос стал хриплым от похоти, и я моргнул от удивления от его слов.

— Не помню, чтобы ты был таким разговорчивым в прошлый раз...

— Это проблема?

— Чёрт, нет, — сказал я, поднимая зад, пока он спускал боксеры вниз по моим бёдрам, и когда он стянул их до конца, его дыхание сбилось. Я стал ещё твёрже под его взглядом, если это вообще было возможно, и я накрыл ладонью свой член и грубо сжал его.

Я был таким чертовски твёрдым, и по-прежнему чувствуя вкус Джексона на языке, пока его бдительный взгляд следил за каждым моим движением, я начал трахать себя перед ним, показывая ему, что именно он делал со мной.

— Сними их, — сказал я, бросая взгляд на тонкую серую ткань, которая никак не скрывала его напряжённый стояк.

Он сделал как было сказано, избавившись от своих боксеров, но не отрывал взгляда от того, что делала моя рука, и когда он обнажился полностью, я прекратил и сел. Тело Джексона было произведением искусства, его незапятнанная кожа была безупречной, каждый его дюйм был выточен и сформирован в идеал, от которого текли слюнки. Его набухшие и тяжёлые яйца лежали под огромным толстым членом, и Джексон обвил рукой его основание и твёрдо сжал. Эта его набухшая головка, которую я попробовал раньше, умоляла, чтобы её облизали снова, и я провёл языком по своим губам.

Я чувствовал острую необходимость оказаться внутри него, прижать его к матрасу, как раньше, только на этот раз трахнуть его так жёстко, чтобы он больше никогда не смог ходить без мыслей о моём члене внутри его задницы, пока я заставляю его кончать снова и снова. Я не думал, что мне когда-нибудь выдастся ещё один такой шанс, и мне нужно было впитать его в свою память, а себя в его тело, чтобы я помнил это всегда, даже когда он исчезнет.

У меня дрожали руки, пока я открывал прикроватную тумбочку, то ли от предвкушения, то ли от осознания, что мне нужно продлить этот момент, я не был уверен. Достав смазку и презервативы, я бросил их на кровать, и Джексон посмотрел на них, а затем обратно на меня, с жаром в глазах. Он смотрел на меня так и раньше. Сразу после того, как я надел презерватив и навис над ним в первый и единственный раз, когда мы были вместе. Тогда мне следовало понять, что что-то не так, но я так отчаянно хотел его, что не мог думать трезво, видеть знаки. Но даже зная, что произойдёт, сделал бы я это снова? Да, — подумал я, когда Джексон пополз по кровати ко мне навстречу. — Да, чёрт возьми.

Глава 26

Джексон

— Боже, Джексон. Ты такой чертовски сексуальный, — сказал Лукас, вставая на колени, чтобы встретить меня на полпути на кровати. От меня не скрылось то, как его тело слегка дрожало, будто он выбирал от нужды. Это только сделало меня твёрже, и когда наши губы снова встретились, он уложил меня на спину и сказал: — Не думаю, что я могу ждать.

— Тогда не жди.

Лукас поднялся, чтобы взять бутылочку смазки, и сев обратно на ноги, сказал:

— Я хочу видеть всего тебя.

Не думая дважды, я раздвинул бёдра шире, и когда взгляд Лукаса стал голодным, я не чувствовал ни намёка на смущение, никакого стыда, только чистую нужду, боль от необходимости быть наполненным.

— В тебе не был никто, кроме меня? — спросил он.

— Только ты.

Взгляд Лукаса пылал, и он открыл крышечку смазки и покрыл жидкостью два своих пальца. Затем он налил немного и на меня, закрыл бутылочку и отбросил её в сторону.

— Я хочу тебя слышать, — сказал он, наклоняясь надо мной и втирая прохладную жидкость между моих ягодиц, сосредотачиваясь на отверстии, но не проталкиваясь внутрь. — Скажи мне, если будет слишком или недостаточно. Я хочу знать, что тебя заводит.

Когда я произнёс: «Да», Лукас не стал терять времени и всосал мой стояк глубоко в рот, и у меня перехватило дыхание.

— Вот чёрт...

Удерживая мой член одной рукой у основания, он ласкал языком мою щель, увеличивая мою нужду почувствовать его внутри себя. Затем Лукас снова заглотил меня, только на этот раз один из его пальцев в смазке ткнулся в моё упругое отверстие. Я тут же напрягся, но прошлый раз помнил так ясно, будто это было вчера. *Расслабься*, — сказал Лукас. — *Выдохни*. Как только я сделал это, палец Лукаса протолкнулся внутрь, останавливаясь, чтобы убедиться, что я в порядке, а затем его длинный палец преодолел первое колечко мышц.

Вот чёрт, ощущение было таким незнакомым, но потому, что это был Лукас, я жадно хотел большего.

— До конца, — сказал я ему, и он подчинился, облизывая губы, когда его палец протолкнулся так глубоко, как мог.

— Боже, ты такой чертовски узкий. Я не могу дождаться, когда вставлю в тебя свой член.

Видения этого было практически слишком, и я сжал зад вокруг его пальца.

Глаза Лукаса поднялись к моим.

— Больше? — спросил он. — Ты можешь выдержать больше? Ответь мне.

Мои бёдра дёрнулись, когда он наклонился, чтобы пососать головку моего члена.

— Да... Да, я хочу больше.

Когда Лукас снова захватил меня в рот, к первому пальцу присоединился второй, толкаясь глубже в мой зад, а затем он начал вставлять и вынимать их, растягивая меня, раздвигая пальцы внутри, подготавливая меня для себя. И чёрт, как я был готов.

Его пальцы потянулись, нашупывая мою простату, и когда он нашёл её, я выругался так громко, что звук отдался эхом.

— Бл*нь, — сказал Лукас. — Мне нужно тебя трахнуть. Сейчас же.

Он вытащил свои пальцы, и я тут же ощутил чувство потери. Отчаянный и нуждающийся, я сжал свой член кулаком, пока он потянулся за презервативом, и когда он увидел, как я выгнулся навстречу своей руке, он зажал свою нижнюю губу между зубов, и его взгляд стал стеклянным.

— Чёрт. Джексон, что ты делаешь?

Эти слова эхом отдались в моей голове, такие знакомые, как дежавю, и затем я потерялся...

— Джексон, — прошептал Лукас, когда я потянулся к верхней пуговице его формы.

— Что ты делаешь?

То, что я делал, было сумасшествием, но у нас было мало времени, и я не смог бы жить сам с собой, если не сделал бы этого. Не показал бы Лукасу, как много он значит для меня.

— Я хочу быть с тобой.

— Но... люди могут узнать. Учителя. Другие ученики. Твой отец.

— Мне плевать, — я наклонился, чтобы поцеловать его, но Лукас отстранился.

— Джексон... подожди. Ты уверен насчёт этого? Ты этого хочешь? Ты не сможешь вернуть всё назад и...

Я взял в руки его подбородок и утихомирил его, проведя большим пальцем по его губам.

— Я хочу этого. С тобой.

— Но...

— Ты тоже хочешь быть со мной, верно?

— Чёрт, — Лукас издал сдавленный звук. — Ты знаешь, что хочу.

Опустив свой лоб к его, я закрыл глаза и сказал:

— Тогда пожалуйста, Лукас. Пожалуйста. Сегодня просто будь со мной.

Мне не пришлось просить снова, потому что затем его рука поднялась вверх по моей шее, чтобы схватить меня за волосы. Он потянул мою голову назад, глядя мне в глаза, убеждаясь, что я знаю, чего прошу, но у меня не было сомнений. В тот же момент, как он увидел это, он ослабил хватку на моих волосах, и я поцеловал его так, чтобы сказать, что уверен в нём, в нас в этот момент, большие, чем в чём-либо за всю свою жизнь...

— Эй, — Лукас опустил взгляд на меня, и его глаза наполнились беспокойством. — Куда ты пропал?

Когда прошлое объединилось с настоящим, я поднял глаза на мужчину, которого вынужден был оставить позади. Если тогда я думал, что хочу Лукаса, то за то время, пока мы были вдали друг от друга, это желание возросло в пять раз.

— Ты мне нужен, — сказал я, мои слова получились сдавленными.

— Я с тобой...

— Внутри меня.

Без слов, я потянулся за презервативом в его руках и разорвал упаковку зубами, и всё это время Лукас смотрел на меня, его глаза только на мгновение закрылись, когда он начал надевать презерватив на свой стояк.

— Джексон, — прошептал он, будто держался за последнюю кроху самоконтроля.

— Пожалуйста.

Одно это слово, и Лукас встал на колени, устраиваясь между моих бёдер, а затем оттолкнул мои ноги назад, чтобы я шире раскрылся для него. Я держал ноги в таком положении, пока он лил больше смазки на свой член.

Головка его члена толкнулась в мою дырочку, встречая сопротивление, и Лукас не спеша скользнул внутрь, позволяя мне привыкнуть к его размеру. На его лбу выступил пот, пока он сдерживался, чтобы не взять меня так, как ему до смерти хотелось. В ту первую ночь Лукас тоже был так осторожен со мной. Но сейчас я не хотел осторожности. Я хотел, чтобы он взял меня.

— Боже... Лукас. Я хочу...

— Чего? Скажи мне, чего ты хочешь, — сказал он.

— Больше. Я хочу всего тебя.

Лукас выполнил мою просьбу, и когда он вошёл в меня по самые яйца, он перестал двигаться, удерживая нас в этом идеальном моменте.

— Ты просто чертовски невероятен, — сказал Лукас, и помоги мне боже, он выглядел так сексуально надо мной, раскрасневшийся, с напряженными жилами на его шее. Капля пота стекала вниз по его лицу, и я подцепил пальцем его — *нашу* — цепочку и потянул его вниз, к себе. Когда я поцелуюм убрал каплю, Лукас снова прижался к моим губам, а затем начал двигаться.

Ощущения его члена внутри меня было практически слишком, как и давления приятной боли, которой я жаждал, и он не проявлял пощады, вбиваясь в меня в темпе, который казался отчаянным.

— Продолжай трогать себя, — сказал он, держа меня за ноги под коленями, чтобы получить угол получше, и я дрочил свой член в такт с движениями его бёдер.

То, что началось как трах, превратилось в нечто большее, нечто напряжённое и глубокое. Меня пьянило осознание того, как я мог выводить этого мужчину из контроля, и за тенью сомнения я знал, что он обладает совершенно такой же властью надо мной. Я не мог насытиться звуком кожи, шлётапающей о кожу, звуками, которые вырывались из его горла, пока он входил меня всё глубже и быстрее. А наблюдать за ним? Чёрт. Эти практически чёрные глаза смотрели прямо на меня в ответ, мышцы на его руках и точёный пресс напрягались, пока он трахал меня так, будто больше не получит шанс на это. Всё это добавлялось к эротическому виду, и от этого у меня закатывались глаза.

— Смотри на меня, когда кончишь, — сказал Лукас, и я был не в силах ослушаться. Я раскрыл глаза, пока копился мой оргазм, пуская ток по спине одновременно с тем, как движения Лукаса стали хаотичными, и когда он кончил, выкрикнув моё имя, его взгляд не отрывался от моего, даже когда веки потяжелели от удовольствия.

Чёрт меня побери, это всё решило. Игра окончена. Мой член пульсировал так сильно, что я думал, что он взорвётся, и горячие потоки спермы забрызгали весь живот Лукаса, и было что-то первобытное в том, как я метил его тело, что заставляло меня думать: *Ты весь мой, Лукас Салливан*. Затем его губы вернулись к моим, его поцелуй былластным и будто клеймил меня.

Схватив полотенце, Лукас вытер нас обоих мягкими движениями, которые не соответствовали зверю, который взял меня полностью, и закончив, притянул меня к себе, его опавший член улёгся снова между моих ягодиц, но то, как он держал меня сейчас, не было сексуально; это было ласково.

— Ты останешься? — произнёс он, зевая, когда на него начал накатывать сон.

— Мхмм.

— Обещаешь?

На этот раз ничего не могло увести меня от него. На этот раз я мог сказать слова, которые не мог сказать раньше. Улыбаясь, хоть он не видел этого, я сказал:

— Обещаю.

На часах на прикроватной тумбочке Лукаса было четыре тридцать, и с каждой проходящей минутой я чувствовал себя всё хуже.

— Я не хочу уезжать, — прошептал я.

— Хорошо, — сказал Лукас, улыбаясь мне в плечо. — Оставайся.

— Если бы я мог.

Он понятия не имел, как сильно я хотел этого. Как я теперь должен был его оставить? Увижу ли я его когда-нибудь снова? У меня было ощущение, что на это не было хорошего ответа. Не такого, который я хотел услышать. Не такого, который я мог принять.

Губы Лукаса слегка прижимались к моей коже, и я сморгнул слёзы, которые, к моей радости, он не видел. Соединённые обнажёнными телами, пока он прижимался передом к моей спине, и наши руки были переплетены на моём животе, и мы лежали на кровати, мои мысли летали со скоростью милю в минуту, пытаясь придумать какой-то способ повернуть время вспять и продлить этот момент навечно. Но когда часы переключились на очередную минуту, затем ещё, затем на час, я знал, что моё время подходит к концу, и у меня не было никаких ответов.

— Солнце скоро встанет, — сказал я, пытаясь сохранять голос ровным, даже когда мне хотелось только плакать. — Мне, наверное, пора идти.

— Ммм.

— Ты заснул?

— Мхмм, может быть.

Затем, с движением, которое опровергало его сонный тон, он перевернул меня на спину и оседлал мои бёдра. Но как только заметил моё выражение лица, он нахмурился.

— Эй, — произнёс он, разглаживая морщинку между моих бровей. — Ты уверен, что ты в порядке? Я не сделал тебе больно?

Он ошибочно принимал печаль на моём лице за что-то, что сделал сам, но я не смог бы скрыть это, если бы и попытался.

— Никогда не чувствовал себя лучше, — сказал я, поднимаясь на кровати, чтобы поцеловать и убедить его. — Честно. Ты никогда не сможешь сделать мне больно.

— Ты выглядишь расстроенным. Я что-то сделал?

— Боже, нет. Лукас, посмотри на меня, — сказал я, приподнимаясь на локтях. — Быть с тобой это... — я даже не мог найти слов. — Больше, чем что-либо, что я мог представить. И последние несколько часов были лучшими в моей жизни. Пожалуйста, поверь в эти мои слова.

— Хорошо, — настороженно произнёс он. — Ты вернёшься сегодня вечером? После моих экзаменов?

Его вопрос положил камень мне на сердце. Как ответить на это, не соврав? Я никогда не стану врать ему, но сейчас я не мог сказать ему правду. Так что я не сказал вообще ничего, вместо этого позволив говорить своим губам, когда притянул его обратно на себя, и мы исследовали друг друга в одном последнем поцелуе.

— Хотелось бы мне, чтобы у нас было больше времени, — сказал я, переплетая наши пальцы.

Лукас поднёс наши руки к своим губам и коснулся поцелуем моих костяшек.

— У нас есть всё время мира, Джексон. У нас с тобой.

Глава 27

Лукас

Джексон сдержал своё обещание. На следующее утро он всё ещё был рядом, лежал рядом со мной на животе, перекинув одну руку через мою грудь, и сопел во сне. Я не хотел, чтобы он проснулся, а меня не было рядом, так что остался в кровати, наблюдая за ним как какой-то маньяк. Время от времени он бормотал что-то несвязное, что вызывало у меня смех, но по большей части он молчал, и я воспользовался возможностью запомнить его лицо и линии его тела. Он действительно был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо видел. Мне потребовались все силы, чтобы не провести пальцем по контуру его сильной челюсти или поцеловать его полные губы.

Но когда вскоре он проснулся, я быстро вспомнил то, что забыл со времён школы, — Джексон Дэвенпорт не был ранней пташкой. Ну, не без крепкого кофе, и в срочном порядке.

Я исправил это, сходив вниз за кофейником, пока Джексон позаботился о яичнице и тостах. Чёрт, такое делали люди после того, как переночевали вместе? Просыпались вместе, готовили вместе завтрак, уходили на работу с поцелуем в щёку и шлепком по заднице.

Ха, — подумал я, наблюдая, как Джейсон мажет маслом тост, стоя в одних боксерах. — Да, может быть, я мог к этому привыкнуть.

— Виноград или клубника? — спросил он, прерывая моё глазение. Когда я встретился с ним взглядом, он подмигнул мне.

— Ни то, ни другое. Мне нравятся грушевые консервы на второй полке или ежевика.

— А, никогда не пробовал ни то, ни другое, — сказал он, открывая холодильник и доставая обе банки, а я подошёл к нему сзади и обвил руками его талию. Потому что мне хотелось этого и потому что он был слишком чертовски неотразимым.

Я поцеловал его шею сзади и сделал глубокий вдох, вдыхая его запах.

— Какой ты предпочитаешь кофе?

— Чёрный.

Я сморщил нос.

— Серьёзно? Даже без сахара?

— Серьёзно, — сказал Джексон. — Почему вы, южане, во всём кладёте сахар?

— Это делает нас слаще.

— Ты имеешь в виду и себя?

— Эй, ночью я был довольно сладким, — сказал я и игриво укусил его за плечо, чтобы показать, каким именно могу быть милым.

— Это ты был сладким? Чёрт. Хотел бы я увидеть, как ты играешь по-грязному.

— Мхмм, — прозвучал таймер на кофе, и я шлётнул его по заднице и пошёл доставать кружки из шкафчика. — Итак, что сегодня на повестке дня?

— У меня, эмм, встреча сегодня днём.

Рука, которой я наливал кофе, дёрнулась, брызгая обжигающей жидкостью на мой палец, и я встрихнул ею.

— Чёрт. Верно.

Встреча. Вся причина, по которой Джексон вообще приехал в Южный Хэйвен. Я чудесным образом забыл об этом за последние двенадцать часов.

— Ты в порядке? — спросил он, беря меня за руку и глядя на ожог. Он был незначительным, но Джексон всё равно включил кран и заставил меня минуту держать палец под холодной водой.

— Спасибо, — сказал я, затем взял кружку простого чёрного кофе и протянул ему.

— Я должен подготовить пару вещей, так что, наверное, скоро поеду обратно в отель, но... я могу увидеть тебя? После?

То, как он казался неуверенным насчёт того, захочу ли я его увидеть, заставило меня улыбаться как дурака.

— Вот, что я тебе скажу, — сказал я. — Я заскочу в отель, как только закончу пару заказов, которые нужно отдать, и мы можем сходить вечером на ужин. Куда угодно. Куда ты захочешь, — затем я добавил: — Я даже надену рубашку. Это значит, что ты определённо должен воспользоваться преимуществом.

— Ты можешь не надевать ничего совсем, и я воспользуюсь преимуществом, — сказал Джексон, и мой желудок сделал сальто, к чему я привык в присутствии этого парня. Но ещё я был слегка встревожен из-за того, что произойдёт, когда Джексон позже придёт на встречу. Он не знал этого, но он шёл в офис к одному из ближайших друзей, которые у меня были в этом мире, и я не хотел, чтобы он потерял свою компанию, как и не хотел, чтобы Джексон потерпел неудачу в чём-то, чего хотел и во что верил.

— Так по поводу работы... Мне пожелать удачи или...?

Джексон взял мой подбородок большим и указательным пальцами.

— Просто скажи, что увидишься со мной сегодня вечером.

Уголок моего рта приподнялся в улыбке.

— Увидимся сегодня вечером.

— Хорошо, — сказал он и нежно поцеловал меня. — Тогда это всё, что мне нужно.

Глава 28

Джексон

Два часа дня четверга, и я сидел в холле «АнаВог», ожидая встречи, которая, по словам секретаря, была по-прежнему в силе. Наконец-то. Но, в отличие от других визитов, мои мысли были в другом месте. Я мог думать только о Лукасе. Как я проснулся рядом с ним, пока он смотрел на меня глазами, которые выдавали что-то большее, чем просто мимолётное влечение, и ещё страх, который я чувствовал от него, когда он высадил меня

у отеля. А прошлая ночь? Боже. Звуки, которые он издавал, когда кончал, вид его сильного, подтянутого тела верхом на моём, пока его член исчезал глубоко внутри меня, и как он смотрел на меня после этого, потрясённый и опьянённый. Мне нужно было сосредоточиться и подготовиться к этой встрече, но я мог только проигрывать в голове наше совместное время и думать, что будет дальше.

— Мистер Дэвенпорт? Мистер Дэвенпорт, он готов вас принять.

Моргнув, я мотнул головой, чтобы очистить её, и понял, что Астрид стоит перед боковой дверью, ожидая, когда я пойду за ней.

— О, прости, — сказал я и затем улыбнулся улыбкой, которая, как я надеялся, показывала, что я держу себя в руках. Поднявшись на ноги, я застегнул свой пиджак, взял свой дипломат, а затем пошёл за ней через дубовую дверь, которая отделяла холл от кабинетов. Офис был совсем не таким, как я ожидал. В то время как в приёмной создавалось элегантное традиционное ощущение, офис был современным, в кабинетах равного размера, расположенных на одной стороне, были стеклянные стены, а на другой стороне было открытое пространство с несколькими столами посередине, вместо отдельных кабинок. Это была приветливая, открытая система, какую я не видел ни в одной компании, которую посещал, и этим меня ещё больше заинтересовал мужчина, с которым я собирался встретиться.

Меня провели в один из минималистических кабинетов, и ничего в этом месте совсем не выдавало гендиректора. Кстати говоря, в кабинете никого не было, и когда я посмотрел на Астрид, она улыбнулась.

— Он сейчас подойдёт к вам. Можете присесть.

Затем она ушла, а я остался стоять, ожидая в кабинете с прозрачными стенами, где чувствовал на себе взгляды со всех сторон. *Что ж, это неловко*. В чём, как я рисковал предположить, и был смысл. Держать меня в напряжении и застать врасплох, предоставляя принимающей стороне ещё одно преимущество. Я начинал думать, что этот парень любитель драматизировать.

Моё предположение подтвердилось, когда кто-то позвал меня по имени, заставляя развернуться... *Чёрт возьми*. Мужчина, который стоял в дверном проёме с походной кружкой из нержавеющей стали, был последним человеком, которого я ожидал увидеть — снова. Мой рот раскрылся от шока, пока я смотрел на большой воротник его белой рубашки, дополненной укороченным чёрным пиджаком и узкими брюками. Это было похоже на то, что надел бы Принц, вплоть до ботинок из змеиной кожи на высоком каблуке. Единственным отличием в этом — как он себя называл, Баш? — было отсутствие красной помады, и его чернильные волосы были разделены пробором, а не зализаны назад.

Он протянул мне руку.

— Приятно официально познакомиться с вами, Джексон Дэвенпорт.

— Эм... — в моей голове стало пусто, я просто отключился, пожимая ему руку. — Себастиан Богель?

Себастиан склонил голову на бок.

— Ты кажешься удивлённым.

— Ты не тот, кого я ожидал.

— Мне стоит на это обидеться? — произнёс он.

— Нет, конечно, нет. Я просто не знал, что мы уже знакомы. Полагаю, *не* официально.

Он улыбнулся, отпуская мою руку.

— Да, ну, я никогда не говорю о работе после рабочего времени. Слишком много другого веселья. Я так понимаю, ты повеселился в пятницу?

Моё сердце загорелось, когда в первую очередь я подумал об обнажённом теле Лукаса под моим. *Повеселился ли я? О да. Можно и так сказать.*

Прочистив горло, я как чёрт пытался помнить, что это важная деловая встреча с компанией, в покупке которой мы были кровно заинтересованы.

— Мне хотелось бы сосредоточиться на том, почему я сегодня здесь, если можно.

— А, конечно. Это было не моё дело. Просто убедился, что местные жители отнеслись к тебе хорошо во время твоего визита, — он обошёл свой стеклянный стол и сел в кожаное кресло. — И я извиняюсь за ожидание. На этой неделе мне нужно было разобраться с несколькими делами личного характера. Уверен, ты можешь это понять.

Ещё как могу.

— Я понимаю. Я ценю то, что ты встретился со мной.

— Не каждый день звонит компания вашего престижа. Я польщён, — Себастиан жестом указал на стул напротив себя. — Прошу.

Расстегнув свой пиджак, я сел и на пол рядом со столом поставил свой дипломат. Я надеялся, что мне понадобится его содержимое, прежде чем встреча подойдёт к концу.

— Польщён, но не заинтересован? — спросил я.

— Ходят слухи, но я редко слушаю сплетни, — Себастиан откинулся на спинку кресла и положил ногу на ногу. — Тебе слово. Что я могу для тебя сделать, Джексон?

Высказывая своё предложение, цитируя факты и цифры, я чувствовал уверенность в том, что Себастиан легко продаётся. «Дэвенпорт Уорлдвайд» были знамениты тем, что получают то, чего хотят, и с количеством денег, которые мы бросали в его сторону, любому было бы сложно отказаться от сделки.

Когда я закончил, Себастиан произнёс:

— Я полагаю, вы разработали предложение?

— Да, — я открыл дипломат, доставая контракт, и подвинул по столу к нему. — Как видишь, мы готовы предложить внушительную сумму, чтобы приобрести права на твою компанию.

Себастиан опустил взгляд, а затем ещё раз посмотрел на цифры.

— Ты пришёл поиграть, — пробормотал он, беря контракт и листая каждую страницу.

— Так и есть. Аналитика в социальном маркетинге — это то, чего отчаянно хотят многие компании, и рынок практически не освоен. Мы верим в ваш бизнес и хотели бы помочь «АнаВог» стать лучшими в своей сфере.

— Хмм, — Себастиан уронил контракт обратно на стол. — Очевидно, вы провели своё расследование, поэтому должны знать, что я не продаюсь.

— Мы знаем. Но ещё мы знаем, что ты умный бизнесмен. «Дэвенпорт Уорлдвайд» может предложить твоей компании связи и ресурсы, в которых она нуждается.

— Кто говорит, что я не могу сделать этого сам?

— Может быть, со временем, но когда всё так быстро меняется, невозможно узнать, будешь ли ты актуален через два, три года или через пять лет. Нужно ковать железо, пока горячо. У нас есть средства, чтобы это сделать, и быстро.

Себастиан сцепил руки и постучал пальцами по своим губам.

— И чтобы это сделать, достичь цифр, которые вы планируете, я так полагаю, ты будешь использовать знаменитый подход своего отца? Разделяй и властвуй?

— Предполагая, что мы получим права на твою компанию, нам придётся провести полную оценку и анализ лучшей стратегии.

— Это не «нет».

— Это не «да».

— Хмм, — произнёс Себастиан, и качнулся на стуле назад, его очерченные подводкой глаза смотрели на меня. — Что ж, это предложение, на которое согласятся многие. Любезно с твоей стороны проделать весь этот путь ради маленького старого меня.

— Компания на пятьдесят миллионов долларов не совсем маленькая.

Улыбка Себастиана стала шире.

— Да, я хорошо справляюсь. Но вот в чём дело, Джексон. Я могу звать тебя Джексон?

— Конечно.

— За все годы, что занимаюсь этим, я понял, что никакие деньги ничего не стоят, если твои люди не счастливы. Ты не будешь лучшим и ярчайшим, сосредоточившись на прибыли.

— Наверняка ты не хочешь сказать мне, что тебе плевать на деньги.

Себастиан хохотнул.

— Мы были достаточно везучими, чтобы у меня было больше денег, чем мне когда-нибудь понадобится. Но приходит момент, когда амбиции превращаются в жадность, а мне это не особо нравится. И я думаю, это обходится недаром, и это моя работа — действовать в лучших интересах моей компании и моих сотрудников.

— Так твой ответ «нет»?

— Я могу кое-что у тебя спросить? Что *тебе* нравится в моей компании?

— Я уважаю твою трудовую этику, и твои идеи изобретательны. Вы захватили нишу, которую нужно заполнить, и ты принял толковые бизнес-решения, — я посмотрел через плечо на дюжины людей, работающих за столами в открытом пространстве. — То, как ты сводишь всех вместе на равных условиях, тоже достойно восхищения.

Выражение лица Себастиана стало задумчивым.

— Ты согласен с методами, которые использует *твоя* компания, когда приобретает все эти другие компании?

«*Nет*» было моей незамедлительной реакцией, и моё краткое замешательство было всем ответом, который был ему нужен.

— Я так и думал, — Себастиан встал и обошёл стол, становясь перед ним, а затем опёрся на него, скрестив лодыжки. — Джексон, ты кажешься умным человеком. Хорошие инстинкты, замечательные навыки убеждения... плюс, ты мне нравишься. Так что я буду с тобой откровенен.

Я раньше не был так потрясён другим человеком на встречах, но ещё никогда раньше никто не читал меня так ясно, и мне было интересно, что Себастиан скажет дальше.

— Ты ненавидишь свою работу, — сказал он.

Ладно, не этого я ожидал.

— Прости?

— Более того, я думаю, ты сильно не согласен со своим отцом и/или он тебе не нравится. Возможно, и то, и другое.

— Какого...? — произнёс я, не в силах скрыть свой шок от его дерзости. — Я не уверен, что побудило тебя делать предположения насчёт моей жизни. Ты не знаешь ничего обо мне или о моём отце.

— Ну, это не совсем правда. Видишь ли, я тоже немного читал о тебе, Джексон, и у меня есть насчёт тебя теория.

Он не может быть серьёзен.

— Не могу дождаться, когда услышу это.

— Ты закончил Академию Южного Хэйвена, не так ли?

— Ты знаешь ответ на это, если искал информацию в интернете.

— Справедливо. Мои поиски не сказали мне только одну вещь, — Себастиан сузил свои очерченные подводкой глаза. — Ты ходил на свой выпускной?

— Прости?

— Твой выпускной. Ты там был?

— Ты это хочешь обо мне знать? Ходил ли я на церемонию? Что это за вопрос?

Себастиан пожал плечами.

— Простой.

Я думал, ответить ли ему, но мне всё же было интересно, к чему ведут все эти вопросы.

— Я уехал за несколько дней до окончания учёбы. А что? — он кивнул, будто ожидал этого ответа. — Не объяснишь, какое отношение это имеет к чему-либо?

— Мне просто нужно было подтверждение того, кто именно ты такой, и теперь я знаю. Я извиняюсь, что поднял вопросы личного характера, но я ценю то, что мы всё прояснили.

— Личного характера...?

Я задумала, какого чёрта он имеет в виду, но затем до меня дошло. Этот парень, Себастиан, Баш, как бы его ни звали, был другом Лукаса, что значило, что он знает всю нашу историю и что именно сделал мой отец. Если Лукас был уверен в нём, это объясняло, почему он понял, кто я, основываясь на факте, что я уехала из Южного Хэйвена до выпускного. В конце концов, это была игра не на равных.

— Ты друг Лукаса, — сказал я.

— Да.

— Близкий друг, я так понимаю.

— Да.

Чёрт. Теперь всё это имело смысл. То, как Себастиан защищал Лукаса в клубе, скульптура в холле, нежелание Себастиана иметь что-либо общее с компанией моего отца. Да... это внезапно стало похоже на заговор.

— Я полагаю, вчера это была твоя лодка? — произнёс я. — Твой дом?

— Виновен по всем пунктам. Прости, что не поздоровался. Я подумал, что лучше не вмешиваться.

— И это ты не вмешиваешься?

— Простое любопытство.

— Значит, поэтому ты нам отказываешь. Потому что разговаривал с Лукасом?

Подождите, Лукас специально саботировал сделку с «АнаВог»? Это была какая-то месть моему отцу? Мне? Он не стал бы этого делать... наверняка не стал бы.

Одна брось Себастиана изогнулась.

— Я никогда бы не принял деловое решение, основываясь на своей личной жизни. Или на личной жизни моего друга.

— Это было бы мудро, будь это правдой.

— Мы попадаем на свои места не потому, что горячимся, так ведь?

— Да, так, — я почесал свою челость. — Как давно ты знаешь, кто я?

— Понял с того момента, как увидел тебя. Как я сказал, я провёл свои исследования, и твои фотографии не сложно найти.

— В отличие от твоих. Ты довольно загадочный гендиректор. Нигде никаких фотографий.

— Может, я скромный? — подмигнул Себастиан. В его теле не было кости скромности, и не казалось, что он против внимания, так что какие бы ни были у него причины, он хотел, чтобы его личность оставалась в тайне. — Но чего я не понял, так это кто ты Лукасу. Он никогда особо не спешил рассказывать нам подробности о мужчине, который разбил ему сердце, только об обстоятельствах твоего... быстрого отъезда. И о последствиях, конечно же.

— Кому «нам»?

— Шоу и мне.

— Ах, верно. Бармен. Кажется, в ту ночь в клубе я попал в ловушку.

— Чистая случайность. Это не часть какой-то продуманной подставы, уверяю тебя.

— Так совсем не кажется.

— Ты злишься, — сказал Себастиан. — На Лукаса?

— Он тебе звонил? Сказал не принимать наше предложение?

Пожалуйста, скажи нет. Пожалуйста, скажи мне, что Лукас не имеет к этому никакого отношения.

— Ты как и я знаешь, что Лукас никогда бы не сделал этого. Я не разговаривал с ним несколько дней, но Шоу сказал, что в город вернулся парень, который разбил Лукасу сердце. Было легко совместить вместе кусочки паззла.

Парень, который разбил Лукасу сердце... После этих слов и подтверждения, что он ни при чём, моя злость утихла, но верх взяла вина из-за того, что я не мог контролировать. На самом деле, зачеркните это — я был зол. Чертовски зол, но срывал своё раздражение не на том человеке. Как я мог винить за что-то Лукаса, даже если он *предупредил* Себастиана, когда это мой отец был виноват, что я никогда не искал Лукаса, и это действия моего отца стали причиной разбитого сердца единственного человека, к которому у меня когда-либо были романтические чувства?

Чёрт, — подумал я, осознание того, что происходит, будто накрыло меня волной. Чувства, которые я испытывал к Лукасу, угасли не только потому, что я думал, что он нашёл кого-то другого, и они не рассеялись за все годы, которые прошли с тех пор, хоть я и думал, что двинулся дальше. Они были всегда, ожидали подходящего времени, и теперь, когда я был здесь... Зачем я думал возвращаться в Коннектикут? Ради работы? Ради того, что осталось от моей семьи? От семьи, которая лгала мне. Которая манипулировала жизнями, чтобы добиться своего. Которая пыталась держать меня вдали от кого-то, кого я любил...

Боже, вот оно что. Я *любил* Лукаса. Я любил его, и приезд сюда только сделал правду более очевидной. Мы только воссоединились, и я понял. Я нутром чувствовал, что этот мужчина, это место — это именно то, где я должен быть. Я не знал как, и даже не знал, *захочет* ли Лукас большего, но знал, что должен попробовать. У нас забрали время, но здесь был наш второй шанс, и я должен был показать Лукасу, какую важную роль он играет в моей жизни. Жизненно важную.

— Джексон? Ты задумался.

Я стряхнул свои блудные мысли. Придётся вернуться к ним позже.

— Прости.

— Всё в порядке. У тебя что-то на уме?

— Ты просто... напомнил мне... — я отмахнулся. — Не бери в голову. Мне пора.

— Подожди. Пока ты не ушёл, мне кое-что интересно, — Себастиан воспользовался тем, что я отвлёкся, опираясь на свой стол и стучая чёрными ногтями по столешнице. — Если бы ты получил контроль над моей компанией... что бы ты сделал?

Разве мы уже не обсудили это?

— Я тебе говорил. Нам придётся провести...

— Нет, нет, не рассказывай мне о том, что сделал бы твой отец. Я хочу знать, что сделал бы *ты*.

Ха. Значит, Себастиан проверял меня, хотел знать, согласен ли я со своим отцом, или у меня есть свои идеи. Похоже, за ярким фасадом скрывались толковые мозги, и я практически улыбнулся от его сообразительности. Пока тишина между нами росла, я вспомнил, как мой отецправлялся с предыдущими приобретениями, и что я сделал бы по-другому.

Какого чёрта. Я уже сбился со счёта. Можно уже говорить честно.

— Я думаю, компания должна остаться такой, какая есть, — сказал я. — Но чтобы двигаться вперёд, было бы разумно нанять специалиста по связям, чтобы ускорить переговоры. Кого-то с опытом и контактами, кто может помочь до того, как ты потеряешь сноровку.

Глаза Себастиана сверкали.

— И где ты предлагаешь мне начать искать такого человека?

Я пролистал свою мысленную картотеку, и на ум пришло несколько имён.

— Я мог бы прислать список рекомендаций. Людей, с которыми я работал в прошлом. Никаких гарантий, что они будут свободны или заинтересованы, но я уверен, ты сможешь сделать предложение, от которого многие не откажутся.

— Это щедро с твоей стороны.

Пожав плечами, я потянулся за контрактом и засунул его обратно в свой дипломат, прежде чем защёлкнуть замки.

— Без проблем.

— У вас безуокоризненный служебный список. Полагаю, это не пройдёт хорошо.

Ты имеешь в виду ярость моего отца из-за потери сделки на пятьдесят миллионов? Я бы рассмеялся, представляя, как взорвётся его голова, если бы это не было скорой реальностью. Но на данный момент мне было плевать. Может, он меня уволит. *Ха. Будет ли это так плохо?*

— Ты правильно полагаешь.

— Мне следует заранее извиниться?

— Я бы не стал об этом переживать. Что будет, то будет, — поднявшись на ноги, я схватил свой дипломат и протянул руку Себастиану. — Но я желаю тебе и «АнаВог» всего хорошего. Спасибо, что уделил мне время.

— Очень жаль, что мы не будем работать вместе над этим делом, мистер Дэвенпорт, — сказал он, крепко пожимая мне руку.

— Почему-то я думаю, что ты хорошо справишься.

Себастиан хитро улыбнулся мне.

— Как и ты. А пока попрощаемся, Джексон.

Попрощавшись, я вышел из его кабинета, и хоть должен был чувствовать тяжёлый вес провала на плечах, я испытывал только облегчение. *Это странно. Как я могу нормально относиться к тому, что только что там произошло?* Но каким-то образом было так, хоть я никогда не предсказал бы такого исхода.

Две вещи я знал точно: мой отец будет в ярости, и компания Себастиана останется нетронутой.

Выходя в холл, я помахал на прощание Астрид и улыбнулся, когда вышел на жару полуденного солнца.

Глава 29

Лукас

Была половина восьмого, когда я зашёл в холл «Роузмонт». Я весь день физически был занят заказами, но мои мысли были полностью сосредоточены на том, что происходило на встрече между одним из моих лучших друзей и моим... ну... кем бы ни был Джексон. И я должен был признать, что нервничал, потому что не мог связаться ни с одним из них, пока Джексон не ответит на сообщение.

Я понятия не имел, чего ожидать, пока осматривал холл, и когда не увидел его, мой взгляд метнулся к бару. Чёрт, я был бы там, если бы всё пошло не по моему, и зная Баша, я знал, что Джексон ни за что не получил то, зачем приехал.

Конечно же, он сидел в баре, верхние пуговицы его рубашки были расстёгнуты, галстук был развязан и свисал с обеих сторон. Он попивал из стакана янтарную жидкость и не заметил меня, пока я не сказал:

— Что такой красавчик как ты делает в баре в одиночестве?

Джексон опешил и поднял взгляд на меня.

— Привет.

— Привет, — сказал я, не сумев прочитать выражение его лица. — Подумал, что найду тебя здесь.

— Ты готов идти? — он собирался встать, и я положил руку на его плечо.

— Сначала допей, — сказал я, занимая пустой стул рядом с ним. — Мне стоит спрашивать, как прошла твоя встреча?

Джексон поднял свой напиток к губам.

— Думаю, ты знаешь ответ на это.

— Ты прав. Зная Баша, я могу догадаться. И даже если бы не знал, мне помог бы тот факт, что ты пьёшь в баре.

Прокатив стакан между ладонями, Джексон смотрел прямо перед собой.

— Я никогда раньше не проигрывал. В плане работы. Но сегодня я просто... потерялся.

— Если честно, у тебя было невыполнимое задание. Сколько я знаю Баша, он никогда не продавался. Ни за какую цену.

— Это я понял, — сказал он и сделал ещё один глоток. — Но знаешь что?

— Что?

— Я никогда не чувствовал себя лучше.

Мой лоб нахмурился, пока я снова изучал его взглядом. Должно быть, он был пьянее, чем показывал.

— Повтори?

Джексон повернулся ко мне лицом, а затем его лицо осветила медленная улыбка.

— Я сегодня потерял сделку. Миллионы долларов ушли. Ты знаешь, что это значит?

— Ты разорён, и мне стоит начать планировать твои похороны?

— Это значит, что мой отец не получит миллионы долларов.

Мгновение, а затем я произнёс:

— Да, он может тебя за это убить.

— Может быть. Но ему ведь они не нужны. У этого ублюдка денег больше, чем ему когда-либо понадобится, — он рассмеялся, когда увидел шок на моём лице. — Да, я сказал это. Он ублюдок, а я идиот, который думал, что его отец не может сделать ничего неправильного. Я просто слишком боялся сделать или сказать что-то и потерять то, что осталось от моей семьи.

Джексон потянулся за моей рукой и положил её на своё сильное бедро.

— Думаю, под виски ты мне нравишься, — сказал я.

Джексон снова рассмеялся, но на этот раз его взгляд опустился на мои брюки и рубашку на пуговицах, и его взгляд стал горячее.

— Я вдруг проголодался.

Я поднял руку в сторону бармена.

— Счёт, пожалуйста.

— Я подумал, что ты согласишься, — сказал Джексон, бросая на бар пару купюр. Затем он сжал мои пальцы, которые лежали на его бедре, и облизнул губы. — Что скажешь, если мы сегодня поужинаем у меня в номере, а не пойдём куда-то?

— Хочешь меня спрятать, когда я потратил время на то, чтобы для тебя принарядиться? — произнёс я с напускным раздражением, а затем скользнул рукой выше по его ноге, подмигнув, когда он остановил меня как раз перед тем, как я смог что-нибудь нашупать. — Я скажу, веди.

— Ты чёртова беда, — сказал он, качая головой, но в его контрастирующих глазах было озорство. Допив свой алкоголь, Джексон встал, а затем протянул мне свободную руку. — Идём?

Не его слова заставили меня сидеть на месте, оцепенев и моргая, глядя на его протянутую руку. Дело было в том, что этот мужчина тянулся ко мне так, будто делал это каждый день, естественным жестом, о котором даже не задумывался. С расстёгнутой рубашкой, которая показывала маленький кусочек его кожи, Джексон выглядел так, будто только что закончил длинный рабочий день и готов был подняться наверх, как мы делали каждый день.

Встав с барного стула, я взял его за руку и позволил ему увести нас из тусклого освещённого бара в шумный холл. Если и были взгляды или шёпот, я их не замечал, мой взгляд застрял на профиле мужчины рядом со мной, в присутствие которого я по-прежнему не мог поверить. Как было возможно, что я даже думал о Джексоне так, что предполагало, что всё зайдёт дальше этой недели? Это было глупо, и я был дураком, что позволял себе снова мечтать, но с каждой минутой, проведённой с ним, я жаждал большего. Всего ещё одну минуту, ещё одно прикосновение, ещё один поцелуй, что вело к неизбежному — ещё одному разбитому сердцу. Я знал, что грядёт полное опустошение, и смирился с этим, потому что не мог держаться в стороне и не мог его отпустить. Это ему придётся снова уйти. И когда это произойдёт, я с этим справлюсь, как и раньше, что было не особо хорошо.

Остановись, просто, блин, остановись. Заткнись к чёртовой матери и насладись им, пока можешь, больной придуорок.

Джексон нажал на кнопку вызова лифта и открыл рот, чтобы что-то сказать, но нахмурился, когда посмотрел на меня.

— Уже передумываешь идти со мной?

— Просто думаю, не ведёшь ли ты меня наверх для того, чтобы надрать мне зад из-за Баша, — сказал я, пытаясь говорить лёгким дразнящим тоном.

Его губы приподнялись в задиристой улыбке.

— Разве тебе не нравится такая прелюдия?

— Только если я буду заранее предупреждён.

— Ты просто напрашиваешься такими словами, — когда Джексон переплёл наши пальцы, я опустил взгляд на наши руки, и мой желудок скрутился в узлы. Это был первый раз, когда я держал кого-то за руку на публике. У нас с Джексоном раньше не было такой роскоши, и я раньше не особо пользовался преимуществами отношений. Это было успокаивающее, его рука держала мою, и, потянув меня вперёд, он положил ладонь мне на щеку. — Обещаю, я не буду надирать тебе зад, пока на это не будет особой просьбы.

Когда я кивнул, он прильнул и поцеловал меня, мягко и без колебаний, хоть мы и стояли в холле, окружённые людьми. Я растаял в поцелуе, в то время как мои пальцы зацепились за шлевки его брюк, удерживая его на месте, но мне не нужно было трудиться, потому что губы Джексона лениво двигались вместе с моими, не спеша.

Если бы я только знал, что произойдёт, может быть, я каким-то образом впечатал бы это воспоминание глубже в свой мозг. Я не знал, что на этот раз, когда наши губы соприкоснутся, наш мир снова навсегда изменится.

Глава 30

Джексон

— Джекс? — этот женский голос нельзя было ни с чем спутать, и когда я открыл глаза и отстранился, чтобы посмотреть на женщину через плечо Лукаса, моя кровь застыла.

Какого... Боже мой. Чёрт, чёрт, чёрт, что она здесь делает?

— Что это такое? — на этот раз слова Сидни прозвенели громче и раздались по холлу эхом, заставляя всех повернуть головы в нашу сторону — не то чтобы она обращала на это внимание. — Джекс, что ты делаешь?

На её лице было замешательство и неверие, пока она переводила взгляд с меня на Лукаса, а затем её глаза опустились на наши руки, которыми мы обивали друг друга.

— О боже, — прошептала она, качая головой и простонав. — О боже.

Я опустил руку с лица Лукаса.

— Сидни, — сказал я, двигаясь в её сторону, но она сделала шаг назад и подняла руку.

— Не приближайся ко мне. Какого чёрта происходит? — её глаза наполнились слезами, когда взгляд переместился на мужчину позади меня. — Кто это?

— Его зовут...

— Нет, не бери в голову, я не хочу знать, — Сидни закрыла рукой рот, будто её могло стошнить, а затем она сглотнула и покачала головой. — Этого не может быть. Это какая-то дурацкая шутка. О боже, я сейчас в обморок упаду.

— Сидни, я... — я даже не знал, что сказать в этот момент, пока она ходила из стороны в сторону. — Что ты здесь делаешь?

Она развернулась в мою сторону.

— Что я здесь делаю? Господи, я подумала, что будет мило удивить тебя и отметить победу в деле «АнаВог». Я даже подумала, что мы могли бы остаться и провести лишние пару дней на пляже. Ты знаешь. Всё как у парочек. Но, кажется, я чему-то помешала.

Я чувствовал на себе взгляд Лукаса. Наверное, он думал, почему она считала, что я заполучил «АнаВог». У меня не было шанса сказать ей, что я упустил сделку; она просто предположила, ошибочно. Чёрт. Что я должен был сказать ей прямо сейчас, что могло бы исправить то, что она только что увидела? На ум пришло только два слова, которые я и сказал:

— Мне жаль.

— Тебе жаль? Правда? — она потёрла свою грудь, возвращаясь к расхаживанию. — Тебе жаль, что поцеловал мужчину, пока должен здесь планировать предложение мне?

Я услышал пару слышимых ахов от кого-то позади нас и сделал глубокий вдох, прежде чем ответить.

— Нет, я не это сказал. Мне жаль, что от этого тебе больно, Сид, и жаль, что ты увидела нас до того, как мне выдался шанс тебе сказать. Но я не сожалею о своих действиях. Больше нет.

Её рот открылся и закрылся несколько раз, как у рыбы, пока она смотрела на меня.

— Мужчина, Джек? Ты всё это время был здесь с мужчиной? Ты издеваешься? — затем она заметила лифт, перед которым мы стояли. — И что, ты поднимался с ним наверх? В свой номер?

— Сид...

— Нет, стой. Меня стошнит.

Господи, что за грёбаное шоу. Я поднял голову к Лукасу, с извинением в глазах, но он напряжённо смотрел на Сидни, пока та пыталась восстановить дыхание. Уже больше людей смотрели в нашу сторону, не в силах перестать подслушивать такой сочный скандал, так что я понизил голос.

— Мы можем пойти куда-нибудь, где меньше людей, и поговорить об этом?

— Я никуда не пойду с тобой. Или с *ним*.

— Не вмешивай сюда Лукаса, пожалуйста. Это между мной и тобой.

Расхаживания Сидни прекратились, и она моргнула, глядя на меня, прежде чем её взгляд переместился к мужчине, который по-прежнему как каменный стоял рядом со мной.

— Ты сказал... Лукас?

Впервые с тех пор, как пришла она, Лукас двинулся, сделав маленький шаг навстречу ей.

— Лукас Салливан, — сказал он, протягивая руку Сидни, которая смотрела на неё, в то время как краска отлила от её лица.

— О боже, — произнесла она так тихо, что я едва услышал, а затем снова попятилась назад.

— Сидни, подожди... — начал я, но она подняла руку.

— Не ходи за мной, Джекс. Не смей ходить за мной.

Затем она развернулась на каблуках и помчалась по холлу и через вращающуюся дверь, исчезая в ночи Саванны. Без сомнений, она уже набирала номер моего отца,

рассказывая ему, какой извращенец у него сын, будто он ещё не знал. Но сейчас я переживал не о реакции отца, а о её реакции. Она всегда была внимательной и доброй, и как я отплатил ей? Был полным придурком и не понимал, кто я и чего — или кого — хочу.

— Чёрт, — сказал я, проводя рукой по волосам и хватаясь за кончики. — Чёрт, чёрт. Я не могу просто так её отпустить. Лукас...

Лукас засунул руки в карманы и коротко кивнул.

— Тогда, полагаю, тебе лучше пойти за ней.

Я выдохнул, расхаживая из стороны в сторону, как делала Сидни, пока думал, что делать. Я не мог взять Лукаса с собой, так как это только снова всё развернёт. Кроме того, нам с ней нужно было поговорить о том, что я долго откладывал, даже до того, как появился Лукас. Чёрт побери, сейчас было худшее время для этого.

— Прости, я не хочу этого делать, но...

— Иди, — сказал Лукас, наклоняя голову к двери. — Пока она не ушла слишком далеко.

Я обхватил ладонями его лицо и быстро поцеловал.

— Я исправлюсь перед тобой, — сказал я, а затем побежал по холлу и через дверь. Я посмотрел налево и не заметил на тротуаре никого в розовом платье, но когда посмотрел направо, она была там, переходила дорогу так быстро, как позволяли её высокие каблуки. Бросившись вдогонку, я бросил один последний взгляд на «Роузмонт» и через окно увидел Лукаса, который смотрел мне вслед, по-прежнему стоя с руками в карманах всё на том же месте, где я его оставил.

Глава 31

Джексон

— Сидни! — крикнул я, догоняя её, пока она переходила дорогу. — Сидни, подожди. Пожалуйста.

— Я сказала тебе оставить меня в покое, — сказала она, не оборачиваясь.

— Ты знаешь, что я этого не сделаю.

— А должен, Джекс. Действительно должен.

Она запрыгнула на тротуар и хотела двинуться, но её нога в чём-то застряла, и она дёрнулась вперёд. Я потянулся за ней как раз перед тем, как она упала на землю, ловя её и медленно опуская на асфальт.

— Ты в порядке?

— Моя туфля, — сказала она, указывая за мою спину, и я повернулся и увидел туфлю на высоком каблуке, застрявшую в трещине дорожки. Я попытался её освободить, но каблук оторвался от остальной подошвы, и когда я, наконец, вытащил её, он свисал с края, оторванный.

— Отлично, — сказала она, её голос надломился, когда она вскинула руки вверх. — Теперь ещё и мои любимые туфли сломаны? Кое-кто наверху меня ненавидит.

— Никто не может тебя ненавидеть, — мягко произнёс я. — Мы всё починим. Куда ты бежала? Где твой отель?

Сидни упрямо молчала, но когда поняла, что я не уйду, склонила голову в сторону здания позади себя.

— Вон там.

— Тогда идём. Давай тебя поднимем.

Я протянул ей туфлю, а затем подхватил девушку на руки, чтобы ей не пришлось идти босиком по грязному тротуару. Она обвила руками мою шею, крепко держась, пока нас пропускал внутрь швейцар отеля.

— Ты не обязан этого делать, — сказала она тихим голосом.

— Нам нужно обсудить пару вещей. На каком ты этаже?

— Подожди. Не надо в мой номер.

Я в замешательстве опустил взгляд на неё.

— В смысле... — она закусила губу. — Мне действительно не помешало бы выпить.

Спустя час и несколько напитков, легковесная Сидни, казалось, не чувствовала никакой боли. Ну, очевидно, это не стёрло события вечера из её мыслей, но, по крайней мере, притупило достаточно, чтобы слёзы прекратились, и она немного успокоилась, даже когда я всё ей рассказал. Всё, начиная с первого раза, когда встретил Лукаса, и заканчивая всем, что произошло с тех пор, как я приехал сюда. Она слушала молча, всё обдумывая, и время от времени перебивала вопросами, на которые я честно отвечал.

Я видел, как её босые ноги раскачиваются вперёд-назад под столом, пока она зубами снимала вишенку с зонтика в своём напитке.

— Джекс, ты на самом деле не обязан жениться на мне, ты же знаешь.

Теперь алкоголь начинал на неё действовать — она начинала путаться в словах.

— Нет? — рассмеялся я. — Спасибо, что спустила меня с крючка.

— В смысле, я всегда думала, что мы это сделаем. Поженимся. Мои родители настаивали на этом, и твои родители настаивали, и я никогда не ставила под вопрос то, что мы в итоге будем вместе. Я просто думала, что это вопрос времени.

— Да уж, — сказал я, болтая виски по бокалу, тот же, который попивал с тех пор, как мы сели в баре отеля. — Ох уж эти наши родители и их грандиозные планы на нас.

— Ммм, да. Спасибо богу за них.

Я усмехнулся на её сарказм, прежде чем повернуть разговор в более серьёзном направлении.

— Ты когда-нибудь думаешь о... Ну...

— Думаю о чём?

— Что бы ты делала, если бы твоя жизнь не была спланирована так, как хотели они?

Лоб Сидни нахмурился, когда она наклонила голову на бок.

— Не знаю. Мне нравится работать на «Дэвенпорт Уорлдвайд», так что мне кажется, что это было хорошим решением... с их стороны, — сказала она. — Но если бы я могла что-то сделать... Не знаю. Думаю, я хотела бы быть мамой.

Её слова меня удивили.

— Мамой? Правда?

— Да, — её щёки покраснели. — Я хочу семью. Мужа, детей, полный комплект.

— Я не думал...

— Ну, мы не особо говорили об этом. Я не из тех, кто торопится катать коляски до замужества, — сказала она, а затем рассмеялась над своими словами. — Ты когда-нибудь думал об этом?

— О чём, о детях? Нет, — сказал я. — Не говорю, что никогда не буду думать, просто это... не приходило мне в голову.

— Интересно, хочет ли их Лукас, — небрежно сказала Сидни и сделала очередной глоток фруктового мартини номер три, а эта мысль электрическим шоком отдалась в моей груди. Поставив мартини, она тоже громко захихикала. — Видел бы ты сейчас своё лицо. Выглядишь ужасающе. Подожди, ужасающе? — она проверила слово, будто искала правильное через алкогольную дымку. — Ужасно?

— В ужасе?

— Именно. Да, ты выглядишь так, будто ты в ужасе. Но я спрашивала не совсем о детях. В смысле, ты когда-нибудь думал о том, что бы делал, если бы не был сыном своего отца?

Если бы не был сыном своего отца... Это был интересный подбор слов, и не то, о чём я когда-либо подумал бы.

— Посмотри на себя, задаёшь сегодня тяжёлые вопросы, — сказал я.

— Может, мне следует стать репортёром-детективом.

Я никогда не видел Сидни с чем-то большим, чем бокал шампанского, и должен был признать, она была весёлой. И забавной. Какому-то парню чертовски повезёт называть её своей. Просто это буду не я.

— В работе я хорош...

— Очевидно, — сказала она. — Только не сегодня.

— Да, да. Только не сегодня. Но если бы я мог что-то сделать... — мне даже не пришлось думать. Слова полились так, будто это было самым естественным в мире. — Мне здесь нравится. Ну, в Южном Хэйвене, прямо за мостом. Здесь так спокойно и мирно, с ощущением маленького городка и...

— И здесь есть Лукас.

— Да. Здесь есть он. Возвращение сюда заставило меня понять, что я никогда бы не уехал. Отчасти я злюсь из-за этого, потому что чувствую, что потерял так много времени, которое должен наверстать, но другая часть меня задумывается, было ли всё это не зря. Вроде того, что мы должны были пройти через всё это дерзко, чтобы ещё больше ценить то, что у нас есть.

— В этом есть смысл. Я думаю, это ещё и самое романтичное, что ты когда-либо говорил, — сказала она, а затем стала серьёзной. — Джекс, прости, что устроила там сцену. Ты просто... удивил меня.

— Эм, думаю, твоя реакция была более чем оправдана. Ты могла бы куда-нибудь там вставить пощёчину, и я не стал бы тебя винить.

— Нет, я не хочу повредить руку об эту твою сильную челость.

— Сломанная туфля, сломанная рука... прямо сейчас мы могли бы разговаривать в отделении экстренной помощи.

— Это лучшая альтернатива, — сказала она, допивая остатки своего коктейля. Затем она подняла бокал. — Я могу получить ещё одну такую штуку?

— Уверена, что хочешь завтра получить похмелье?

— Уф. Ты прав. Вода подойдёт.

Я поймал внимание нашего официанта и заказал один стакан для неё и один для себя, так как мне не особо хотелось сегодня пить. Весь этот разговор о Лукасе только вызвал у меня желание увидеть этого парня, но я не собирался оставлять Сидни, пока мы не придём к единому мнению. Я задолжал ей это.

— Это так многое объясняет, знаешь? — произнесла она. — Не знаю, как я не увидела этого прямо под носом. Как ты не хотел признаваться... У меня было ощущение, что я практически заставляю тебя, — она закрыла лицо руками. — Боже, я почти чувствую облегчение. Я думала, что-то не так со мной. Что просто ты не хочешь меня, и я собиралась найти какой-то способ, чтобы всё получилось.

— Дело было вовсе не в этом, честно.

— Я знаю. В смысле, казалось, ты вообще не хотел никого другого...

— Послушай меня. С тобой всё совершенно в порядке. Ты меня слышишь? Всё. Ты удивительная, и ты заслуживаешь кого-то, кто будет видеть это в тебе и любить тебя так, как ты любишь его. Только то, что это не я, не значит, что какой-то другой парень не перепрыгнет через голову, чтобы добиться тебя.

— Я просто находка, да? — сказала она, перекидывая волосы через плечо. Затем она уловила взглядом свои босые ноги. — Ладно, несмотря на неуклюжесть.

— Эй, это делает тебя ещё более милой. Только не превращай это в привычку, иначе станешь одной из тех девиц в беде.

Хохотнув, она взяла воду со льдом, которую официант поставил перед ней.

— Но у меня есть вопрос, и я надеюсь, что не обидный.

— Давай.

— Ты... ну, знаешь... гей? — она прошептала последнее слово так, будто это был секрет. — В смысле, ты всегда это знал? Как же все те женщины, с которыми ты встречался? Как же я?

На её лице было страдающее выражение лица, и я не сомневался, что она думает обо всех ночных, которые мы провели вместе — а таких было несколько. И хоть это было хорошее время, ничто не могло сравниться даже с пятью минутами с Лукасом. Он будто стёр всё, что было в прошлом, и я едва мог вспомнить кого-то, кто был до него. Конечно же, я не собирался говорить это Сидни, потому что не было причин быть придурком и задевать её чувства. Ей не нужно было знать, что последние несколько лет были переходным периодом. Но в её словах был смысл — гей ли я?

— Я ещё не совсем разобрался в этом, — признался я. — Может быть? Единственный человек, мужчина или женщина, к которому я когда-либо испытывал сильные чувства, это Лукас, а он парень, так что...

— Мне это кажется довольно гейским.

Я поймал её озорную улыбку и ответил на неё своей.

— Полагаю, так и есть, хах?

— Да уж. Но не обязательно вешать ярлык, если не знаешь. Я просто любопытничала.

— Всё в порядке. Это был хороший вопрос. С которым мне скоро придётся разобраться. Но, Сид? — накрыв её руку своей, я сказал: — Не думай, что я не наслаждался временем с тобой. Пожалуйста, выкинь это из головы прямо сейчас.

Сидни снова пожевала губу, а затем кивнула.

— Хорошо.

— Я серьёзно. Ты лучшая женщина, которую я знаю, и любому парню, который захочет быть с тобой, сначала придётся пройти через меня.

— Неплохая идея. Из любовника в старшего брата. Подожди, — она сморщила нос.

— Это звучит немного противно. Вычеркни это.

— Вычеркнул. Мы скажем, заботливый друг — как тебе?

— Намного лучше.

Она улыбнулась сама себе, рисуя сердечко на запотевшем стакане.

— Здесь ты кажешься другим. Более расслабленным.

— Так и есть.

— И ты счастлив?

— Да. Да, здесь я очень счастлив.

— Хорошо. Это хорошо, Джекс, — она стёрла узоры со стакана, а затем вытерла руки о платье.

— Не это я сегодня ожидала застать.

Моя улыбка исчезла.

— Прости...

— Нет, не надо больше этого. Всё нормально. Я буду в порядке, так что не переживай за это. А ты... Думаю, ты теперь будешь намного счастливее, Джекс. Я хочу этого для тебя.

— Я тоже хочу для тебя этого.

— Что ты скажешь своему отцу?

— Не имею ни малейшего понятия, но всё пройдёт не лучшим образом.

Взгляд Сидни опустился.

— Так ты говорил, что понял, что Лукас тот самый, ещё в старшей школе, верно?

— Да, там мы познакомились.

— Джекс, я... — она сделала паузу. — Думаю, ты должен кое-что знать.

— Хорошо, — сказал я.

— Помнишь тот день, когда ты вернулся из Южного Хэйвена? Твой отец был у нас дома, и я подслушала, как он говорил моим родителям, что какой-то парень стал одержим тобой, и поэтому ему пришлось забрать тебя до выпускного. Он беспокоился за твою безопасность.

У меня отвисла челюсть, и мое сердце остановилось на пару ударов.

— Он сказал, что беспокоился за мою *безопасность*?

— Так он сказал. И я помню, он назвал парня Лукас.

— Чёрт возьми, — сказал я, мой мозг чуть ли не взрывался. Но, конечно же, мой отец сказал бы это. Лучше его друзья буду думать, что у меня был бредовый стalker, чем узнают, что его сын развил нечто большее, чем дружба, с другим мужчиной. — Это не... Это была не правда. Никогда.

— Теперь я это вижу, но тогда я испугалась за тебя. Поэтому когда услышала, что Лукас после этого появился в твоём доме, я поверила в то, что сказал твой отец. Мне даже в голову не приходило, что ты мог... отвечать ему взаимностью.

Попридержите чёртовых лошадей.

— Ты знала, что он приезжал в Коннектикут?

На лице Сидни появилось выражение стыда.

— Ну, да. Я один раз видела его на крыльце. Думаю, у нас в тот день был урок тенниса, и твой отец впустил меня и сказал ничего не рассказывать. Что ты испугаешься, если узнаешь, что этот парень тебя нашёл.

— О боже.

— Я не знала, Джекс. Я думала, что помогаю защитить тебя.

Глаза Сидни умоляли меня о понимании, но это была не её вина. Становилось очевидно, что любые связанные со мной дела были спланированы моим отцом.

— Не могу поверить, что он зашёл так далеко, — сказал я, скорее себе, чем ей. — Не могу поверить, что он так испугался того, кем я могу быть на самом деле, что перевернул мир вверх дном, чтобы убедиться, что я останусь покорным сыном.

Я ущипнул себя за переносицу, пока во мне боролись за власть боль, разочарование и злость. Меня предал единственный близкий человек, который остался у меня в этом мире, и ради чего?

— Чёрт, твою мать, — сказал я, ударяя по столу кулаком и заставляя Сидни подскочить.

— Прости, — сказала она. — Может, мне не стоило ничего говорить...

— Нет. Абсолютно нет. Я всегда слишком боялся рассказать кому-то правду, и посмотри, к чему это меня привело. Я думал, что в худшем случае всё потеряю, и под этим я имею в виду свою семью, свою работу, деньги, — я с отвращением фыркнул. — Теперь я знаю, что дело было вовсе не в этом. Худшим было потерять Лукаса. И я потерял его. Но я не допущу, чтобы это произошло снова.

Всё, что я знал, что меня сейчас заботило, это то, что Лукас для меня единственный и был им всегда. Он был моим настоящим и моим будущим, и достаточно скоро я разберусь с остальным. В мире не было никакого количества денег, которое привязало бы меня к мужчине, которого я называл своим отцом. В данный момент, связи, которые соединяли меня с ним, разорвались, и я больше не был его сыном.

Глаза Сидни начали слезиться.

— Мне не хочется говорить тебе это, но зная твоего отца...

— Мне нет до него никакого дела. Больше нет. На этот раз я приобрету что-то более важное. *Кого-то* более важного.

Она колебалась.

— И он достоин тебя, верно, Джекс? Честно?

Это было единственное, что я знал без тени сомнений.

— Честно. Он достоин всего.

Глава 32

Лукас

— Прошу прощения, — раздался позади меня приторно-сладкий мужской голос, пока я стоял посреди «Роузмонт» и смотрел на вращающиеся двери. Не то чтобы Джексон должен был пройти через них снова в ближайшее время, но я не мог заставить себя сдвинуться. Это действительно только что произошло? Женщина, на которой Джексон, по сути, обещал жениться, ворвалась в Саванну с грацией шарового тарана, и он побежал вслед за ней.

Ему пришло, — раздался тихий голос разума откуда-то из дальней части моего мозга. — *Он лучше остался бы с тобой, но не мог просто бросить её.* Так говорила рациональная сторона моего мозга. Иррациональная видела, какой она была опустошённой, и помнила, каково это испытывать, особенно от рук Джексона. Этого было достаточно, чтобы отправить кого-то в психушку — или, в моём случае, в клуб, полный готовых членов, а она не совсем была похожа на такую, кто станет утешать грусть хорошим трахом или тридцатью. Не то чтобы это помогало мне забыть всё надолго, но хотя бы снимало напряжение, прежде чем возвращалось осознание того, что я потерял.

Что он скажет ей о нас? Что это была ошибка? Что он не хотел этого? Или он скажет ей, что это было большее...

— О, сладкий, не грусти, — снова послышался голос, и на этот раз блондин с пирсингом в губе встал передо мной. — Со мной такое тоже один раз было, только он был женат и с двумя детьми, — цыкнул он. — Ох уж эти натуралы. Они никогда не бросают жён. Мы просто их шаловливые эксперименты, прежде чем они возвращаются к жизни моногамии и скучного ванильного секса, — его взгляд опустился на мои бёдра, и он втянул колечко в губе в рот. — Но не переживай. Я могу заставить тебя совершенно забыть о как-там-его-зовут.

Я смотрел на незнакомца, который предлагал себя для утешительного секса. Неделю назад я мог бы согласиться на его предложение. Но сегодня? И трезвым? К чёрту. Мне нужно было убраться оттуда.

Полностью игнорируя его, я направился к выходу, а он крикнул мне вслед:

— Если передумашь, я в номере семьсот четырнадцать!

Да, и теперь все жененые натуралы на отдыхе это знают, — подумал я, доставая из кармана ключи от машины. — *Иди захвати себе одного из них.*

Я запрыгнул в свой грузовик и захлопнул дверь, но я понятия не имел, куда сейчас ехать. Невозможно было сказать, как долго его не будет, так что не было смысла оставаться, но хотел ли я поехать куда-то ещё? Вздохнув, я откинулся на спинку кресла и потёр лицо. Не так всё сегодня должно было пойти. У меня оставалось с ним всего несколько часов, и Сидни нужно было своровать их? Будто не ей повезло видеть его каждый день своего идеального существования.

Чёрт. Зеленоглазый монстр сегодня меня не щадил, но я чувствовал себя эгоистом, чёрт возьми, и разве я не заслуживал этого?

Успокойся, придурок. Он не задержится надолго. Он просто скажет ей, что без ума от тебя, и потом вы пойдёте наверх, и он покажет тебе это.

Пока я смотрел, как люди идут за руки по улице, готовясь к весёлой ночи, я чувствовал нерациональную зависть. Именно таким же я хотел быть, с человеком...

Чёрт, Джексон был там, сидел на корточках рядом с Сидни, которая сидела — почему сидела? — на тротуаре. Они переговаривались, пока Джексон, наконец, не подхватил её на руки. Даже отсюда я видел выражение обожания на её лице, когда она обвила руками его шею. Меня от этого тошнило, но я не мог перестать смотреть, пока они не исчезли в отеле «Монтвью».

Какого чёрта? Отель? Теперь он собирался подняться к ней в номер? Серьёзно? И более того, донести её туда на руках?

Моё сердце колотилось в груди, пока я не начал думать, что оно вырвётся на свободу, и когда кровь начала стучать по венам, гудя в ушах достаточно громко, чтобы заглушить мой здравый смысл, я точно знал, что будет дальше. Я завёл грузовик и выехал с парковки, пока не передумал.

Мне не пришлось проталкиваться через толпу в «Аргос», потому что моё настроение, казалось, объявляло о моём присутствии любому в десяти футах от меня. Шоу стоял за барной стойкой и очевидно был на охоте, судя по взгляду, которым смотрел на своего собеседника, но если я не получил, кого хотел, никто не получит, так что я вмешался в их счастливое маленькое личное пространство, чтобы встать лицом к лицу с Шоу.

Он собирался меня послать, когда я сказал:

— Текилу. Пять шотов, и не наседай на меня.

Раздражение на его лице сменилось замешательством.

— В чём...

— Пять, Шоу.

Минуту он молчал, изучая меня взглядом, а затем извинился перед парнем позади меня и отправил его восвояси. Подозвав одного из барменов, Шоу сказал мой заказ, пока я стучал пальцами по стойке и смотрел на сегодняшнюю толпу. Много завсегдатаев, но и несколько новых лиц. Решения, решения.

Текила появилась передо мной такой, как мне нравилось, без вступления в виде соли или лайма, и я быстро проглотил шоты.

— Он уехал, да?

Я допил последнюю текилу и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Не совсем.

— Хочешь сказать, Джексон ещё в городе? Тогда какого хрена ты здесь?

— Не сегодня, Шоу, — сказал я, разворачиваясь, чтобы уйти, но он схватил меня за руку.

— Не делай ничего чертовски глупого, Лукас.

— Конечно, папочка.

Его хватка стала крепче.

— Я серьёзно. Завтра ты будешь себя ненавидеть. Оно того не стоит.

— Кому есть дело до завтра, Шоу? — сказал я, вырывая руку из его хватки. Я чувствовал огонь алкоголя в груди, который двигался по венам. Вскоре я не смогу ничего чувствовать, и именно этого я и хотел. Так меня никто не сможет тронуть. Мне не смогут причинить боль, не смогут бросить. Это была моя стена защиты, за которую я мог уйти, когда не мог с чем-то справиться. Это был не самый здоровый метод, но медитация или какая-то тупая йога не поможет — не сегодня и никогда.

— Прости, что вмешиваюсь, но... ты Лукас, верно? — стройный и причудливым образом привлекательный парень нервно переводил взгляд с меня на Шоу, а затем робко улыбнулся мне. — Я...

— Мне плевать, — сказал я, прежде чем парнишка успел назвать мне своё имя. Я не хотел имён. Не хотел разговоров.

Схватив его за рубашку, я потащил его на танцпол, когда музыка изменилась, и из громких динамиков зазвучал эротичный ритм. Да уж. На сегодня он сойдёт. Я отвёл парня в глубины клуба и повернулся к нему лицом, самоуверенно улыбаясь и начиная танцевать.

Глаза парня расширились, пока он наблюдал за мной, будто не мог поверить, что я на самом деле согласился танцевать с ним, но затем он усмехнулся в ответ и подошёл ближе, двигая бёдрами и притягивая меня к себе. Я чувствовал, какой он твёрдый под джинсами, и даже через туман в голове я понял, что это неправильно.

Давай, текила, — думал я, закрывая глаза, чтобы не пришлось смотреть на кого-то, кто не был тем самым мужчиной. — *Не подведи меня*.

— Я думал, ты сегодня будешь дома утешать своего мужчину, — сказал мне на ухо Баш, мои глаза распахнулись, и я увидел его рядом, в чёрном комбинезоне с глубоким вырезом, его симпатичное лицо искасала гримаса.

— Как мило с твоей стороны было поднять днём трубку.

Он проигнорировал мой укол.

— Что ты здесь делаешь, Лукас?

— Танцую. Присоединишься?

Он покачал головой, когда за ним появился Шоу. Отлично. Парню уже нельзя просто повеселиться, чтобы эти двое не играли роль совести.

— Игнорируй их и, может быть, они уйдут, — сказал я своему партнёру по танцу преувеличенному шёпотом, а затем потёрся о его бёдра своими, заставляя его застонать.

— Слушай, — сказал Шоу, — очевидно, что-то случилось. Я последний человек, который скажет тебе не веселиться, но ты напрашиваясь на неприятности, приятель.

— С каких пор это что-то новое?

Баш приподнял бровь, глядя на Шоу.

— С прошлой пятницы, не так ли?

— Да, похоже на то, — ответил Шоу.

Я вернул внимание обратно к грязным движениям, пока парень продолжал танцевать позади меня.

— Ребят, я ценю групповой подход, который сейчас имеет место, но мне понравилось бы ещё больше, если бы вы двое занялись своими чёртовыми делами.

— Это нам будет плакаться твоя дурацкая задница, — сказал Шоу, а затем обратился к брюнету через моё плечо. — Потеряйся, парень.

— Не смей никуда идти, — сказал я, потянувшись назад, чтобы остановить его попытку.

Баш вздохнул и посмотрел на свои тёмные ногти.

— Знаешь, я обычно такого не говорю, так как эта дерзость больше в стиле Шоу, но ты действительно тот ещё тупой говнюк, Салли.

— Ты, наконец, это понимаешь, да? Я такой, — сказал я, расставляя руки в стороны.

— Я поступаю вот так.

— Это не обязательно. Иди домой, к Джексону, — сказал Шоу.

— Боже, какая отличная идея, — сказал я. — Ой, подождите. Нет, я не могу этого сделать. Он занят своей невестой.

— Своей, кем? — одновременно сказали они, и выражения их лиц были бы комичными при любых других обстоятельствах.

— Да, женщина, на которой он должен жениться, как раз сегодня приехала в город и застала нас по пути в его номер. Конечно же, он побежал за ней, так что вам придётся меня простить, но я не хочу сидеть и ждал, как чёртов третий лишний.

Глаза Шоу наполнились сочувствием.

— Лукас...

— Он просто снова уедет. Я проходил это раньше. Я знаю, как это работает, — я толкнул Шоу обратно в толпу. — А теперь, будьте добры, отвалите.

Баш встал перед ним и бросил на меня злой взгляд.

— Ты совершаешь ошибку.

— Это моё дело.

— Хватит, — сказал Шоу, взяв Баша за запястье. — Пусть делает, что собирается. Мы не можем его остановить.

— Рад, что ты, наконец, это понял, — сказал я, а затем повернулся спиной к своим друзьям и позволил музыке продиктовать мои следующие движения.

Глава 33

Джексон

Убедившись, что Сидни безопасно добралась до кровати, я вышел на улицу и набрал номер Лукаса. Я не собирался оставаться с ней так долго, но мне нужно было убедиться, что она в порядке, и я не мог отрицать, что стал чувствовать себя лучше после нашего разговора. И всё же, сегодня я упустил Лукаса.

Когда звонок переключился на голосовую почту, я подумал вернуться в отель, но прошли часы, так что он никак не мог быть там. Мне стоило дать ему ключ от своего номера, но в спешке мне это даже не пришло в голову.

Я позвонил снова, и на этот раз он поднял трубку после первого гудка, но было так громко, что мне пришлось отодвинуть телефон от уха.

— Лукас? Лукас, ты где? Я тебя не слышу.

— ...гуляю... занят... — вроде бы услышал я.

— Что?

— Я сказал, что гуляю. У меня появились другие планы, — перекрикивал он музыку.

— Раз уж ты был занят.

— Ну, я уже закончил, так что, мы можем встретиться?

Раздался приглушённый ответ.

— Лукас, ты где? Я приеду туда.

— Не трудись. Хорошей ночи, Джексон.

Связь оборвалась, и я в неверии смотрел на свой телефон. Что на него нашло? Он казался злым, но это он сказал мне идти за Сидни. Что-то случилось после этого? Куда он пошёл?

У меня было плохое предчувствие, и я поймал первое такси, которое увидел.

Чёрт. Я точно знал, где он.

Я чувствовал дежа вю, возвращаясь в «Аргос» почти неделю спустя, делая то же самое, что и в прошлый раз. Ища Лукаса. Но одно я знал наверняка — его друга Шоу найти было не тяжело. Этот парень был огромным, и с его белокурыми локонами он выделялся из толпы, будто на него был направлен прожектор. Я подошёл туда, где он стоял перед баром, попивая из стакана и оживлённо разговаривая с похожим по фигуре парнем.

— Где он? — произнёс я, не беспокоясь о формальностях. Шоу теперь точно знал, кто я такой, хоть мы и встречались всего раз, и если он видел сегодня Лукаса — а я готов был поспорить, что он его видел — тогда он знал, почему я здесь.

Шоу посмотрел в мою сторону, готовый меня послать, но затем посмотрел ещё раз и замер.

— Джексон, — произнёс он, расслабляясь до лёгкой усмешки. — Сегодня никаких хаки?

— Хватит нести ерунду. Я знаю, что он здесь. Где?

— Слушай, я не знаю, что между вами произошло, но...

— Либо ты покажешь мне, куда сбежал твой приятель, либо мне придётся засунуть этот стакан тебе в задницу.

— Мне это может понравиться, — сказал он, втягивая в рот нижнюю губу, а затем со шлепком отпуская её. — Но знаешь, мне начинает чертовски надоедать, что всякие придурки сегодня меня прерывают. Как насчёт того, чтобы ты побегал вокруг и нашёл его сам? Можешь проверить заднюю комнату.

Мысль о том, что Лукас пошёл в какую-то заднюю комнату, только ухудшила пульс в моей голове, и я в раздражении схватился за свою шею сзади.

— Скажи мне. Пожалуйста.

Шоу вздохнул, сделал большой глоток прозрачной жидкости из своего стакана и поставил его на бар.

— Если вы двое устроите скандал, мне придётся тебя увести. Вас обоих.

Я отошёл, чтобы он мог показать дорогу, и он ворчливо плыл через толпу к задней части клуба, дальше, чем я заходил в первый раз здесь.

Пожалуйста, не будь в чёртовой задней комнате. Я не знал, что это такое, но мог догадаться, что ничего хорошего в этом нет.

Шоу резко остановился, и я чуть не врезался в него.

— Вон там, — сказал он, указывая туда, где Лукас танцевал слишком близко с каким-то тупицей, руки которого лежали на талии Лукаса.

Боже, это действительно чёртова дежа вю.

— Иии на этом я вас оставляю, — сказал Шоу, низко кланяясь, умник. — Постарайся его не убить.

Судя по тому, что руки парня бродили по всему, что принадлежало мне, похоже, Лукас будет не единственным, кого мне придётся убить. *Какого чёрта он делает?* Моё замешательство и раздражение поднялись на нотку выше, пока я шёл через толпу к мужчине, который задолжал мне несколько ответов.

— Итак, — произнёс я, подходя к нему. Его рубашка была расстёгнута до середины груди, и на лбу блестел пот, и как бы я ни был зол из-за того, что нахожусь здесь, я не мог отрицать, что этот парень ослепителен. Проблема была в том, что он это знал. — Мы снова здесь, а? Вернулись к отсутствию имён и лёгкому траху?

Лукас удивлённо повернул голову в мою сторону, но удивление быстро сменилось злостью.

— Ого. Она рано тебя отпустила. За хорошее поведение?

— Прости?

— Ты меня слышал.

— Не хочешь объяснить, какого чёрта с тобой сегодня произошло? И что ты здесь делаешь?

— Не особо.

— Я не спрашивал, придурак.

Лукас перестал танцевать и сделал шаг ко мне, становясь почти впритык.

— Иди. К чёрту.

— Нет, к чёрту тебя, Лукас, — сказал я, хватаясь обеими руками за его рубашку и дёргая его вперёд. — Думаешь, для меня это легко? Что я не ставлю на кон всё? Я рисую ради тебя всей своей жизнью. Я иду ва-банк, идиот. А ты здесь кормишься вниманием от людей, чьих имён завтра даже не вспомнишь.

— Я не помню их имён сейчас. Завтра не будет особой разницы.

Я отпустил его, будто он был в огне.

Лукас поправил рубашку и не смотрел на меня, когда сказал:

— Ты уезжаешь, помнишь? Ты приехал, ничего не заполучил, а теперь ты уезжаешь. Ты не можешь говорить, как мне проживать здесь свою жизнь, как и я не могу сказать тебе показать своему старику средний палец.

Я смотрел на него в неверии.

— Думаешь, это не приходило мне в голову?

— Думать об этом и сделать что-то с этим — это две разные вещи. И давай скажем прямо — ты никогда не откажешься от своей карьеры или всех этих де...

— Не смей говорить про чёртовы деньги, — сказал я, мой голос был достаточно острым, чтобы прорезать лёд. — Деньги никогда не были главным.

Лукас наклонил голову на бок и встретился со мной взглядом.

— Нет? Это довольно хороший стимул держать свой зад под контролем, верно? После всего, я не могу представить, что тебя удерживает блестящий характер твоего отца. Или то, как он управляет твоей жизнью.

Мои кулаки сжались, и я практически зарычал, спугнув нескольких свидетелей, танцующих поблизости. Я смерил их мимолётным взглядом и разжал руки, прежде чем засунуть их в карманы джинсов.

— Мы можем не делать этого здесь?

Лукас поднял подбородок в сторону своего партнёра по танцу.

— Я предпочёл бы не делать этого совсем. Если ты не видишь, я занят.

— Дело в Сидни? Ты злишься, потому что я пошёл...

— Мы можем не говорить о твоей девушке? Боже.

— Чёрт побери, Лукас. Ты ведёшь себя нелепо.

— Это я веду себя нелепо?

— Да. Ты ведёшь себя так, будто мы занимались чем-то большим, чем разговаривали. *О тебе*, не то чтобы ты прямо сейчас этого заслуживал, эгоистичный ты дурак.

Тёмные глаза Лукаса вспыхнули.

— Тогда, может, тебе следует уйти.

Может, он был прав. Он не остановил парня, стоящего за ним, который тёрся о его зад, пока мы разговаривали, и было очевидно, что он не планировать делать этого в ближайшее время. Если он пытался что-то доказать, то проделал чертовски хорошую работу. Но я не мог просто уйти. Даже ругаться с ним было лучше, чем не видеть его совсем, даже если он пытался в процессе разорвать моё сердце на кусочки.

— Лукас... всё должно было пойти не так.

Он остановился.

— Верно. Ты думал, что можешь просто вернуться в город, и я щёлкну переключатель и несколько дней буду в полном твоём распоряжении. Сюрприз — это так не работает.

— Я не хочу, чтобы ты был в полном моём распоряжении. Ты не слушаешь ничего, что я говорю? Я пытаюсь сказать, что хочу тебя...

На моё плечо легла тяжёлая рука, и я поднял взгляд — высоко вверх — на парня в майке с надписью «Охрана» спереди.

— Видел, вы, мальчики, устраиваете сцену. Он тебя беспокоит, Лукас?

Конечно же, Лукас близко знал всех в этом месте, и пока охранник ждал ответа, Лукас сузил глаза, глядя на меня.

— Да, он немного болтливый. Я справлюсь.

— Прости, нельзя рисковать. Ему придётся пойти со мной, — сказал охранник.

— Мы просто разговариваем, — сказал я, и когда охранник посмотрел на Лукаса за подтверждением, Лукас пожал плечами.

— Забирай его. Мне плевать, — затем он посмотрел мне прямо в глаза. — Ему всё равно здесь больше не рады.

Глава 34

Лукас

Было практически достаточно той боли, которая мелькнула на лице Джексона, когда я словесно ударил его и дал выгнать его из клуба, чтобы поставить меня на колени в мольбе о его прощении. Но затем я вспомнил, почему сегодня пришёл в клуб, почему у нас не было будущего, и боже... Прямо сейчас я не мог с этим справиться. Так было легче. Легче, если бы он ненавидел меня и оставил в покое. Ещё несколько часов или дней, или что он хотел дать, только сделают хуже, когда он уйдёт.

По крайней мере, так я себе говорил, даже когда моё сердце ныло в груди, угрожая перестать биться совсем.

Чёрт. Было бы легче, намного легче, найти случайного незнакомца для секса. Такого, как этот парнишка, с которым я танцевал, когда не нужно было его имя. Мне не нужны были разговоры. Мне нужна была только узкая задница для моего члена и кайф, который приходил вместе с этим.

Всё это было бы предпочтительнее того, чтобы с головой уходить в свои чувства, и это хорошо меня обобщало, не так ли? Я был готов рискнуть шансом на *что-то* настоящее ради быстрого траха, чтобы на пять минут отвлечься от своей жизни.

Когда я стал этим человеком? На эту часть ответить было достаточно легко. Превращение в шлюху-которая-не-дёт-ничего-больше-траха началось после потери родителей, разрослось в полную силу, когда я оставил своё сердце на пороге Джексона в Коннектикуте, и завершилось со смертью бабушки. Будто это была вина кого-то угодно, но не моя. Я мог весь день обвинять каждого человека, который приходил и уходил из моей жизни, но это не меняло того факта, что я сделал всё сам, загнал себя в эту дыру. Я так мало думал о своей значимости, что основывал свою ценность вокруг действий других.

Я толкнул парня в грудь, пятясь назад, вдруг чувствуя головокружение.

— Не сегодня, — сказал я, и он, должно быть, решил, что вся драма этого не стоила, потому что ушёл раньше, чем мне пришлось просить снова. Я быстро определил, стоит ли мне вытошнить в туалете все свои кишечки, прежде чем решил, что свежий воздух и кусочек унижения — варианты получше.

Я прошёл мимо Баша и Шоу, пробираясь через толпу, и они мудро не сказали ни слова, но я чувствовал спиной их взгляды, направляясь к выходу из клуба. Я ни за что не мог сегодня сесть за руль, так что придётся взять такси и подумать, куда сбежал Джексон, чтобы...

Я толкнул дверь, и через аллею, у кирпичной стены, положив руки на колени, сидел Джексон. Он выглядел чертовски плохо, будто постарел на десять лет за минуты с тех пор, как я его видел, беспокойство и грусть отпечатались на его лице, и его галстук беспорядочно свисал на воротнике рубашки. Он встретился со мной взглядом, а затем посмотрел мимо меня, будто чтобы посмотреть, с кем я выбрал провести остаток ночи, но когда дверь захлопнулась, оставляя меня и только меня, на его лице отразилось облегчение.

Теперь, прия сюда, где хотел быть, я не знал, что сказать. Между нами повисла неловкая тишина, и Джексон поднялся на ноги и отряхнул брюки.

— Я... думал, ты ушёл, — наконец сказал я.

— Нет.

Я посмотрел вдоль аллеи, где всё ещё тусовались несколько маленьких группок людей, достаточно далеко, чтобы быть вне зоны слышимости.

— Надеешься, что тебе повезёт, или...

— Жду тебя, — Джексон сделал шаг навстречу мне. — Только тебя, — ещё один шаг. — Всегда тебя. Даже когда ты чёртов придурок.

Мои глаза яростно щипало, когда он подошёл ещё ближе, и ещё сильнее, когда он потянулся, чтобы положить руку на мою щеку. Я прильнул к его прикосновению и закрыл глаза, чтобы оставить слёзы там, где им было место. Вот это, прямо здесь, было то, от чего я бежал. У мужчины, который сейчас меня успокаивал, была сила сломать меня. Как я просто опустил всю свою защиту, когда он мог передумать в любую секунду? Я сделал глубокий дрожащий вдох.

— Я не знаю, как это делать, — признался я.

— Я тоже. Я даже не знаю, с чего начать. Но, Лукас, посмотри на меня, — я открыл глаза и увидел понимающий взгляд Джексона, и он держал моё лицо обеими руками. — Я знаю, глупо продолжать притворяться, что мы ничего не значим друг для друга. Ты можешь весь день напролёт говорить мне отвалить, уйти прочь, но я никуда не пойду. Я

знаю, ты не имел в виду ничего из тех ужасных вещей, которые сказал, так что перестань бороться со мной. Пожалуйста.

Стыд, который я чувствовал в тот момент, когда он увидел меня насквозь, я запомнил навсегда. Пока руки Джексона держали меня на месте, заставляя смотреть ему в глаза, мне пришлось встретиться со своими демонами, один за одним, начиная с необдуманных реакций, острого языка, неспособности впустить кого-то, кто обладает силой причинить мне боль... Я не заслуживал быстрого прощения Джексона или его сочувствия, но нуждался в этом, так же сильно, как нуждался в нём.

— Прости... — сказал я, дрожа от искренности своих слов, и вцепился в его рубашку, молча умоляя. А затем я послал тишину к чёрту, потому что его прощение мне нужно было больше воздуха. — Джексон, мне так жаль. Ты прав; я не имел в виду ничего из того, что сказал. Боже, я так обляжался... Пожалуйста... пожалуйста, прости меня. Скажи мне, что я не испортил всё полностью, прежде чем у нас вообще появился шанс. Скажи мне, что хочешь попытаться и что меня можно исправить. Скажи мне, Джексон, пожалуйста.

Джексон провёл большим пальцем по моей щеке, и я чувствовал, как его глаза изучают моё лицо, даже когда я не мог поднять взгляд на него. Затем он прижался своим лбом к моему и прошептал:

— Я прощаю тебя. Но, Лукас, ты должен перестать отталкивать меня.

По моему лицу потекли горячие слёзы, пока я стоял и крепко держался за его талию, и руки Джексона обеспечивали утешение, в котором я нуждался, чтобы опустить свои стены. Если бы сейчас кто-то прошёл мимо и увидел меня, они не поняли бы, кто я, или что на меня нашло. Но я знал. Я всегда знал.

Джексон Дэвенпорт пробрался в мою душу давным-давно, и, чёрт побери, он никогда её не покидал.

Глава 35

Лукас

На следующее утро я проснулся с болезненной пульсацией в голове, но смесь текилы и прикуролизма способна и не на такое. Повернув голову на подушке в сторону Джексона, который лежал лицом ко мне и всё ещё спал, хоть его лоб был нахмурен, будто ему снился плохой сон, я на мгновение подумал о том, чтобы разбудить его. Но если он вспоминал словесные нападки, с которыми я накинулся на него прошлой ночью, то я, наверное, был последним человеком, которого он хотел видеть.

И всё же, я был рад, что он здесь. В моей кровати, где до него не просыпался никто другой. После того, как Джексон отвёз мой грузовик домой прошлой ночью, мы раздельно приняли душ, так как наши раны, нанесённые друг другу, всё ещё были свежи, и я знал, что мы проснёмся и разберёмся со всеми последствиями вместе, но на ночь было достаточно просто... быть. Я дал Джексону боксеры и майку, чтобы ему было в чём спать, а затем отдернул одеяла, и он забрался в кровать рядом со мной, наблюдая за мной, пока его веки не потяжелели, и им не завладел сон. После этого я некоторое время не спал, запоминая каждый момент, на случай, если это больше никогда не повторится, а затем наконец погрузился в сон, как раз когда над горизонтом выглянуло солнце.

Я натянул шорты и захватил из ванной свою зубную щётку, чтобы воспользоваться ею в ванной в конце коридора, чтобы не разбудить Джексона. Быстро умывшись, я надел сланцы, которые оставил в кладовке, и вышел во двор.

Когда у меня много чего было на уме, я ходил в два места — на один из частных пляжей или за советом к человеку, на которого всегда полагался, ожидая правды.

Я шёл мимо магазина, к лесу на краю территории, глубоко вдыхая запах жимолости в воздухе и мысленно напоминая себе подстричь траву на этой неделе. Она выросла после всех дождей, и пока лето шло в своей манере, лило всё чаще.

Остановившись под магнолией, которая была у бабушки любимой, я сорвал цветок с одной из веток, а затем осторожно положил его у надгробия, которое установил после её смерти. Затем я смёл опавшие листья с двухместной скамейки поблизости, которую поставил, чтобы не приходилось сидеть в грязи, когда прихожу в гости, и сел, задумываясь, с чего начать сегодняшний разговор.

— Привет, ба, — сказал я. Над моей головой пролетел коричневый пересмешник, чирикая в ответ, и я улыбнулся. — Поболтаем?

Глава 36

Джексон

Кровать со стороны Лукаса была пустой, когда я проснулся, но когда я провёл рукой по простыне, где он спал, там всё ещё было тепло. Он встал не так давно.

Перевернувшись на спину, я закрыл рукой глаза и вспомнил прошлую ночь и то, насколько иначе всё могло бы обернуться. Я понимал, почему Лукас отреагировал так, как отреагировал; я просто не ожидал, что Сидни будет пусковым механизмом, не после того, как рассказал ему, что чувствую — или не чувствую — к ней.

Этот мужчина так боялся впустить меня, что решил саботироваться. Что ж, со мной это дермо не пройдёт. Если мне придётся доказать ему, что между нами всё реально, то я это сделаю.

Моё внимание привлекла тихая вибрация, и я посмотрел на прикроватную тумбочку, где от входящего вызова засветился мой телефон. Часы на экране показывали одиннадцатый час — чёрт, я проспал — но человек, который звонил, был под неопределённым номером. Многие мои весомые клиенты предпочитали держать личные номера в тайне, так что я принял звонок и сел.

— Джексон Дэвенпорт у аппарата.

— Доброе утро, Джексон. Это Себастиан Вогель.

— Себастиан, — произнёс я, приподнимая брови. А вот это был сюрприз. Прошлой ночью он видел эпичнуюссору между мной и Лукасом? Или это был звонок по поводу бизнеса? Я не ожидал услышать его снова после того, как вчера ушёл из его офиса. — Передумываешь насчёт моего предложения?

Себастиан хохотнул.

— Люблю настойчивых мужчин.

— Как и я. Это было «да»?

В трубке раздавался булькающий звук, будто кипела вода.

— Я тут думал и хотел бы, чтобы ты попозже заскочил ко мне в офис. Нам с тобой есть что обсудить.

— Значит, ты передумываешь насчёт моего предложения. Подошло бы простое «да» или «нет», — бульканье становилось громче. — Ты в джакузи?

Он проигнорировал комментарий и сказал:

— Это не имеет никакого отношения к твоему предложению, и я не намереваюсь передумывать насчёт того, что мы раньше обсуждали.

— Тогда чего ты хочешь, Себастиан?

— Поговорить.

Я нахмурился, задумываясь, что ему нужно. Я смутно подозревал, что это был личный звонок.

— Если это по поводу меня и Лукаса...

— Уверяю тебя, у меня нет интереса вмешиваться в личную жизнь моего лучшего друга. Что бы ни происходило между вами двумя может остаться между вами, хоть я и надеюсь, что вы окажетесь в лучшем месте, чем вчера ночью.

Aa, так он слышал о нашей маленькой перепалке.

— Тогда в чём дело?

Я практически чувствовал улыбку в его голосе.

— Может и ни в чём. Но у меня есть к тебе предложение, если ты хочешь меня выслушать...

Глава 37

Лукас

Возможно, это было глупо, но разговор с бабушкой всегда шёл мне на пользу, даже если это было одностороннее общение. Когда она была жива, то заставляла меня сидеть за кухонным столом, пока готовила своё знаменитое печенье «Красный бархат» с трещинками, а затем настаивала, чтобы я рассказал ей все подробности о том, что происходит, чтобы мы могли разобрать проблему и исправить её. В этом она была потрясающей, и без неё я чувствовал себя потерянным.

Вытянув ноги, я провёл ладонями по своим шортам.

— Наверное, ты знаешь, почему я здесь.

Я практически видел разочарованное выражение её лица, пока она готовилась послушать о том, в какой беспорядок я попал теперь.

— Да, я сделал кое-что чертовски глупое. Что для меня обычно, наверное.

Ох уж твой язык, Лукас, — сказала бы она. — *Твоей маме стоило чаще мыть тебе рот с мылом, маленький ты дикарь*. Затем она бы взъерошила мне волосы и поцеловала бы в макушку, будто мне было восемь. И за это я любил её ещё больше.

— Я знаю, что бы ты сказала. Ничто не вечно и не может быть исправлено, и я полагаю, что насчёт этого ты права, — я опустил взгляд на свои руки, помеченные шрамами из-за работы по металлу. — Джексон вернулся, ба, — сказал я. — Полагаю, эта часть, где ты говоришь: «Я же тебе говорила», потому что ты всегда говорила, что однажды он вернётся, а я никогда тебе не верил. Потому что я такой, верно? Всегда думаю о худшем, потому что это легче, чем надеяться и разочароваться.

Я пожевал свою губу.

— Я испробовал всё, чтобы избавиться от него. Я был злым. Отталкивал его. Игнорировал его. Я говорил ужасные вещи. И подвох в том, что я не имел ничего из этого в виду. Так зачем пытаться причинить ему боль, а? Наверное, это потому, что в процессе этого он тоже делает мне больно, и я чувствую, что заслуживаю этого.

Солнце светило через деревья, и я едва заметно улыбнулся.

— Ты судишь предвзято и сказала бы, что я заслуживаю только счастья. Но это только потому, что ты меня любишь и должна смотреть сквозь мои ошибки.

Подвинувшись к краю скамейки, я поставил локти на колени и стёр с лица остатки сна.

— Правда в том, что мне страшно. Мне так чертовски страшно, что я раскрою своё сердце, а затем развернусь, и его уже не будет. Тогда мне придётся начать жизнь заново, и я не... не думаю, что могу это. Не снова. Чёрт, ты помнишь прошлый раз. Когда я вернулся из Коннектикута, я был в беспорядке, так что представь это в десять раз хуже. Да уж. Это будет не весело. Твой мальчик Лукас самоликвидируется, и наверняка Джексон не хочет, чтобы это было на его руках.

Отличный способ всё развернуть и использовать чувство вины, чтобы всё шло по-твоему.

Мои губы дёрнулись вверх по краям, пока я представлял её лекцию.

— Да, да. Ты бы сказала, что это просто риск, на который я должен пойти, потому что так ты поступаешь ради людей, которые тебе дороги. Ты выкладываешь всё своё сердце, не прося ничего в ответ. Но если ты получаешь что-то в ответ, что ж, это просто сливки, — хохотнул я. — Думаю, ты выразилась лучше. Видишь ли, проблема в том — а это проблема, так что не пытайся говорить мне обратное — я... люблю его. Джексона. Я тебе это говорил, но у меня никогда не было шанса сказать это ему, и, ба... Я не думаю, что когда-либо переставал. В смысле, если ты действительно кого-то любишь, это не уходит просто потому, что он решает, что не любит тебя в ответ, верно? Или потому, что он уезжает? Это не переключатель, который ты можешь выключить, потому что, поверь мне, я пытался.

Пара кардиналов присоединилась к тому, который сидел на ветке и наблюдал за мной, и я покачал головой.

— Теперь приглашаешь моих родителей присоединиться к нашему личному разговору? — поддразнил я. Птицы чирикали друг с другом, туда-сюда, прежде чем двое новоприбывших снова улетели прочь.

— Теперь я понимаю, почему ты так и не вышла замуж после дедушкиной смерти. Я понимаю, что ты не могла даже смотреть на кого-то другого, потому что это не могло сравниться с тем, что было раньше, а тогда в чём смысл? Я чувствую то же самое к Джексону. Он единственный мужчина, которого я встретил и сразу *понял*, что он должен быть рядом, и все остальные отпадают, когда я сопоставляю их с ним. Но я так долго проходил через это, что легче оставаться закрытым и быть самому по себе. Зачем просить его терпеть моё сумасшествие? — усмехнулся я. — Прямо сейчас ты бы говорила мне, что самому по себе мне не будет хорошо, потому что, что будет со стиркой? Я дам тебе знать, что разобрался с этим, и теперь, когда мои майки становятся розовыми, это происходит специально.

Вздохнув, я сказал:

— Ты бы сказала мне, если бы я допускал ошибку, так ведь? Может, дай мне какой-то знак... пошли очередной тропический шторм, — улыбнулся я. — Кстати, тогда это был блестящий шаг. Спасибо.

Я замолчал, повис вопрос, который был на переднем плане моих мыслей.

— Что если... — я закрыл глаза. — Что если бы я хотел, чтобы он остался? Попросить его остаться здесь со мной и дать нам шанс? Ему придётся отказаться от жизни в Коннектикуте, а это кажется чертовски эгоистичным, но... полагаю, я эгоист. Я не могу представить своей жизни без него теперь, когда он здесь. И не хочу, — опустив голову на руки, я сказал: — Здесь тебе придётся мне помочь. Я не... не знаю, как сказать ему что-то из этого. И стоит ли.

— Ты только что это сделал, — произнёс за моей спиной Джексон.

Я подскочил со скамейки и развернулся в мгновение ока. С босыми ногами и в той же одежде, в которой спал, Джексон стоял всего в нескольких шагах.

— Как много ты слышал? — спросил я.

— Достаточно.

Моё сердце хаотично колотилось в груди. Не так всё должно было пойти. Я не был готов, чтобы Джексон узнал о моём глубочайшем страхе — что он оттолкнёт меня в сторону, будто я ничего не значу.

— Может, ты развернёшься, пойдёшь обратно в дом и притворишься, что не слышал, — сказал я, наполовину шутя, наполовину пребывая в ужасе.

— Ну и зачем мне это делать, — сказал он, делая шаг вперёд, — когда я так долго ждал, чтобы ты, наконец, открылся мне? — затем он посмотрел мимо меня на бабушкину могилу. — Ну, не намеренно *мне*, так что это хорошо, что я тебя поймал.

— Подслушивать не вежливо.

— Плевать, — он обошёл скамейку и встал передо мной. — Скажи мне.

— Сказать тебе...?

— Всё то, что сказал бабушке, что слишком боялся сказать мне. Я хочу, чтобы при этом ты смотрел мне в глаза.

Моё горло сжалось от мысли, что нужно смотреть на Джексона, пока буду изливать чувства. Одно дело быть честным с кем-то, кто не мог ответить; совсем другое — нырять в свои страхи с головой. Боже, когда я стал кем-то, кто осторожничает при сложностях? *Просто скажи это, чёрт побери.*

— Лукас, я понимаю, каково бояться открыться снова, — сказал он. — Когда обжигаешься так много раз, как ты, не хочется рисковать и играть с огнём. Поверь мне, я понимаю. Но мы никогда ни к чему не придём, если ты не поговоришь со мной.

— Как мы вообще должны к чему-то прийти? Всё это временно. Мимолётно. Ты теперь вернёшься в Коннектикут в любую минуту, а я по-прежнему буду здесь, и мы будем в разных мирах. Снова. Так что, пожалуйста, скажи мне, что хорошего тебе принесёт знание о моих чувствах. Это ничего не изменит.

— Это всё меняет, — взгляд Джексона проникал в меня насквозь. — Разве тебе не нужно ни о чём меня попросить? О чём ты говорил бабушке?

— Я скажу тебе ещё раз: подслушивать не вежливо.

— Может быть. Но это единственный способ вытащить из тебя правду. Я не умею читать мысли, и ты послал несколько противоречивых сигналов, так что если ты чего-то хочешь, мне нужно, чтобы ты просто признался, Лукас, — сказал он, слегка проводя пальцами по моей руке, оставляя по пути мураски. — Попроси меня.

Когда ладонь Джексона добралась до моей, он переплёл наши пальцы, давая мне необходимую уверенность. Чтобы довериться. Чтобы кого-то впустить. Нет, не просто кого-то — *его*.

— Останься, — прошептал я. — Останься здесь. Со мной. Будь со мной... хотя бы попробуй.

— Зачем?

— Потому что я эгоистичный ублюдок, и ты мне нужен.

Джексон улыбнулся.

— Это хорошая причина. Что-нибудь ещё?

— Чёрт возьми, Джексон, ты знаешь, что я чертовски схожу по тебе с ума, и единственная причина, по которой я соберусь и покажу свой зад, — это то, что я люблю тебя. Вот. Ладно? Я люблю тебя. Я любил тебя даже в той уродской школьной форме, я любил тебя, когда думал, что ты меня ненавидишь, и я по-прежнему люблю тебя, хоть ты заставил меня сказать это уже двадцать раз. Теперь ты останешься?

Глаза Джексона весело блестели, и его улыбка, такая огромная, белоснежная улыбка, сияла только для меня.

— Раз уж ты так мило попросил...

— Если скажешь «нет», мне уже придётся тебя заставить. Выбирай с умом.

— Я люблю тебя, Лукас Салливан. Ты это знаешь?

От этих слов из уст Джексона моё сердце разрослось в груди, но наряду с этим пришёл страх. Я всё равно ждал части с «но», ждал бомбы, и зажмурился, чтобы не пришлось смотреть ему в лицо, когда это произойдёт.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Пожалуйста... не говори, что любишь меня, если уедешь. Если ты серьёзно, то, пожалуйста, люби меня достаточно, чтобы не говорить это, если просто всё равно завтра уедешь.

— Лукас. Лукас, открай глаза, — сказал он, поднимая мой подбородок. — Я действительно люблю тебя. И ничто не заставит меня снова уйти от тебя. Не в этот раз.

Моя улыбка стала такой большой, что я чувствовал, как моё лицо практически раскалывается пополам.

— В таком случае, надеюсь, ты знаешь, во что влип, Дэвенпорт. Ты теперь застрял со мной.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Но, Лукас, — лицо Джексона стало серьёзным. — Что случилось прошлой ночью? Никогда больше так не делай.

— Какую часть?

— Все. Ты сбежал, не говорил со мной, неразумно злился, позволил какому-то козлу тебя трогать...

— Хорошо, хорошо, я понял.

— Уверен? Я могу продолжить.

— Не нужно. Я уже знаю, какой я дурак.

— Может быть, но ты *мой* дурак.

— Думаю, с этим я могу жить.

С дерева раздался громкий щебет, и я отстранился от Джексона, смеясь.

— Бабушка одобряет.

— Правда? — Джексон посмотрел на надгробие. — Мне стоит пойти поздороваться.

И, ты знаешь, — он подмигнул мне, — попросить разрешения встречаться с её внуком.

Глава 38

Джексон

Отпросившись с работы и воспользовавшись долгожданным отпуском, следующие несколько дней я провёл в смешении ног, запутавшихся в простынях, в душе, помечая каждую часть дома Лукаса...

Это было чёртово блаженство.

Не говоря о том, что я не особо знал, с чем придётся встретиться, когда буду разбираться с несколькими своими обязанностями — а именно, с отцом, с работой и переездом — но сейчас мне нужно было, чтобы Лукас знал, что я никуда не денусь. Нам нужно было это время, чтобы воссоединиться, и ещё это дало мне шанс посмотреть несколько квартир на острове, пока я не буду готов к чему-то более постоянному. Конечно, Лукас вдавался в размышления каждый раз, когда я поднимал эту тему.

— Я не понимаю, почему ты не можешь просто переехать ко мне, — сказал он на следующей неделе, пока мы отдыхали на его кровати, прежде чем придётся встать и готовиться ко дню. Пока я просматривал несколько вариантов, которые мне прислал риелтор, Лукас неодобрительно смотрел со своего места у мягкого изголовья.

— Лукас, мы уже говорили об этом.

— Просто подумай, как будет неудобно, если ты будешь не здесь. Нам придётся каждую ночь решать, где спать. Покупать всего по два набора, чтобы было и у тебя дома, и у меня.

— Так же неудобно, как, скажем, Коннектикут? — это сразу же его заткнуло, и я усмехнулся. — Я так не думаю.

Он опустил скрещенные руки и подвинулся ближе ко мне, кладя подбородок на моё плечо.

— Ты ведь не решишь, что тебе больше нравится спать одному, верно? Мне бы не хотелось привязывать тебя к своей кровати, чтобы ты не мог уйти.

— Не хотелось бы, а? — произнёс я, улыбаясь, а затем быстро поцеловал его, что только вызывало у него стон, когда я отстранился.

— Ты не можешь просто поцеловать меня и упомянуть связывание, когда я знаю, что ты под этим одеялом голый... — его рука прошлась по моему бедру, и член подскочил от его прикосновения. — Видишь, думаю, ты хочешь, чтобы я тебя прервал. Ты *не очень* хочешь смотреть на эти скучные квартиры.

— Ты ходячая проблема, — сказал я, откинув голову назад, когда Лукас несколько раз медленно погладил мой член, поднимая меня от полузаинтересованности к состоянию чёрт-я-никогда-не-встану-с-этой-кровати.

— Я ненасытный ублюдок, что я могу сказать?

— И именно поэтому мне нужна своя квартира. Иначе мы никогда не сделаем никакую работу.

— Я не согласен. Я думаю, «Джексон: профессиональный обогреватель для кровати и секс-раб» — это идеальная приличная работа.

Смеясь, я поднялся на колени и прижал его к матрасу одной рукой, пока другой обводил изгибы и узоры его татуировки дракона, которая обвивала его плечо и переходила на грудь.

— Я бы не стал много об этом болтать, иначе кто-то может предложить мне ставку получше, — поддразнил я, наклоняясь, чтобы захватить его губы.

Лукас обвил ногами мою талию, и вот так квартиры стали забыты, и всё встало на паузу, как и каждый раз, когда мы так сходились вместе. Я дёрнулся к его бёдрам своими, в приятном скольжении соединяя вместе наши члены, и когда я снова захватил его губы, зазвонил мой телефон.

— Уф. Не отвечай, — сказал мне в губы Лукас, и я наградил его последним затяжным поцелуем.

— Не могу, — я встал на колени и слез с него, пока он не успел убедить меня на обратное. — Ты знаешь, что я жду звонка.

— Ах да, «сюрприз». И когда ты думаешь рассказать мне, что ты там запланировал?

— Когда будут готовы все бумаги, — подмигнул я и принял звонок, не посмотрев на номер. — Джексон слушает.

— Джекс, я так рада, что ты ответил, — облегчённо сказала Сидни.

— О, привет, Сид, — сказал я, и Лукас покачал головой, будто чтобы сказать, «если это не сюрприз, повесь трубку и ложись под меня». — Я хотел связаться с тобой, чтобы поблагодарить, что прикрыла меня на время отпуска. Я...

Лукас прикусил мою ягодицу, и я втянул воздух через зубы и чуть не уронил телефон.

— Чёрт побери, Лукас, — прошептал я, когда он заглушил свой смех подушкой, и попытался не улыбаться и не поощрять его. Приложив телефон обратно к уху, я сказал: — Прости за это. Как ты? Там всё в порядке?

— На самом деле, я по этому поводу и звоню. Твой отец... — она продолжала говорить, но я не мог разобрать, что именно, потому что Лукас скользнул ладонью вверх по моему бедру, и я шлёпнул его по руке, прежде чем поднять палец и шикнуть на него.

— Прости, Сид, можешь повторить? Должно быть, у нас связь плохая.

Лукас усмехнулся и приподнялся на локте, лёжа поперёк кровати, на полном обозрении. *Ещё и дразнится*.

Когда она повторила слова, я подумал, что мой мозг всё выдумал.

— Прозвучало так, будто ты сказала, что мой отец на пути в Южный Хэйвен, — сказал я ей.

— Эм, Джекс? Я так и сказала.

В это же мгновение моя улыбка исчезла, и Лукас заметил перемены в настроении и понял, что происходит то, что я только что упомянул, потому что он сел с беспокойным выражением лица.

— Когда? — спросил я.

— Он должен приехать в течение часа, если ещё не приехал. Его секретарь сказала, что он собирается прямиком в «АнаВоГ».

Я отодвинул телефон от лица, выругавшись так громко, что слова эхом отразились от стен. Затем я сказал Лукасу:

— Набирай Себастиана. Сейчас же.

Приезд моего отца в Южный Хэйвен означал две вещи: во-первых, он собирался закончить то, что не получилось у меня, и во-вторых, тот факт, что он не оповестил меня о своём прибытии, означал, что он надеялся застать меня врасплох.

Глава 39

Лукас

Как и обещало темнеющее небо, собиралась буря, и казалось, будто она направляется прямо на «АнаВоГ», пока мы с Джексоном поднимались к главным дверям спустя полчаса. Мы мало говорили с тех пор, как получили от Сидни новости о приезде его отца, быстро собираясь и выезжая в попытке попасть туда раньше старшего Дэвенпорта.

Сегодня Джексон выглядел как истинный своевольный бизнесмен, в своём приталенном синем костюме и с серебристым галстуком, и если бы мы были в других обстоятельствах, я отвёл бы момент на то, чтобы насладиться видом *и спереди, и сзади*.

Челюсть Джексона была напряжена, когда он открывал передо мной дверь, и от него исходила смесь энергии спокойствия и нервозности, как и чего-то другого, что я не мог понять... возможно, предвкушения?

Когда мы зашли в холл, он снова схватил меня за руку, и то, как он переплёт наши пальцы и притянул меня ближе к себе, пока мы шли к Астрид, которая уже ждала нас у своего стола, кричала о чувстве собственности. Он двигался с целью, и я не мог не заметить, что всё в Джексоне ясно даёт понять, что сегодня он не будет шутить.

И, чёрт возьми, я *не* жаловался.

Когда мы поздоровались с Астрид, она быстро открыла дверь.

— Мистер Дэвенпорт старший приехал около пяти минут назад, — тихо сказала она, ведя нас через задние офисы. — Он даже не попросил о встрече, просто прошёл.

Ого, какой агрессивный придурок. Не то чтобы я уже не знал этого по собственному опыту с ним, но чтобы он показался без объявления, когда его не ждали? Это было нагло.

Через стеклянные стены кабинета Баша теперь было легко увидеть их обоих: Баш как ни в чём не бывало сидел за своим столом, и я видел на стуле напротив него профиль мужчины, точной копии Джексона, но с более светлыми седыми волосами. Когда мы подходили к кабинету, я потянул Джексона за руку, и он остановился посмотреть на меня.

— Ты иди. Я подожду здесь, — сказал я.

— Я не пойду туда без тебя.

— Но...

— Нет.

Я знал, что лучше не спорить. Если он хотел, чтобы я был там, то так оно и будет. Я взглянул обратно на кабинет Баша. Совершенно негде спрятаться. *Отлично*.

— Ладно, — сказал я. — Но ты иди первый. Я буду за тобой, но не отвлекайся от того, с чем там нужно разобраться.

Джексон мгновение подумал об этом, а затем кивнул. Его плечи поднялись, когда он сделал глубокий вдох. Я не мог даже представить, что будет, когда он столкнётся лицом к лицу со своим отцом после всего, что узнал по приезду сюда. Если мне хотелось пристукнуть этого человека и закопать пораньше, то невозможно было сказать, что сделает Джексон.

— Ты справишься, — сказал я, на мгновение сжимая его руку, прежде чем отпустить. Губы Джексона приподнялись по краям от моей поддержки, а затем он открыл дверь в кабинет и прошёл внутрь.

— Джексон, — сказал Баш, вставая и приветствуя его улыбкой и рукопожатием, в то время как я задержался у двери, стараясь оставаться незамеченным. Взгляд Баша на

мгновение встретился с моим, и когда я покачал головой, он понял картину и посмотрел обратно на мужчин, которые стояли на небольшом расстоянии друг от друга.

— Ну, посмотрите, кого притащил кот, — сказал Дэвенпорт старший, натягивая на лицо самую фальшивую улыбку, которую я когда-либо видел в своей жизни. Он возвышался в своём чёрном костюме, хоть Джексон обгонял его на дюйм или около того, и он всё ещё был в отличной форме. Я бы даже назвал его привлекательным, если бы не знал, какой он полный засранец. — У меня сложилось впечатление, что ты в отпуске.

— Сэр, — Джексон коротко кивнул отцу, но больше ничего не сказал.

Дэвенпорт старший выглядел сбитым с толку.

— Разве так приветствуют отца после такого исчезновения, которое ты провернул на этой неделе? Избегал моих звонков. Оставлял сообщения через моего секретаря. Должен сказать, я не уверен, что думать, Джекс.

— Уверен, Себастиан не хочет слушать о каких-либо семейных разногласиях, — спокойно сказал Джексон.

— Я не знал, что у нас есть разногласия, но в любом случае, — его отец указал жестом на место рядом с собой, когда сел обратно. — Давайте приступим?

Баш посмотрел на двух мужчин и улыбнулся.

— Ну, ну, ну. Два Дэвенпорта в моём кабинете. Джексон, твой отец как раз говорил мне, что хотел бы заново обсудить дело.

— Да, что ж, я понимаю, что встреча с моим сыном прошла не особо успешно, так что мне хотелось бы воспользоваться шансом всё исправить. Открыть каналы связи и посмотреть, сможем ли мы прийти к соглашению.

— Тогда, полагаю, мне стоит взглянуть ещё раз, — сказал Баш.

— Я так и думал, что вам может понравиться, — сказал Дэвенпорт старший, бросая самодовольный взгляд в сторону Джексона, пока протягивал Себастиану папку. — Как видите, я готов предложить значительно больше, чем первоначально. Уверен, вы увидите, с каким энтузиазмом мы относимся к вашей компании и что мы можем вам предложить.

Баш, которого никогда не было легко удивить, приподнял брови и опустил взгляд на цифру в соглашении, и больше не двигался добрых две минуты. Затем он закрыл папку, и когда снова поднял взгляд, выражение его лица было нечитаемым.

— Мистер Дэвенпорт, как я сказал Джексону на прошлой неделе, моя компания не продаётся.

Самодовольная улыбка с лица Дэвенпорта старшего исчезла.

— Я ценю ваши слова о том, что вы дорожите моей компанией и хотите расстаться с такой значительной суммой, но боюсь, что никакие деньги не заставят меня продаться. И я уверен, что Джексон говорил вам о паре причин почему.

— Ах да, — его отец втянул носом воздух и поднял подбородок. — Близкие личные отношения и благосостояние ваших сотрудников, верно? — он наклонился вперёд. — Вы знаете, что у меня близкие личные отношения со многими инвесторами, которых вы ищете.

— В каком смысле?

— Я бы не хотел видеть, как такая перспективная молодая компания барахтается под растущими проблемами.

Лицо Себастиана оставалось маской бесстрастия.

— Это угроза, сэр?

Дэвенпорт старший потянул свои рукава, убеждаясь, чтобы бриллиантовые запонки поймали свет.

— Конечно нет. Я просто крайне рекомендовал бы подумать, что будет в ваших лучших интересах при движении вперёд.

Вот чёрт. Это была не тонкая прикрытая угроза, и даже Джексон искоса посмотрел на своего отца в шоке.

Баш, к его чести, даже не моргнул.

— Понятно. И я хотел бы воспользоваться этим моментом и обсудить причины, по которым я не считаю, что мы хорошо сойдёмся.

— Прошу прощения?

Баш поднял руку.

— Во-первых, я не оценил то, что вы зашли сюда без разрешения или записи. Вы проигнорировали моих сотрудников и отнеслись неуважительно к моему времени, предполагая, что я брошу всё ради вас. Я считаю это грубым. Во-вторых, я потрясён, что вы приехали сюда после того, как я отказался от предложения Джексона. Это говорит мне, что вы не доверяете ему его работу. И если вы не доверяете ему его работу в «Дэвенпорт Уорлдвайд», то я также ставлю под вопрос, почему вы не приехали сюда изначально, если моя компания была для вас так «важна».

Дэвенпорт старший сидел в ошеломлённой тишине, но Баш не закончил.

— И в-третьих, это предложение непомерной суммы денег, которая лучше пригодилась бы вам для дел вашей компании или для благотворительности, вместо того, чтобы использовать её, чтобы покрасоваться передо мной.

Чёрт возьми. Баш был просто крут.

В то время как Дэвенпорт старший, казалось, готовился ударить, на губах Баша играла лёгкая улыбка, и затем его внимание переключилось на Джексона.

— Ты что-нибудь хотел к этому добавить?

Джексон кивнул Башу и сказал:

— Думаю, сейчас как никогда подходящее время.

Себастиан встал и открыл боковой ящик, и, достав папку, он постучал ею по своей руке и обратился к Джексону, выгнув бровь:

— Мне взять эту честь на себя или...?

— Позволь мне, — сказал Джексон, улыбаясь, когда забрал папку у Баша. — Видишь ли, у меня было время подумать обо всём и... — он остановился и посмотрел на меня, всё ещё стоящего у двери. — На самом деле, иди сюда, Лукас — это относится и к тебе тоже.

Его отец развернул голову, чтобы посмотреть в мою сторону, и когда его черты осветило осознание, он зарычал.

— Какого чёрта этот извращенец здесь делает?

— Здравствуйте, мистер Дэвенпорт, — сказал я, выходя вперёд. — Я бы сказал, что приятно видеть вас снова, но первая встреча была кошмаром. Сейчас ничуть не лучше.

— Тебе здесь не место...

— На самом деле, — заговорил Баш, — так как мистер Салливан, извращенец, один из первых инвесторов «АнаВог» и владеет акциями компании, я бы сказал, что он более чем уместен здесь для обсуждения любых деловых решений, которые мы принимаем. Ещё я бы сказал, что у него есть в этом какой-то... *частный* интерес.

— Да уж, уверен, что это так. Я знаю всё о его частных интересах. Он пытался развратить моего сына в школе, а теперь вцепился в вас, — Дэвенпорт старший в отвращении покачал головой.

— А вот здесь ты совсем не прав, — сказал Джексон, вставая рядом со мной. Когда он потянулся за моей рукой, на его губах играла маленькая улыбка. — Это я развратил его. И он мой, а не Баша. И никого другого.

Отец Джексона отпрянул, будто его ударили, и пока он переводил взгляд между нами двумя, его губа изогнулась.

— Это что такое?

— Мне предложили работу здесь, в «АнаВог», и я согласился. Считай это моим уведомлением, — сказал Джексон, а затем сжал мою руку и посмотрел на меня с вопросом в глазах. *Это нормально?*

Нормально ли это? Должно быть, он шутил, если думал, что я буду испытывать что-то помимо восторга по поводу того, что может заставить его остаться здесь. Кроме меня, конечно же.

— Но предложение Себастиана не единственное, что держит меня в Южном Хэйвене, — продолжал Джексон, и то, как он держал меня мёртвой хваткой, говорило, что вот-вот наступит момент «*вот чёрт*». — Я узнал несколько вещей, пока был здесь. Важных вещей. Жизненно важных. И ты знаешь, что у них у всех общее? Ты. Твоё вмешательство.

Джексон сделал шаг к своему отцу, но не отпустил мою руку.

— Ты следил за мной. Наблюдал. Ты утащил меня от единственного мужчины, которого я когда-либо любил — от этого мужчины, — сказал он, снова глядя на меня. — И только сейчас, годы спустя, я понял, что ты сделал. Как ты мог? Как ты мог вмешиваться в мою жизнь, решать всё за меня? Я был таким чертовски слепым, потому что это то же самое что ты делаешь с другими компаниями — ты вынуждаешь их подчиняться, делать всё по-твоему, а затем разбиваешь их на части. И ради чего? Ради денег и своего эго? Чтобы всё контролировать? Пожалуйста, скажи мне, что я сделал такого неправильного, что ты не мог любить меня таким, каким я был.

— Каким ты был? — огрызнулся он. — Имеешь в виду, какой ты *есть*?

Если эта реакция удивила Джексона, он не подал виду.

— Я доверял тебе, а ты мне врал. Насчёт всего. Я даже не знаю, кто ты.

— Таких нас двое, — огрызнулся Дэвенпорт старший. — Думаешь, мне хотелось, чтобы мой сын был грёбаным педиком?

В кабинете повисла мёртвая тишина, и я не был уверен, кто ударит его первым. Баш, извечный голос разума, сделал первый шаг, выходя из-за стола.

— Думаю, вам пора уходить, — сказал Баш.

Дэвенпорт старший собирался ответить, но, должно быть, его взгляд поймали красные шпильки Баша, потому что он посмотрел на них, а затем обратно на Баша, с ошеломлённым выражением лица.

— Какого... Что за местом вы тут управляете? «Педики среди нас»?

Терпение Баша подходило к концу, но у него этого всё равно было больше, чем у меня, потому что ему удалось натянуто улыбнуться.

— Место, которым я управляю, как вы красноречиво заметили, это мультимиллионный бизнес, которому завидует каждый старт-ап в стране и на который пускали слюнки вы. Но моя компания, сэр, останется именно такой — моей. И никакое количество денег или угроз не заставит меня продать её такому человеку, как вы. А теперь убирайтесь к чёртовой матери.

Отец Джексона смерил Баша взглядом, но затем, должно быть, решил, что оставаться не стоит, и повернулся обратно к Джексону.

— Ты не можешь говорить об этом серьёзно. Я дам тебе один последний шанс. Пойдём сейчас со мной, и я забуду, что это когда-либо было.

— Простите, мистер Дэвенпорт, — сказал Джексон. — Я получил более хорошее предложение.

По шее Дэвенпорта старшего поднялся румянец.

— Ты совершаешь ошибку.

— Ты не прав, — сказал Джексон. — Впервые в своей жизни я знаю, что я на правильном пути. И этот путь не твой. Он только мой, и знаешь что? Это чертовски приятно.

— Джекс. Ты всё, что у меня осталось. Ради бога, подумай об этом. Подумай о чести семьи. Если ты решишь быть с этим... мужчиной, то как ты сможешь продолжить свой род? Это эгоистично.

— Эгоистично? — Джексон с грустью покачал головой. — Не могу поверить, что ты только что мне это сказал. Это всё, что тебя волнует? Это всё, кто я для тебя? *Фамилия*?

— Хорошее имя — это единственное, что есть у человека. Я тебе это говорил.

Джексон сжал мою руку до боли, но я держал его в ответ так же крепко, давая ему необходимую поддержку.

— Ты знаешь, раньше я на тебя ровнялся. Я думал, раз ты хорошо одеваешься и зарабатываешь на своей работе много денег, это значит, что ты успешный, что ты хороший человек, который заслужил этого. Но ты просто идёшь по костям всех, кого поглотил, чтобы попасть на своё место. Однажды ты оглянешься вокруг и увидишь, что никого нет, и это потому, что ты просто жалкий, коварный ублюдок. И если бы я не ненавидел тебя так сильно, мне было бы тебя жаль.

От слов Джексона лицо Дэвенпорта старшего покраснело от злости, и его грудь вздымалась, будто он собирался в любую секунду наброситься на Джексона, но затем он разжал свой кулак и указал пальцем в лицо сына.

— Ты не получишь от меня больше ни единого грёбаного пенни.

— Я и не хочу.

— Я серьёзно. Не возвращайся. Тебе не рады. Ты для меня никто. Никто.

Челюсть Джексона скжаслась.

— Я всё равно никогда не был для тебя кем-то, кроме разочарования. Считай это моим прощальным подарком.

Когда в кабинет зашли два огромных охранника, Баш сказал:

— Пожалуйста, сопроводите мистера Дэвенпорта — старшего — к выходу из здания...

— Это не понадобится, чёрт возьми, — выплюнул Дэвенпорт старший, но они схватили его за руки, пока он пытался высвободиться. — Отвалите от меня. Я сказал, что ухожу.

Баш кивнул, чтобы охранники отпустили его, и Дэвенпорт старший поправил свой пиджак. Затем, как истинный ублюдок, он задрал подбородок и не посмотрел в сторону Джексона, а тем более в мою, когда выходил из кабинета в холл, с охранниками позади.

Злость и напряжение из комнаты испарились, и когда плечи Джексона заметно опустились с облегчением, я обвили его руками, обещая, что никогда не отпущу.

— Я так горжусь тобой, — сказал я ему в шею, чтобы слышал меня только он. — Я бы его убил.

— Я чуть не убил. Если бы ты не держал меня за руку...

Затем Джексон поднял голову, и я с облегчением увидел там только твёрдую решительность, а не грусть из-за того, что только что произошло. Он наклонился, и грубый поцелуй, которым он наградил мои губы, пообещал, что таких будет ещё много.

— Что ж, не знаю как вы двое, — сказал Баш, подходя к окну и выглядывая на улицу, его дерзость проявилась снова, — но я немного разочарован. Я всегда думал, что это я самый скучной в нашей кучке.

Мы рассмеялись и закатили глаза, а затем наблюдали, как Дэвенпорт старший выходит из здания — и из жизни Джексона.

Эпилог

Три месяца спустя

Лукас

Три месяца, семь дней и двенадцать часов, если точно, и каждый чёртов день мне приходилось убеждать себя, что нам с Джексоном повезло достаточно, чтобы мы получили второй шанс, чего я никогда в жизни не ожидал, но был благодарен за это, даже если всё ещё не перестал тянуться по утрам к соседней подушке, чтобы убедиться, что Джексон по-прежнему там. Я знал, что на этот раз он никуда не денется, но от старых страхов тяжело избавиться.

Сегодня, под давлением Шоу и Баша, я пригласил домой несколько дюжин друзей, чтобы убить двух зайцев одним выстрелом — отметить двадцать седьмой день рождения Джексона и представить его на нашем официальном новоселье.

Да, я заманил Джексона переехать ко мне через пару месяцев после того, как он перебрался в Южный Хэйвен, но следует признать, что это произошло из-за очередного тропического шторма, который затопил его дом.

Спасибо, бабушка.

— Быстрее, прячься, кажется, будет тост, — сказал Джексон, подходя ко мне сзади. Его рука легла на мою поясницу, чтобы подтолкнуть меня к лестнице, но он немного приподнялся, потому что Баш нашёл микрофон и указал на нас, прежде чем привлечь всеобщее внимание.

— Хорошо, хорошо, — сказал Баш, поднимаясь на один из двух стульев, которые притащил Шоу. Когда он щёлкнул пальцем тем, кто всё ещё разговаривал в углу, его майка приподнялась и открыла тонкую полоску его плоского живота. — Тише, шлюшки, мы хотели бы произнести тост.

Когда в комнате всё стихло, я взглянул на Джексона, и на его лице было выражение «я же тебе говорил».

— От имени Лукаса и Джексона, мы бы хотели извиниться перед всеми вами. Мне очень жаль, друзья, но наш давний местный бог секса официально выходит из игры, — когда стоны смешались с несколькими возгласами радости, Баш приложил руку к своему сердцу. — Я знаю. Это практически позор. Но не переживайте — мы с Шоу будем более чем счастливы помочь вам с любой грустью или сексуальным напряжением.

Раздались громкие возгласы, когда Баш и Шоу оба подняли свои напитки, и я обвил рукой талию Джексона, притягивая его ближе.

— Слышишь? Ты весь мой, — прошептал я, и он повернулся голову, чтобы поцеловать меня.

Затем микрофон взял Шоу, и кто-то в толпе присвистнул.

— И на серьёзной ноте, потому что вы знаете, что она должна быть, и нам действительно следует разобраться с этим дерзом, прежде чем мы все разделемся и займёмся боди-шотами, мы бы хотели поздравить с днём рождения парня, который сделал нашего друга меньшим придурком, чем обычно. Джексон, мы не думали, что это возможно, но последние несколько месяцев, что ты здесь, мы видели больше улыбок Лукаса, чем за всё время нашего с ним знакомства. Правда, он выглядит немного сумасшедшим, когда не хмурится, но плевать, это тебе с ним просыпаться.

— Пошёл в жопу, — крикнул я, поднимая средний палец в помощь своим добрым пожеланиям.

Шоу послал в ответ воздушный поцелуй и продолжил.

— Мы знаем, что вы, ребята, прошли до ада и обратно, так что тот факт, что вы здесь, вместе, и вы выбрали друг друга... ну, полагаю, это чертовски прекрасно. Что скажешь, Баш?

Баш наклонился к микрофону.

— Я скажу, не забывайте пользоваться презервативами. Мы знаем, Джексон красавчик, но нам не нужно, чтобы всякие мини-Салли рушили наши оргии.

— И на этой ноте... — Шоу поднял вверх свой напито. — Поздравляем вас двоих. Мы вас любим, — когда толпа издала звуки умиления, Шоу добавил: — И те, кто готов к боди-шотам, можете встретиться со мной на кухне.

Затем он спрыгнул со стула, и группа жаждущих участников вечеринки пошла за ним к задней части дома, и они все останавливались по пути, чтобы сказать поздравления и чокнуться своими бокалами с нашими.

— Ладно, могло быть и хуже, — сказал я.

— Это как?

— Могло быть пение...

Как только слова вылетели у меня изо рта, кто-то включил музыку, и — помоги нам всем господь — Баш начал петь. Плохо.

— Выпьем? — произнёс я, приподнимая бровь и глядя на Джексона.

— Выпьем, — согласился он.

Джексон

— Полагаю, твои друзья не так уж плохи. Большинство из них, — поддразнил я Лукаса через пару часов, когда, наконец, сбежал от одного из парней, который хотел рассказать мне все уморительные истории о своей чихуахуа. В конце концов, мне пришлось сказать ему, что я ненавижу собак, просто чтобы уйти. Наверное, сейчас он бежал домой звонить в общество защиты животных.

— Я уж думал, куда ты сбежал. Вечеринка для нас, а я тебя даже не видел. Мне это совсем не нравится, — сказал он, притягивая меня к себе.

Послышался грохот, а затем с другого конца комнаты прозвучал голос Баша.

— Ох, я такой ужасно неуклюжий. Пожалуйста, простите меня, что я упал в ваши...

— Баш провел руками по бицепсу парня, — большие, мускулистые руки.

— Ох, ради бога, — пробормотал Лукас, когда Баш последний раз похлопал парня, а затем подошёл к нам. — Как думаешь, ты сможешь провести один вечер без того, чтобы не домогаться наших гостей?

Положив одну руку на бедро, а другой потянувшись за стаканом шампанского на одном из подносов в углу, Баш изобразил шок.

— Ты намекаешь, что я упал в большие мускулистые руки этого прекрасного человека специально?

— Это вполне похоже на то, что сделал бы *Баш*.

— Что ж, какая жалость, всё в кругу друзей. Честно говоря, я удивлён, что все по-прежнему одеты. Ну, кроме мириад завоевателей Шоу.

Сделав приличный глоток шампанского, он слегка пошатнулся, и я схватил его за локоть, чтобы удержать.

— Ты сегодня в порядке? — хохотнул я, пока Баш выпрямлялся.

— О боже. Наверное, от кубиков сыра, которые я сегодня съел, у меня немного кружится голова, но как ещё я должен был влезть в эти штаны? — ответил он, скользя руками по натянутой коже, которая выглядела так, будто была нарисована на его тонкой фигуре.

— Баш — кухня. Еда. Сейчас же, — сказал Лукас.

— Ммм, он такой властный, — сказал Баш, а затем прильнул ближе, чтобы преувеличено прошептать мне: — Надеюсь, в кровати он тоже такой.

— Иди поешь, дурачина, — сказал Лукас, закатывая глаза и уводя меня прочь. — Ещё раз, почему мы согласились провести вечеринку здесь?

— Потому что ты хотел представить меня всем своим друзьям и похвастаться упорной работой, которую мы проделали в этом доме.

Как бы мы ни любили ностальгировать по тому, как всё устроила бабушка, когда была жива, пришло время перестроить дом изнутри с помощью краски и мебели, на выборе которой мы с Лукасом сошлись. Результатом стало уютное смешение мягкой коричневой кожи и оттенков синего, которые по утверждению Лукаса подходили к моим глазам.

Слащавый влюблённый дурак.

— В этом ты должен был мне отказать. Прямо сейчас мы могли бы быть в постели. Когда Лукас прижался губами к моему уху, я игриво оттолкнул его.

— Но я даже не устал.

— Я говорил не о сне, — сказал он, возвращаясь, чтобы легонько прикусить мочку моего уха. — Идём. Никто нас не потеряет, если мы пойдём наверх.

— И пропустить собственную вечеринку?

— Я впервые не в настроении.

Эти слова из уст Лукаса Салливана заставили бы любого другого задуматься дважды, так что я ничего не мог поделать со своей реакцией.

— Что такое? Бывший богекс Южного Хэйвена заскучал через два часа? Он начинает жизнь с нового листа? Скажи, что это не так.

— Не совсем... — Лукас скользнул руками в мои штаны сзади, чтобы схватить меня за зад и использовать его как упор, пока тёрся об меня.

Боже, эти его руки. Следует что-то сказать об отношениях с человеком, который зарабатывает на жизнь руками, потому что... чёрт возьми. Он мог спровоцировать мой член на действия без прикосновений, конечно, но с этими волшебными руками? Он мог разогнать всё на полную катушку за две секунды.

Ещё были его губы... эти пухлые, аппетитные губы, которые были такими же соблазнительными, особенно когда путешествовали по моей шее, и я схватился за волосы Лукаса и оттянул его голову назад, чтобы втянуть в рот его нижнюю губу.

— Ммм, — произнёс он. — Видишь? Поэтому мы должны... — на кухне раздался грохот, и Лукас вздохнул. — Стой здесь. Не двигайся.

Я рассмеялся над его раздражённым тоном, когда он пошёл проверить, какие махинации вызвали разрушения, и когда он исчез за углом, я снова удивился, какой теперь стала моя жизнь.

Последние три месяца пролетели так быстро: начиная с высокого положения в «АнаВоГ», трёх переездов, обновления нашего дома... это был водоворот событий, лучшее время в моей жизни, даже когда объединялось с плохим. Я не говорил с отцом с того дня в офисе Баша, и в моей голове не было сомнений, что связи между нами полностью разорвались. Отчасти я думал, что от этого следует грустить, потому что он всё-таки мой отец, но я не чувствовал ничего, кроме отвращения к его имени. Отказ от отца полностью изменил направление моей жизни, и если бы мне пришлось проживать всё заново, я не стал бы думать дважды.

Сидни по-прежнему звонила время от времени. Услышав, что произошло с моим отцом, она ушла из «Дэвенпорт Уорлдвайд» вскоре после меня и сейчас тратила время на путешествия. В своей попытке помочь ей осуществить мечту стать мамой, и чтобы загладить часть вины, которую я испытывал из-за того, что так долго водил её за нос, я попросил Баша узнать насчёт направлений для одиночек, и судя по тому, что он сказал, она планировала встретиться с несколькими его знакомыми, пока находится за границей.

Оставался только... Лукас. Мой Лукас.

Когда он подошёл обратно ко мне, выражение его лица сменилось с раздражения на чистую любовь, с хорошей дозой похоти в придачу.

— Я дал им всем «Найквила». Скоро мы должны остаться одни, — сказал он. — А теперь, на чём мы остановились?

Я подцепил пальцем его цепочку, точную копию которой он недавно сделал и подарил мне, когда я перевёз последние вещи в его дом — теперь уже наш дом.

— Что мне с тобой делать, Лукас Салливан?

Его карие глаза блестели.

— Я могу придумать несколько вещей.

— Одна из них включает в себя ту свечку, которую ты купил, которая превращается в массажное масло?

— Боже, ты так хорошо меня знаешь. Да. Да, включает.

— Ты найди зажигалку, а я попрошу Шоу отвлечь всех, чтобы они не заметили нашего исчезновения.

Лукас дёрнул меня вперёд и целовал до тех пор, пока у нас обоих не закончился воздух в лёгких.

— Чёрт, — сказал он, держа моё лицо в своих руках. — Я говорил, что люблю тебя? Я усмехнулся.

— Последний час нет. Сдаёшь позиции.

Лукас снова прижался губами к моим, и на этот раз срочность уступила место страсти и поцелую, который всегда говорил мне, как сильно он меня любит.

— Лукас? — произнёс я в его губы. — Не думаю, что успокоительное срабатывает.

— Дерьмо. Как думаешь, мы можем сбежать отсюда?

— Это кое от чего зависит.

— От чего?

Я улыбнулся ему улыбкой, полной озорства, пока играл с пуговицей на своих шортах, чтобы отвлечь его, и сказал:

— От того, как быстро ты меня поймаешь.

— Я поймал тебя при нашей первой встрече, Дэвенпорт. Ты уже забыл?

— Нет, — сказал я и расстегнул свои шорты. — Но тогда я понятия не имел, во что ввязываюсь.

— О да? А теперь имеешь?

Я сделал один необходимый шаг, чтобы сократить расстояние между нами и поцеловать его в губы, и боже, на вкус он был всем, чего я хотел и в чём нуждался.

— Да. И в этом замешано немного любви.

Конец